КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. **1891 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Турбаевская катастрофа.** А. Я. Ефименко. (373—401).

II. **Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.** Г. В. Есипова. (402—421).

III. **„Онъ присягалъ“.** Дм. В. Марковича. (422—432).

IV. **Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ.** Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. (433—444).

V. **О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ.** Хр. П. Ящуржинскаго. (445—462).

IV. **Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши).** IV. (463—477).

VII. **Реформы въ Малороссіи при графѣ Румянцевѣ.** Н. В. Стороженко. (478—493).

VIII. **Документы извѣстія и замѣтки. Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго.** Сообщилъ Д. И. Багалѣй. **Къ исторіи попытокъ сокращенія праздчиковъ.** Н. С. **Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в.** Сообщ. И. В. Лучицкій. **Новые альбомы д-ра де-ля-Флиза** Н. Б. **Изображеніе галернаго раба XVIII в.** Н. С. **Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 году** А. А. (494—513).

IX. **Библіографія. И. Каманинъ. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ (Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II.** Н. М. В. **Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ.** Н. Н. Любовича. **Сочиненія Гоголя, изданныя подъ редакціей Тихонравова, V т.** Г. **Повѣсти и разсказы Грицька Основьяненка. Т. IV. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ.** В. П. Н. Б. **В. Щегловъ. Историческая справка о полѣ полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ.** Н. В. **Обозрѣніе журналовъ.** (512—544).

X. **Объявленія.** (1—8).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Покровская церковь въ г. Переяславѣ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Храмъ Покровы Богоматери въ Переяславѣ.

Свѣтопечать С. В. Кульженко

ТУРБАЕВСКАЯ КАТАСТРОФА.

I.

Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хорола въ Псел (теперешній хорольскій уѣздъ, полтавской губ.) было большое село Турбаи. Теперь вы не отыщете такого названія ни на какой картѣ, какъ не найдете и самаго села. Налетѣвшій общественный шквалъ снесъ его съ лица земли. Весь этотъ любопытный эпизодъ составляетъ содержаніе огромнаго дѣла, на тысячѣ съ лишкомъ листовъ, „О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убивство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану и сестрѣ ихъ дѣвицѣ Марьи Базилевскимъ", хранящемся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ. Но, конечно, самое любопытное въ этомъ дѣлѣ не убійство со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, бунтомъ, полнымъ разграбленіемъ помѣщичьяго имущества и т. п., а то, что турбаевскіе жители почти четыре года существовали, не признавая властей, пока не выселили ихъ, при содѣйствіи военной силы, „въ степныя мѣста". Сохранились ли у потомковъ турбаевцевъ воспоминанія о ихъ старой малорусской родинѣ, о хуторахъ, тонувшихъ въ зелени садковъ, о свѣтломъ Пслѣ съ его живописными берегами?

Смыслъ случившагося лежитъ, какъ это всегда бываетъ, позади разыгравшихся событій. Втеченіе всего предшествующаго столѣтія въ малорусскомъ обществѣ происходило усиленное броженіе общественныхъ элементовъ. Броженіе это обусловливалось разложеніемъ первоначальнаго демократическаго равен-

ства, водворившагося было на одинъ моментъ послѣ Хмельницкаго. Разложеніе выразилось, прежде всего, выдѣленіемъ привилегированнаго класса. Козацкая старшина, сначала исключительно выборная, затѣмъ назначаемая, съ страстной энергіей устремилась на то, чтобъ упрочить за собой положеніе шляхетства, найти себѣ мѣсто въ рядахъ благороднаго россійскаго дворянства. Конечно, все это зависѣло въ концѣ-концовъ отъ санкціи верховной власти, но можно было подготовить положеніе такъ, что санкція это дѣлалась не только возможной, но и необходимой. Для этого надо было обезпечить за собой возможно больше земли и обязательнаго труда. Этой цѣли служили отчасти ранговыя маетности, т. е. населенныя земли, которыя давались козацкому уряду „на рангъ", вмѣсто жалованья, но этого, конечно, было мало, да къ тому же ранговыя маетности не имѣли характера собственности, хотя и обращались часто въ собственность. Помимо ранговыхъ маетностей, козацкая старшина начала пріобрѣтать землю всѣми правдами и неправдами: покупкой, свободной и насильственной, всякими видами захвата земли, какъ общественной (войсковой), такъ и принадлежавшей людямъ, которые по своему общественному положенію были слишкомъ слабы, чтобъ тягаться со старшиной, державшей въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Одновременно, войсковая старшина, пользуясь своимъ положеніемъ, затягивала узы обязательнаго труда—сначала крайне легкія—которыя связывали ее съ населеніемъ, сидѣвшимъ на ея земляхъ. Во всемъ этомъ козацкая старшина проявляла удивительную энергію, которая производила результаты прямо чудесные. Въ какіе-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ, безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства, старшина проглотила всю войсковую землю, затѣмъ всю посполитскую землю и обратила такъ-называемое свободное посполитство цѣликомъ въ такое состояніе, что знаменитый манифестъ Екатерины II, юридически прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, собственно не внесъ въ ихъ положеніе ничего новаго.

Но, кромѣ посполитыхъ, была и еще группа свободныхъ земледѣльцевъ, по общественному положенію своему вполнѣ зави-

симыхъ отъ старшины—козаки. Однако проглотить козаковъ значило бы для старшины проглотить въ концѣ-концовъ и самое себя; къ тому же и Петербургъ усиленно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ козаки оставались козаками. А между тѣмъ, съ другой стороны, разыгравшимся аппетитамъ крайне трудно было удержаться отъ того, чтобъ не протянуть въ томъ или другомъ случаѣ руку къ козацкой собственности и личности, такъ соблазнительно предоставленной à discretion пана урядника. Болѣе сильныя лица, гетманъ, вліятельный полковникъ, могли, конечно, и безъ всякихъ церемоній прямо брать свое, гдѣ оно имъ полюбится; но менѣе сильныя прибѣгали къ хитростямъ и подходамъ, какъ-нибудь выводили козака изъ козацкаго компута, а затѣмъ уже обращали въ подданные; чаще же всего, прежде обезземеливали козака, т. е. покупали или отбирали за долгъ его землю, несмотря на прямые запретительные указы изъ Петербурга, а беззаемельнаго козака уже ничего не стоило обратить въ подданнаго, посадивъ его на свою, часто отъ него-же отобранную, землю въ видѣ такъ наз. подсусѣдка. У всякаго пана были подобныя незаконныя „козачьи скупли", за которыя панство постоянно дрожало. Но и козаки, чувствуя за собой нѣкоторую юридическую опору, далеко не всегда оставались пассивными передъ натискомъ панства. Въ массѣ случаевъ, они, при первой возможности, старались возвратить себѣ утраченную свободу. Южнорусскіе архивы запружены дѣлами „объ ищущихъ козачества". Часто ищущіе козачества подданные находили поддержку даже и въ мѣстной власти, если она не видѣла необходимости или интереса, въ томъ или другомъ случаѣ, укрывать беззаконіе.

Въ исторіи Турбаевъ, „какъ солнце въ малой каплѣ воды", отразилось то, что совершалось по всей Малороссіи.

Еще въ началѣ XVIII стол. „до прутской акціи", по выраженію документовъ, Турбаи было свободнымъ войсковымъ селомъ, въ которомъ на-ряду съ свободными посполитыми жило и много козаковъ. Но село это имѣло несчастіе лежать на территоріи миргородскаго полка, полковникомъ котораго былъ Даніилъ Апостолъ. Апостолъ былъ хищникъ и пріобрѣтатель, къ тому же

вліятельный полковникъ изъ породы тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ всегда выйти сухими изъ воды: втеченіе 44 лѣтъ своего полковничества онъ успѣлъ таки пустить корни въ своемъ полку. Къ Турбаямъ онъ подобрался такъ. При селѣ, на рѣкѣ Хоролѣ, была загачена для переѣзда гребля; у гребли этой одинъ козакъ поставилъ мельницу. Апостолъ купилъ въ 1711 г. эту мельницу и плотину, и такимъ образомъ запустилъ въ село руку. Во многихъ случаяхъ для сильнаго человѣка бывало достаточно такого ничтожнаго обстоятельства, чтобъ овладѣть совершенно территоріей и ея населеніемъ. Въ томъ же году турбаевскіе козаки двинулись въ прутскій походъ. Но Апостолъ, силой своей полковничьей власти, вернулъ ихъ съ дороги назадъ и приказалъ гатить греблю. Съ той поры турбаевскіе козаки исчезаютъ изъ козацкихъ компутовъ, а нѣсколько позже Турбаи уже и прямо появляются въ спискахъ маетностей полковника Апостола. Какъ ни очевидно и грубо было насиліе, сдѣланное Апостоломъ надъ турбаевскими козаками, но „о ихъ приверненіи во власть Апостола просить имъ было", по выраженію документа, „опасно": еще бы не опасно, когда Апостолъ былъ и военный начальникъ, и полномочный администраторъ, и судья въ своомъ полку. Конечно, не менѣе опаснымъ стало это и тогда, когда миргородскій полковникъ сдѣлался въ 1727 г. гетманомъ. Только смерть Апостола въ 1733 г. развязала руки турбаевцамъ. Правда, вдова гетмана тотчасъ же послѣ смерти мужа выхлопотала царскую грамоту, утверждавшую за нею и дѣтьми всѣ пріобрѣтенія Апостола, въ числѣ которыхъ упоминаются и Турбаи. Но тѣмъ не менѣе со смертью Апостола начинаются попытки турбаевцевъ возвратить себѣ отнятую свободу. Имъ пришло на помощь такое обстоятельство. Новый миргородскій полковникъ Капнистъ былъ старинный недоброжелатель роду Апостоловъ. Поэтому онъ ничуть не затруднился, опять таки силою своей же полковничьей власти, снова внести въ 1738 г. турбаевцевъ въ козацкіе компуты. Отсюда и потянулась новая вереница путаницы, которой были полны всѣ тогдашнія общественныя отношенія. Права Даніила Апостола на Турбаи перешли къ его внуку Павлу, а отъ него къ дочери, Кате-

ринѣ Павловнѣ Битяговской. Это была слабая линія Апостолова дома. Павелъ Апостолъ умеръ молодымъ и оставилъ дочь всего шести недѣль. Когда она достигла полнаго возраста, ей, вѣроятно, было совсѣмъ не подъ силу „доходить" своихъ сомнительныхъ правъ, противъ которыхъ были уже и давно истекшіе сроки земской давности. Оставалось одно средство, къ какому постоянно прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ,—передать свои шаткія права такому лицу, которое бы было въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сдѣлать шаткое твердымъ, сомнительное—несомнѣннымъ. Битяговская передала свои права на Турбаи, путемъ купчей, одному изъ Базилевскихъ.

Генеалогическое древо рода Базилевскихъ, какъ и огромнаго большинства южнорусскихъ дворянскихъ фамилій, не имѣло ни глубокихъ корней, ни величественнаго вида. Базилевскіе происходили изъ рядоваго козачества. За родоначальника ихъ надо признать Василія Онисимовича, который въ началѣ прошлаго столѣтія имѣлъ маленькій чинъ обознаго миргородскаго полка, и былъ бѣденъ, безграмотенъ, и такъ мало значителенъ, что не имѣлъ даже за собой ни одной населенной маетности. Сынъ его былъ сотникомъ, и въ видахъ окруженія себя шляхетскимъ престижемъ, измѣнилъ свое народное прозвище, слѣдовавшее ему по отцу, Василенка въ Базилевскаго. Два его сына, уже съ полонизированнымъ родовымъ прозвищемъ, были сотниками въ миргородскомъ полку, одинъ сотни остаповской (въ районъ которой входили Турбаи), другой—бѣлоцерковской, по сосѣдству. Они-то, повидимому, и положили основаніе тѣмъ большимъ богатствамъ, какими отличался родъ Базилевскихъ въ рядахъ войсковой старшины. Сотничій урядъ не былъ, конечно, важнымъ урядомъ въ тогдашней общественной іерархіи, но тѣмъ не менѣе онъ былъ урядомъ выгоднымъ. Для своей сотни сотникъ былъ тѣмъ же, что полковникъ для полка, и потому при безвастѣнчивости могъ многое выжимать изъ своей большой и сложной власти. Сотники нерѣдко наживали большія состоянія, конечно, главнымъ образомъ земельныя, скупая и иными способами пріобрѣтая земли и обязательный трудъ. Дѣти этихъ Базилевскихъ, хотя и были уже очень обезпеченные люди, про-

должали тѣмъ не менѣе держаться мало замѣтныхъ, но выгодныхъ мѣстныхъ урядовъ, главн. образомъ сотничьяго. Съ наступленіемъ Екатерининскихъ реформъ, Базилевскіе устремились на государственную службу, и благодаря своимъ богатствамъ легко выходили въ чины. Надо сказать, впрочемъ, что они, какъ и вообще малорусское панство, не пренебрегали образованіемъ: между прочимъ, и тѣ два Базилевскіе, которые сдѣлались жертвами катастрофы, учились въ геттингенскомъ университетѣ [1]).

Какъ энергично пріобрѣтали Базилевскіе землю, видно изъ того, что при одной турбаевской экономіи хранилось до пятидесяти купчихъ на однѣ только мѣстныя земли. Все это было скуплено еще до передачи Битяговской въ 1767 г. своихъ правъ Базилевскимъ. Скупали, главн. образомъ, отъ турбаевскихъ козаковъ (самое существованіе которыхъ Базилевскіе позже отвергали совершенно) сотникъ остаповскій Өедоръ Базилевскій, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и его вдова, родители пострадавшихъ братьевъ Базилевскихъ. Скупленныя земли заселялись переселенцами изъ другихъ мѣстностей, которые всѣ оказались послѣ Екатерининскаго манифеста крѣпостными Базилевскихъ. Но и кромѣ Турбаевъ у Базилевскихъ была масса земель. Къ моменту катастрофы, т. е. къ 1789 г., Базилевскимъ принадлежала въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, территорія, захватывавшая нѣсколько теперешнихъ волостей; да еще были земли и въ другихъ мѣстностяхъ, дававшія имъ право числиться помѣщиками трехъ намѣстничествъ: кіевскаго, екатеринославскаго и харьковскаго.

Къ описываемому времени большія маетности Базилевскихъ были подѣлены между шестью братьями. Турбаи, вмѣстѣ съ Кринками, Зубанихой, Очеретоватымъ, достались на долю двухъ— Степана и Ивана Базилевскихъ. Эти Базилевскіе, относительно которыхъ выше было упомянуто, что они оба учились въ Геттингенѣ, сдѣлали Турбаи центромъ своихъ владѣній, центромъ хозяйственной единицы, очень сильной и очень благоустроенной,

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Базилевскихъ заимствованы нами изъ ст. г. Лазаревскаго: Очерки малороссійскихъ фамилій (Русск. Архивъ, 1875 г. кн. 1-я).

сколько можно судить по сохранившейся описи экономическихъ книгъ и другихъ хозяйственныхъ документовъ турбаевской экономіи. Многія современныя владѣльческія хозяйства могли бы позавидовать той строгой отчетности, какая заведена была Базилевскими. Надо сказать, что хозяйство ихъ было такъ обширно и сложно, что оно и не могло процвѣтать безъ правильнаго хозяйничанья. Это было большое владѣльческое хозяйство патріархальнаго типа. Наряду съ земледѣліемъ, которое велось въ очень большихъ размѣрахъ благодаря обязательному труду, имѣло мѣсто и обширное скотоводство. Оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ очеретоватской экономіи: здѣсь были заводы—конскій, товарячій и овечій. Но кромѣ того, черезъ крестьянъ скупались волы на выпасъ, какъ это дѣлается и теперь на югѣ всюду, гдѣ есть свободныя пастбища. Массу получаемаго сырья старались обрабатывать внутри хозяйства. Зерно обращалось въ вино, солодъ, муку, крупу, льняное и конопляное сѣмя—въ масло; волокно—въ прядиво и холстъ. Шерсть перерабатывалась въ сукно; выдѣлывались кожи, въ большихъ размѣрахъ заготовлялись сыръ и масло, въ собственныхъ, а частью и покупаемыхъ, лѣсахъ, гнался деготь. Винокурня, солодовня, олѣйница, мельницы, фалюши—все это, по преимуществу, сосредоточивалось въ главной экономіи, турбаевской. Но Базилевскіе не пренебрегали и торговыми операціями: продавали и раздавали „на боргъ“ своимъ подданнымъ хлѣбъ и иные продукты своего хозяйства; покупали въ Крыму соль, а въ Кіевѣ желѣзо и перепродавали имъ же. На всей территоріи во владѣльческихъ шинкахъ шинкари, большею частью евреи, продавали, вмѣстѣ съ владѣльческой горѣлкой, вишневкой, пивомъ и т. п. напитками, также владѣльческій деготь, соль, табакъ. Не брезгали владѣльцы даже и раздачей своимъ подданнымъ денегъ въ ростъ. Подданные, кромѣ обработки панской земли и уборки сѣна, обязывались еще ко многимъ другимъ работамъ: имъ раздавалась конопля для мочки, ленъ и конопля для прядива, холстъ для бѣленья, зерно для сушки, мука для печенья сухарей; они должны были дѣлать для экономіи кирпичъ и т. п. На основѣ такого хозяйничанья, защищеннаго отъ риска, кри-

зисовъ, колебаній рынка, легко и свободно росло владѣльческое благосостояніе. Господская усадьба въ Турбаяхъ была переполнена всяческимъ добромъ: комнаты—украшены изысканными „меблями"; въ кладовыхъ заперто множество сундуковъ, ломившихся подъ тяжестью серебра, дорогихъ тканей, разныхъ принадлежностей комфорта и роскоши; сараи были наполнены всевозможными экипажами, между которыми были и англійскіе, очень цѣнные; въ погребахъ хранились дорогія иностранныя вина. По чрезвычайному обилію всяческихъ запасовъ, господская усадьба была то, что называется полною чашей. Мало того: у Базилевскихъ былъ большой запасъ наличныхъ денегъ, которыя они щедрою рукой раздавали подъ векселя, уже не подданнымъ, а лицамъ своего общества. Втеченіе только одного года, предшествовавшаго катастрофѣ, было роздано ими больше 50,000 руб.,—огромная сумма на тогдашнія деньги—подъ шестьдесятъ векселей. Такимъ образомъ, они представляли для своей мѣстности какъ-бы нѣкоторое подобіе кредитнаго учрежденія. Нечего распространяться о томъ, какъ велико было вліяніе, создаваемое и поддерживаемое ими такимъ образомъ. Конечно, должниками ихъ часто оказывались очень нужныя лица. Вѣроятно, въ этомъ надо искать главное объясненіе той полнѣйшей и единодушной готовности оказывать Базилевскимъ содѣйствіе, какое всегда обнаруживали мѣстныя учрежденія.

Но подъ это цвѣтущее благосостояніе была подведена мина. Миной этой были турбаевскіе козаки или „турбаевскіе жители, присваивающіе себѣ мечтательно званіе козачее, а присужденные всѣми правительствами быть мужиками", по выраженію одного оффиціальнаго документа. Но что турбаевскіе жители лишь мечтательно присваиваютъ себѣ козачье званіе, такъ смотрѣли на дѣло только низшія, мѣстныя „правительства"; высшія же, петербургскія, наоборотъ, склонны были видѣть правоту въ притязаніяхъ турбаевцевъ. Получивъ отъ Битяговской ея сомнительныя права, Базилевскіе съумѣли ихъ осуществить. У нихъ хватило силы на то, чтобъ отобрать у козаковъ документы съ доказательствами ихъ козачьихъ правъ и заставить ихъ отбывать подданническія повинности. До поры до времени

козаки протестовали только побѣгами, но не считали все таки себя побѣжденными окончательно. Они успѣли какъ то найти себѣ повѣренныхъ и ходатаевъ, которые вели отъ ихъ имени искъ въ Сенатѣ. Дѣло шло медленно, но принимало оборотъ благопріятный. Въ іюнѣ 1788 г., ровно за годъ до катастрофы, состоялось рѣшеніе Сената, которымъ признавались козачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ козачьи компуты. Отъ рѣшенія до его осуществленія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, на какой надѣялись и какого ожидали турбаевцы, было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было рѣшеніе состоялось, и объ немъ скоро прослышали какъ Базилевскіе, такъ и турбаевцы. Однако оффиціально объявлено было мѣстными властями о состоявшемся рѣшеніи только въ январѣ: приэтомъ власти увѣщевали турбаевцевъ оставаться въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, пока не явится судъ привести указъ въ исполненіе. Но турбаевцы не хотѣли видѣть въ этихъ увѣщаніяхъ ничего, кромѣ угодничества властей передъ Базилевскими; Базилевскіе же своими дѣйствіями подливали масла въ огонь. Они встали прямо на военное положеніе: отнимали скотъ у своихъ враговъ, принуждали къ самымъ тяжелымъ работамъ, запирая ихъ, какъ рабовъ, на ночь въ амбары—въ холодные амбары, зимой, что уже имѣло видъ истязательства и т. п.

Только въ іюнѣ появился въ Турбаяхъ, подъ прикрытіемъ воинской команды, нижній голтвянскій земскій судъ съ совѣтникомъ кіевскаго намѣстническаго правленія Корбе, чтобъ привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената.

II.

Роковымъ днемъ для Базилевскихъ было 8 іюня 1789 г. Это былъ день, назначенный судомъ для объявленія указа турбаевской громадѣ и для начала дѣла о приведеніи его въ исполненіе.

Настроеніе турбаевцевъ было самое тревожное. Ничего не было похожаго на то, что они ожидаютъ радостнаго для себя

событія. Наоборотъ, чувствовалось, что наступаетъ самый важный моментъ, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свои права. Еще наканунѣ, какъ только разослана была повѣстка на счетъ явки въ судъ, всѣ турбаевцы собрались въ домѣ атамана Цапка. Настроеніе выразилось въ общемъ единодушномъ рѣшеніи: не поддаваться до самой послѣдней крайности.

Положеніе дѣлъ объясняло и оправдывало такое настроеніе турбаевскихъ жителей.

Законныя власти съ первыхъ же своихъ шаговъ на турбаевской территоріи заявили себя рѣшительными сторонниками Базилевскихъ. Совѣтникъ Корбе, представлявшій собою лицо губернатора, который не явился самъ, хотя и долженъ былъ явиться въ силу предписанія изъ Петербурга, поселился въ домѣ Базилевскихъ: турбаевцы могли знать то, что знаемъ мы теперь изъ описи векселей, т. е. что онъ былъ у Базилевскихъ въ числѣ крупныхъ должниковъ. Съ нимъ поселился стряпчій и нѣкоторыя другія изъ должностныхъ лицъ. Члены земскаго суда были помѣщены въ домахъ безспорныхъ подданныхъ Базилевскихъ и пользовались содержаніемъ отъ владѣльцевъ. За то воинская команда расквартирована была исключительно въ домахъ ищущихъ козачества. Подъ двойнымъ прикрытіемъ, могучихъ Базилевскихъ и воинской команды, представители власти и правосудія не стѣснялись высказываться громко, въ очень враждебномъ для турбаевцевъ смыслѣ. Они подсмѣивались открыто надъ смятеніемъ, царствовавшимъ въ Турбаяхъ. Исправникъ Клименко даже прямо сказалъ турбаевцамъ, что если кого нибудь изъ нихъ и отберутъ, въ силу указа, отъ Базилевскихъ, то и это будетъ лишь на самое короткое время. Разумѣется, такое поведеніе властей, граничившее съ беззастѣнчивой наглостью, не могло способствовать успокоенію умовъ.

Къ несчастью, самый сенатскій указъ былъ составленъ такъ, что давалъ большой просторъ произволу мѣстныхъ властей. Сенатъ признавалъ козачьи права за 76 родами, внесенными Капнистомъ въ компуты. Но дѣло это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ могли теперешніе турбаевцы доказать

связь съ этими родами? Письменные документы, у кого они случились, были отобраны Базилевскими, и судъ не предпринялъ ничего, чтобъ ихъ возвратить, а во многихъ случаяхъ ихъ, конечно, и вовсе не было. Родовыя прозвища? Но вѣдь извѣстно, что въ народѣ они никогда не бываютъ постоянными, мѣняются почти съ каждымъ поколѣніемъ. Одно и тоже лицо, даже и теперь, часто называется Григоренкомъ по отцу, Савченкомъ по дѣду, Золотаренкомъ—по оффиціальному, Постриганомъ—по уличному. Конечно, пятьдесятъ лѣтъ не такой срокъ, чтобъ нельзя было возстановить истины по показаніямъ старожиловъ, церковнымъ записямъ и т. п. Но вѣдь это въ томъ лишь случаѣ, еслибъ власти были заинтересованы въ раскрытіи истины; а если онѣ были заинтересованы какъ разъ въ обратномъ?

Безъ сомнѣнія, турбаевцы отлично понимали, что они находятся вполнѣ въ рукахъ мѣстныхъ властей! Судъ могъ признать, для отвода глазъ, козачьи права за отдѣльными единицами, которымъ посчастливилось удержать какія-нибудь несомнѣнныя юридическія доказательства своего козачества, а на счетъ массы остальныхъ ограничиться отпиской: никакихъ, молъ, больше потомковъ старыхъ козацкихъ родовъ въ Турбаяхъ не оказывается. Поди тогда доказывай каждый въ отдѣльности—безъ документовъ, сидя въ подданствѣ у Базилевскихъ—свои права въ сенатѣ: какъ ихъ доказывать тогда, когда ужъ и теперь власти не даютъ билетовъ на выѣздъ изъ Турбаевъ?

Не трудно себѣ представить, съ какими чувствами шли турбаевцы въ судейскую избу 8 іюня. До отхода они еще разъ дали другъ другу обѣщаніе „не поддаваться“. Шло ихъ пятьдесятъ человѣкъ; но триста слѣдовало сзади на всякій случай. Другая часть громады оставалась на дворѣ у атамана. Лишь только судъ приступилъ къ разбору правъ, какъ турбаевцы единодушно отказались отвѣчать на какіе-либо относящіеся сюда вопросы, заявляя, что они всѣ козаки. Очевидно, они боялись дать какими-либо своими отвѣтами новое орудіе въ руки враждебной имъ власти. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось,

еслибъ не случилось обстоятельство, которымъ разрѣшилась безвыходная напряженность положенія. Внезапно по селу пробѣжали роковыя слова: „занимаютъ череду“ и тотчасъ же достигли какъ до судейской избы, такъ и до двора атамана. „Занимаютъ череду“, т. е. забираютъ стадо. Никто, ни тогда, ни послѣ, не могъ дать отчета, откуда взялись эти роковыя слова и какое для нихъ было основаніе. Объясняли при позднѣйшемъ судебномъ разбирательствѣ, что видѣли около череды, одни—какихъ-то незнакомыхъ людей, другіе—козаковъ, третьи—неизвѣстную повозку и т. д. Но, очевидно, дѣло было просто въ томъ, что въ крайне возбужденной турбаевской атмосферѣ было такое рѣзкое единодушное ощущеніе грозящаго насилія, что крики „занимаютъ череду“ явились воплощеніемъ того, что жило въ каждой турбаевской душѣ.

Въ одинъ моментъ волненіе охватило село. Воинская команда, зашевелившаяся было при видѣ поднимающейся бури, была тотчасъ же разбросана и обезоружена; впрочемъ, сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ оружіе ея самымъ мирнымъ образомъ было сложено въ клунѣ. Всякій захватывалъ въ качествѣ орудія, что попадалось подъ руку. Для чего? Опять таки никто не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣроятно, и тотъ кто крикнулъ первый: „въ господскій домъ!“ не сознавалъ, что онъ сдѣлалъ. Но слово было выговорено, и страшно возбужденная толпа, вооруженная пиками, дрюками, косами, кольями, дубинами, съ дикими криками кинулась къ усадьбѣ. Часть турбаевцевъ задержалась около судейской избы.

Вѣроятно, вѣсть о происходящемъ—какъ ни быстро все это дѣлалось—достигла до усадьбы раньше, чѣмъ прибѣжалъ народъ; по крайней мѣрѣ, двери были уже заперты. А можетъ быть, Базилевскіе, живя по пански, еще спали, такъ какъ былъ всего только десятый часъ утра. Но что могло задержать этотъ страшный людской потокъ, весь насыщенный мстительной злобой? Онъ ворвался черезъ окна, черезъ выбитыя двери, и въ одинъ моментъ затопилъ, раздавилъ, разнесъ это уютное богатое гнѣздо... Несчастные владѣльцы и ихъ сестра, всѣ трое были—мало сказать—убиты, а заколочены до смерти. Ни

о защитѣ, ни о сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Марья умоляла о пощадѣ; но что могла слышать эта обезумѣвшая толпа? Кто-то ударилъ ее по головѣ и схвативши за волосы, бросилъ на землю. Кровавое дѣло было начато. Вслѣдъ за тѣмъ ее видѣли уже всю облитую кровью, съ выступившими на лобъ глазами... Съ ней было кончено быстро. Братья Базилевскіе спрятались подъ кровать; ихъ открыли, и вытащили. Били ихъ долго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, били ногами, кольями, дубинами, били, когда они лежали уже безъ признаковъ жизни. Нѣсколько времени спустя, когда комнаты уже опустѣли, Степанъ Базилевскій приподнялся. Одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ атаманомъ къ дому, увидалъ это черезъ окно, и, войдя, еще разъ ударилъ его бичемъ, но, кажется, только лишь для очистки совѣсти. Всѣ счеты съ міромъ были уже порѣшены Базилевскими. Три истерзанныхъ трупа въ лужахъ запекшейся крови лежало въ опустошенныхъ комнатахъ.

Въ господскомъ домѣ находился въ это время совѣтникъ Корбе съ стряпчимъ, земскимъ исправникомъ и другими должностными лицами. Корбе вышелъ къ толпѣ и умолялъ пощадить его жизнь, обѣщая сдѣлать все, что отъ него потребуютъ. И его и другихъ осыпали бранью, угрозами, не обошлось и безъ побоевъ: на Корбе видѣли окровавленный халатъ, у кого-то была перебита рука. Но ни убійствъ, ни истязаній не было больше, хотя побили еще и нѣкоторыхъ слугъ Базилевскихъ; все озлобленіе излилось на пановъ.

Судейской избы смятеніе достигло еще прежде, чѣмъ барской усадьбы. Но здѣсь оно также не разрѣшилось ничѣмъ кровавымъ. Кажется, никто изъ „судейскихъ чиновъ“ не ушелъ безъ хорошаго „памятнаго“; но этимъ и удовлетворилось народное чувство.

Конечно, не могли не знать турбаевцы, что ихъ поступки не останутся безъ тяжелыхъ для нихъ послѣдствій. Но однако въ ихъ средѣ не воцарился хаосъ или прострація, по теперешнему выраженію, а наоборотъ обнаружился духъ организаціи и порядка. Вещи, разбросанныя и разнесенныя изъ господской усадьбы, турбаевская громада собрала и къ вещамъ этимъ, какъ

и вообще къ имуществу, приставила караулъ. Изъ судейской избы турбаевцы также взяли зерцало и судейскія бумаги. На основаніи правила, что утро вечера мудренѣе, всѣхъ должностныхъ лицъ взяли подъ арестъ. Къ утру же былъ готовъ для властей такой ультиматумъ. Они должны были выдать турбаевской громадѣ такіе документы: судебное постановленіе о признаніи ихъ всѣхъ, за небольшимъ исключеніемъ несомнѣнныхъ подданыхъ Базилевскихъ, козаками; бланкъ пропускнаго билета въ Кіевъ, чтобъ ѣхать туда выборнымъ хлопотать по своимъ дѣламъ; удостовѣреніе въ томъ, что все это выдается добровольно. Наивная вѣра въ силу оффиціальной бумаги... Конечно, въ такихъ обстоятельствахъ судъ съ величайшей готовностью подписалъ бы постановленіе о собственной своей ссылкѣ въ вѣчную каторгу. Затѣмъ турбаевцы потребовали, чтобъ судъ приложилъ свои печати ко всему богатому имуществу, оставшемуся послѣ Базилевскихъ. Какъ только все было написано, подписано, припечатано, предоставили властямъ ѣхать на всѣ четыре стороны.

Въ тотъ же день тѣла убитыхъ переданы были дворовымъ людямъ, чтобъ тѣ отвезли ихъ въ Остапье, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось фамильное кладбище.

?

III.

Помѣщики были убиты, начальство выпровожено; турбаевцы остались сами по себѣ. Теперь первою ихъ заботою было предупредить высшія власти о событіяхъ, чтобъ склонить ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности, на свою сторону. Тотчасъ же были выбраны и отправлены къ Потемкину ходоки, которые, кстати сказать, несмотря на вынужденный у суда „бланкетъ“, никуда не дошли, потому что были схвачены и арестованы на дорогѣ.

Потемкину, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, принадлежитъ значительная роль въ турбаевской исторіи. Не позже какъ черезъ мѣсяцъ Екатерина узнала объ этомъ выдающемся событіи и передала руководительство дѣломъ По-

темкину. Тотъ, со свойственной ему быстротой, рѣшилъ устроить выкупъ подданныхъ у Базилевскихъ-наслѣдниковъ, братьевъ убитыхъ, и выкупленныхъ крестьянъ, также и козаковъ, переселить на свои заднѣпровскія земли. Въ этомъ смыслѣ уже и состоялось его распоряженіе Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества. Но прежде чѣмъ могла быть приведена въ исполненіе какая нибудь мѣра въ этомъ родѣ, необходимо было удовлетворить правосудіе. Надо было разыскать и наказать „убійцовъ, разбойниковъ, пролившихъ кровь, которая вопіетъ къ небу о мщеніи", какъ краснорѣчиво писали въ многочисленныхъ прошеніяхъ и жалобахъ оставшіеся въ живыхъ четыре брата Базилевскіе.

Казалось бы, какія могли быть особенныя затрудненія разыскать преступниковъ, когда преступленіе было совершено среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей и суда. А между тѣмъ затрудненія оказывались непреодолимыми. Обусловливались эти затрудненія прежде всего тѣмъ, что масса присутствовавшаго народа была не только свидѣтелемъ, но и вольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ преступленія, а затѣмъ и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что турбаевская громада твердо установилась на своей своеобразной политикѣ, которую можно назвать политикой пассивнаго сопротивленія. Она не причиняла никакого зла то и дѣло наѣзжавшимъ въ Турбаи властямъ, но рѣшительно не исполняла никакихъ ихъ требованій и предписаній. Притомъ турбаевцы имѣли видъ настолько подозрительный, что власти, повидимому, съ крайнею неохотой появлялись въ Турбаи, и при первой же возможности спѣшили оттуда выбраться. Чего хотѣли добиться турбаевцы своимъ образомъ дѣйствій—трудно сказать: очевидно одно, они были твердо убѣждены, что „высшія правительства", до которыхъ надо добраться, окажутъ имъ снисхожденіе и правосудіе, а всѣ низшія, которыя къ нимъ наѣзжаютъ, ихъ злые враги, сплошь подкупленные, и готовые утопить ихъ въ ложкѣ воды.

А между тѣмъ, происходили измѣненія и внутри турбаевской громады, перемѣщеніе силъ и настроеній. Болѣе умѣренный эле-

ментъ, желавшій придерживаться, елико возможно, духа легальности и порядка, уступилъ мѣсто крайнему. Усиленію буйства и крайностей способствовало то обстоятельство, что въ Турбаяхъ появился, пользуясь смутой, какой то Красноглазовъ, казенный откупщикъ, и несмотря на то, что юридически село все таки было помѣщичьимъ, завелъ три шинковыхъ дома и спаивалъ народъ. „Триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ", по свидѣтельству властей, наѣзжавшихъ въ Турбаи, „провожаютъ все время въ непрестанномъ пьянствѣ и чрезъ то не имѣя никакого здравого разсудка, каковъ долженъ имѣть трезвой человѣкъ, готовы всегда поступить и на самоважнѣйшія неистовства, и въ селѣ Турбаяхъ не видно даже ночью нигдѣ ни самомалѣйшаго благочинія и тишины, но во всякое время жители тамошніе мужчины и женщины со взрослыми дѣтьми, собравшись партіями, ходятъ по тремъ шинковымъ домамъ, и обращаясь въ пьянствѣ, производятъ междуусобную брань и драку".

Все это было преувеличено, но въ основаніи вѣрно. „Триста освирѣпѣвшихъ" изъ двухтысячнаго населенія Турбаевъ управляли теперь теченіемъ турбаевскихъ дѣлъ, и это не замедлило отразиться такими послѣдствіями. Богатое имущество Базилевскихъ послѣ катастрофы было, по требованію самой турбаевской громады, запечатано судомъ и турбаевцы приставили къ нему караулъ. А между тѣмъ триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ, взявши преобладаніе, начали высказывать такія мнѣнія: Чье же это добро? развѣ оно не наше? развѣ не нашими трудами нажили себѣ все это Базилевскіе? Вѣдь девять лѣтъ мы работали на нихъ неправильно, терпѣли всяческое угнетеніе и порабощеніе... Живо припоминался забранный Базилевскими при обращеніи ихъ, козаковъ, въ подданные скотъ, порубленный лѣсъ, покошенное сѣно, ихъ общественныя церковныя деньги, взятыя Базилевскими у ктитора и т. д. и т. д. При данныхъ обстоятельствахъ немного надо было, чтобъ придти отъ мнѣнія къ дѣйствію. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А деньги нужны были прежде всего, чтобъ подмазывать себѣ пути къ власть имущимъ, отъ которыхъ зависѣло дать такой или иной оборотъ всему дѣлу.

Началось расхищеніе имущества, прежде всего съ погреба, гдѣ хранились напитки, и съ винокуреннаго амбара. Затѣмъ атаманъ съ громадой, еще втеченіе 1790 г., раза два доставалъ изъ кладовыхъ деньги. Но легче было встать на эту наклонную плоскость, чѣмъ на ней удержаться. Стали и отдѣльныя лица доставать себѣ потихоньку, подкапываясь подъ стѣнки, ломая замки, то одно, то другое, кто кусокъ сала, кто штуку сукна, кто денегъ. Въ августѣ 1791 г., т. е. черезъ два года послѣ убійства, атаманъ забралъ остальныя деньги и документы, а затѣмъ имущество предоставлено было громадѣ „на потокъ и разграбленіе". Цѣлыхъ шесть дней тянулось это разграбленіе. Нѣкій корнетъ (Шкурка, случайно проѣзжавшій черезъ Турбаи въ это время, такъ описываетъ то, что онъ тамъ видѣлъ: „Ѣдучи дорогою, лежащею мимо дома убіенныхъ господъ надворныхъ совѣтниковъ Базилевскихъ, видѣлъ въ ономъ дворѣ и около двора толпу народа, скопившуюся во множественномъ числѣ людей, тамошнихъ турбаевскихъ жителей, во образѣ бунта кричащихъ и грабящихъ тотъ домъ, несущихъ съ онаго за дворъ въ домы ихъ или куда то въ другое мѣсто разное движимое имѣніе, какъ-то шубы, платье, полотна, разную посуду, деньги и пр.". Его увидали и повели въ одинъ дворъ, „гдѣ также было множество турбаевскихъ жителей пьяныхъ и пившихъ горячее вино, начали онымъ его потчивать и принуждать пить, угрожая, если воли ихъ исполнять не будетъ, боемъ, почему онъ, бывъ въ великомъ страхѣ, принужденъ былъ выпить поднесенные ему три румки, далѣе же когда пить отказался, то вдарили его большою палкою", а затѣмъ отпустили. На самомъ концѣ селенія онъ нагналъ двухъ мальчиковъ, несущихъ двѣ книги во французскомъ переплетѣ, и на его спросъ они согласились ихъ продать за двѣ копѣйки. Хлопотало надъ разнесеніемъ панскаго имущества все село, мужчины, женщины и болѣе взрослыя дѣти. Разбили всѣ кладовыя, каморы, каретные, хлѣбные и иные амбары. Все, что оставалось еще „изъ денегъ, платья, столовой каменной, серебряной и золотой посуды, хлѣба, напитковъ, припасовъ и иныхъ вещей", все было разнесено „до послѣдка"; забрали всѣ, какіе оставались, документы. Обор-

вали со строеній полы, потолки, ставни, двери, желѣзныя оковки. Чего не разсудили брать, изъ колясокъ, каретъ и др. повозокъ, оборвавши желѣза и обойки, плисовыя, суконныя и другія, кареты и коляски перебили, словомъ все разорили и истребили. Даже самыя самыя стѣны нѣкоторыхъ строеній были пробиты насквозь. Библіотека расхищена, а многія книги порваны въ куски. Разломали ограду около сада, „заведеннаго на аглицкій манеръ", и пустили туда свой скотъ. Однимъ словомъ, какъ Базилевскіе-наслѣдники старались о томъ, чтобъ „снести съ лица земли самое имя Турбаевъ", съ такимъ же усердіемъ турбаевцы стремились уничтожить всѣ слѣды пребыванія Базилевскихъ на турбаевской землѣ.

Теперь турбаевцы почувствовали себя уже вполнѣ господами. Они начали распоряжаться всякими хозяйственными матеріалами и запасами, которые были скоплены въ экономіи Базилевскихъ; хозяйничали въ ихъ лѣсахъ и т. п. Мало того. Земли Турбаевъ находились въ черезполосномъ владѣніи съ землями Кринокъ и Остапья: слобода Кринки принадлежала убитымъ, мѣстечко Остапье — другимъ братьямъ Базилевскимъ. Турбаевцы, пользуясь близостью, „разсѣяли возмущеніе" и въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что населеніе и здѣсь начало „производить разныя буянства и управителей угрожаетъ убивать". Въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Турбаями находилось населеніе Кринокъ: оно частью было склонено турбаевцами на свою сторону и собиралось съ ними „во единое скопище", частью терроризировано турбаевской дерзостью. Турбаевцы ловили рыбу въ тамошнемъ владѣльческомъ ставу, выводили, по приговору своей громады, нѣкоторыхъ кринковскихъ подданныхъ въ Турбаи, какъ своихъ козаковъ, и вообще распоряжались тамъ безпрепятственно. Въ то же время турбаевцы всюду открыто заявляли, даже и передъ судомъ, что они намѣрены истребить всѣхъ Базилевскихъ. Базилевскіе не смѣли показаться не только въ Турбаяхъ, но и въ другихъ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ. „Оставивъ домы свои, скитаемся мы по чуждымъ, а нынѣ убѣжища и мѣста не находимъ, гдѣ бы могли себя обезопасить и не безпокоиться и принуждены въ отдаленнѣйшія мѣста уда-

литься“, пишутъ Базилевскіе. Но и туда доходили до нихъ слухи, что турбаевскіе жители хотятъ, „раздѣлившись на части идти и предать ихъ насильственной смерти“. Серьезны или нѣтъ были угрозы турбаевцевъ, но напуганы то ими Базилевскіе были серьезно.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, турбаевская исторія все усложнялась. Къ уголовному дѣлу присоединился гражданскій искъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ надо было привести къ концу три сложныхъ дѣла. Разыскать преступниковъ, чтобъ удовлетворить правосудіе; разыскать и возвратить разграбленное имущество Базилевскихъ; переселить турбаевцевъ, согласно предположенію Потемкина, утвержденному Екатериной.

А между тѣмъ и внѣшнія обстоятельства тормозили движеніе. Потемкинъ тѣмъ временемъ умеръ. Произошло новое разграниченіе, и Турбаи отошли отъ кіевскаго намѣстничества къ екатеринославскому. Такимъ образомъ это сложное дѣло должно было перейти въ совсѣмъ новыя руки. Именнымъ указомъ руководительство турбаевской исторіей передано было Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества; первой же инстанціей былъ теперь градижскій нижній земскій судъ.

Но что было дѣлать новому начальству съ этими людьми, которые „во мѣсто раскаянія приходятъ все въ большое неистовство отъ праздности, въ коей они пребываютъ, отъ безначалія, къ которому они съ начала бунта, ими предпринятаго, обыкли, не повинуясь ни закону, ни мѣстамъ, ни особамъ, отъ разврата, отъ пьянства и всѣхъ онаго послѣдствій?“

Все это были, правда, выраженія Базилевскихъ, очень преувеличенныя; но тѣмъ не менѣе положеніе начальства было не изъ легкихъ.

По поводу выдачи преступниковъ—убійцъ и зачинщиковъ бунта, турбаевцы твердили одно и суду, и спеціально командировавшимся чинамъ, и Коховскому, который рѣшился лично съѣздить въ Турбаи, „что въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны“: все это они подтверждали „иные клятвою, а

иные плачемъ, отдаваясь всѣ равнодушно сужденію строгости законовъ“.

Масса разграбленнаго имущества находилась по рукамъ и расходилась на стороны. Но все таки значительная его часть, въ видѣ денегъ и векселей, хранилась въ турбаевской съѣзжей избѣ. Однако турбаевцы рѣшительно отказывались не только разыскивать разграбленныя вещи, но и выдать то, что находилось на лицо. „Съ дерзостью“ говорили суду, что „ничего не отдадутъ, покуда помѣщики Базилевскіе не удовольствуютъ ихъ за девятилѣтнее отправленіе имъ подданнической повинности и за какіе то грабежи ихъ имѣній“.

О переселеніи пока начальство и не заикалось.

IV.

Если бы администраторы разсматриваемаго нами времени сплошь представляли собою прототипы героевъ „Исторіи одного города“, турбаевское дѣло должно было бы имѣть самый трагическій конецъ. Но, благодаря Коховскому, оно распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, наряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія „мѣстъ и особъ“, ведшихъ турбаевское дѣло. И все это имѣя, съ одной стороны, „дерзкую закоснѣлость“, съ какой турбаевцы отталкивали даже то, что дѣлалось въ ихъ прямыхъ интересахъ, съ другой, сутяжничество наслѣдниковъ Базилевскихъ, осаждавшихъ всѣ „правительства“ до наивысшихъ просьбами и жалобами на свои бѣдствія и на бездѣйствіе властей, потворствующихъ турбаевскимъ злодѣямъ. Видимо большія усилія приложилъ Коховскій къ тому, чтобъ устранить все, что могло сдѣлать „окончаніе дѣла сего какъ затруднительнымъ и нескорымъ, такъ сомнительнымъ и опаснымъ“, какъ выражается онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Коховскій самъ ѣздилъ въ Турбаи, посылалъ туда лицъ, видимо хорошо ему извѣстныхъ, какъ напр. ассессора Гладкаго; добился того, чтобъ турбаевская громада выслала къ нему выборныхъ, хотя и не въ томъ количествѣ, какого онъ желалъ— очевидно, съ цѣлью повліять на ихъ настроеніе. Старанія его привели къ тому, что въ Турбаяхъ опять начали усиливаться люди, желавшіе найти какой-нибудь выходъ изъ своего положенія на пути законности и порядка. Появились отдѣльныя единицы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ, которыя соглашались сознаться въ своей винѣ передъ закономъ, какъ ни отговаривали ихъ болѣе крайніе: „зачѣмъ, де, ты самъ лѣзешь въ огонь?“ Девять человѣкъ преступниковъ сами пришли къ Коховскому „безъ всякой стражи въ пути и при двухъ только турбаевскихъ жителяхъ“. Вѣроятно, турбаевская громада думала очиститься въ убійствѣ при посредствѣ этихъ искупительныхъ жертвъ; къ нимъ въ дополненіе преподносились еще Ѳемидѣ тѣ изъ участниковъ, которые, опасаясь послѣдствій, успѣли выбраться изъ Турбаевъ въ разныя отдаленныя заднѣпровскія, черноморскія и иныя мѣста: такихъ было не мало, тоже человѣкъ около десяти. Конечно, этимъ десяти „убійцамъ и зачинщикамъ“, которые такъ спокойно препровождали себя въ руки правосудія, громада дала на прощанье обстоятельныя наставленія, какъ имъ вести себя, главное же „никого ни въ чемъ не оговаривать“. Но тѣмъ не менѣе дѣло приняло такой оборотъ, какого турбаевцы, конечно, не ожидали, хотя оно и не могло быть иначе. Если даже въ числѣ этихъ девяти и не было малодушныхъ, готовыхъ, при малѣйшемъ затрудненіи, поступиться своимъ ближнимъ, то трудно предположить, чтобъ не проговорился наивный турбаевецъ, выступившій изъ-за плечъ своей громады и поставленный лицемъ къ лицу съ судьей, болѣе или менѣе опытнымъ въ судейскихъ подходахъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ судебнаго слѣдствія было пятьдесятъ девять оговоренныхъ, „въ числѣ которыхъ оказываются многіе изъ почетнѣйшихъ турбаевскихъ жителей“, а въ дальнѣйшемъ открывалась не совсѣмъ-то и для начальства пріятная перспектива, что эти „оговоренные нынѣ 59 человѣкъ могутъ оговорить еще столько же и

болѣе“, какъ опасливо выражается гуманный и осторожный Коховскій.

Но тутъ очнулись и сами турбаевцы, и устроили такое, чего трудно было ожидать и отъ турбаевской „отчаянности“. Подсудимые турбаевцы сидѣли въ тюрьмѣ въ Градижскѣ. Правда, тюрьма была не важная „и вовсе къ содержанію въ оной преступниковъ опасная“, такъ какъ „будучи крайне обветшалою въ стѣнахъ, совсѣмъ начала разваливаться, и стѣны удержаны однѣми только подпорами“. Но тюрьма есть тюрьма. Турбаевская же громада, ничто же сумняшася, рѣшилась освободить изъ нея своихъ. Градижскъ находился верстахъ въ пятидесяти отъ Турбаевъ. Турбаевцы какъ-то устроили тайныя сношенія съ градижской тюрьмой и уговаривали заключенныхъ бѣжать, обѣщая доставить изъ Турбаевъ отважныхъ людей, которые нападутъ ночью на караулъ и освободятъ ихъ изъ тюрьмы. Въ ночь на 2 февраля 1793 г. заключенные турбаевцы, подговоривъ и прочихъ арестантовъ, потушили огонь въ тюрьмѣ, напали на часовыхъ, прибили тяжело унтеръ-офицера, разломали двери и окна, и, отбивши у часовыхъ пики, бѣжали.

Но тутъ уже и Коховскій увидалъ, что безъ содѣйствія военной силы ему не обойтись. Онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Екатеринѣ. Отъ 16 апрѣля 1793 г. состоялся высочайшій указъ о введеніи въ Турбаи воинской команды.

Однако ни Коховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ козаковъ, видимо совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобъ все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто-бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами „съ пристойною обывателямъ ласкою“. У Коховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности незамѣтно, вожаковъ „огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣ-

тамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ“. Нѣкоторые изъ этихъ вожаковъ были настроены въ высшей степени враждебно по отношенію ко всѣмъ примирительнымъ мѣрамъ и компромиссамъ, или, по выраженію одного донесенія, находились „въ крайнѣйшемъ чувствованіи претерпѣннаго ими огорченія, отъ коего вкоренившаяся въ нихъ отчаянность, и довѣренность къ нимъ жителей могла бы многихъ вовлечь въ несчастіе“.

Нелегко все было сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ Коховскій, но секундъ-майоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ „потребовалъ его съ ласковостью“ въ лагерь будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими „и разными подобными симъ предлогами“ онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Коховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-майоръ Карповъ „своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили“, т. е. новый взрывъ турбаевской отчаянности. Революціонная турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились. Жители стали „приходить въ раскаяніе въ оказанномъ ими невѣжествѣ, въ неповиновеніи судамъ“. 11 іюля 1793 г. въ Турбаяхъ появились уѣздный и нижній земскій судъ и нижняя расправа градижскаго уѣзда и безпрепятственно „вступила въ производство дѣла“. „Благодарю Всевышняго, что благословилъ приступить къ начальному производству дѣла въ тишинѣ и кротости“, пишетъ одинъ изъ руководителей турбаевскаго дѣла: „молю нынѣ Его да спасетъ мя и дѣтокъ моихъ отъ напасти по случаю иска помѣщиковъ Базилевскихъ на жителяхъ турбаевскихъ. Страшусь сего, испытывая, какъ безъ вины можно быть виновату“. Да, всю жизнь вѣрно помнили и разсказывали дѣтямъ и внукамъ участвовавшіе въ разборѣ турбаевскаго дѣла

о той опасности, изъ какой имъ удалось вынести себя цѣлыми и невредимыми.

Теперь уже главнымъ затрудненіемъ для начальства было не дѣло объ убійствѣ, для котораго такъ или иначе, хорошо или худо, да уже были собраны кое-какіе необходимые для правосудія „зачинщики и убійцы". Затрудненіе было въ гражданскомъ искѣ Базилевскихъ, въ возвращеніи разграбленнаго имущества. То, что хранилось въ турбаевской съѣзжей избѣ, возвратить было не трудно: тамъ были документы въ числѣ 731 №№, векселя на 58,000 р., наличными деньгами больше 6,000 р. (впрочемъ, часть этихъ денегъ, 1,000 руб., была истрачена турбаевцами на ходоковъ въ Петербургъ) и двѣнадцать сундуковъ съ разными цѣнными вещами, серебромъ, разной иной посудой, платьемъ, мѣхами, бѣльемъ, дорогой бакалеей и пр. Но какъ было отбирать, а главное разыскивать вещи, находившіяся по рукамъ? Не значило ли это опять идти на явную опасность поголовно раздражить населеніе? Власти, сидя въ Турбаяхъ, конечно, понимали это отлично, и очень охотно замяли бы все это. Но у нихъ на шеѣ сидѣли Базилевскіе, которые не желали поступиться ничѣмъ. Они жаловались на то, что турбаевцы продаютъ принадлежащія имъ вещи на сторону, обвиняли разныхъ лицъ въ передержательствѣ вещей и требовали привлеченія ихъ къ отвѣтственности, просили о томъ, чтобъ былъ наложенъ секвестръ на имущество турбаевцевъ въ цѣляхъ обезпеченія иска и т. п. Все это усложняло и тормозило дѣло, и безъ того очень сложное, а главное требовало такихъ дѣйствій со стороны властей, которыя могли снова сдѣлать окончаніе дѣла „сомнительнымъ и опаснымъ." Коховскій, видимо, былъ крайне раздраженъ безтактнымъ поведеніемъ Базилевскихъ, и раздраженіе проглядываетъ даже въ оффиціальномъ тонѣ его дѣловыхъ бумагъ. Когда Базилевскіе прислали ему, при пріѣздѣ его въ Турбаи, вина и столовые припасы, онъ отвѣтилъ на этотъ простой актъ вѣжливости, который считался въ тѣ времена обязательнымъ даже и по отношенію къ незнакомому проѣзжему своего общества, что „онъ получаетъ на свое содержаніе жалованье".

Однако не могъ же судъ отказать въ признаніи юридической правоты за требованіями Базилевскихъ и долженъ былъ что-нибудь дѣлать для ихъ удовлетворенія. Начали турбаевцы возвращать кое-что, какъ пишутъ Базилевскіе: „изъ каретъ аглицкихъ, колясокъ и др. экипажей доставлена ось желѣзная, два рессора да ступица съ колеса обрубленная; мѣсто серебра, въ нѣсколькихъ пудахъ расхищеннаго, возвращено ничего не значящее количество; мѣсто брильянтовъ и другихъ дорогихъ вещей ни одного камушка не явилося". По дальнѣйшимъ розыскамъ и настояніямъ властей, снесено было довольно много вещей, такъ что составился порядочный ихъ списокъ; но содержаніе этого списка все было сплошь такое: „канапе совсѣмъ оборванное, двери горничныя разламанныя, столикъ побитой, кровать ломанная, съ кареты кусокъ кожи сгнилой, кафтанъ нѣмецкій бархату рытого совсѣмъ сгнилой, полотна голландскаго измоченнаго, вымараннаго и сгнилого кусокъ, сабля подъ серебряною оправою съ позолотою спорченная, кожъ овчинныхъ старыхъ, молью поѣденныхъ" и т. д., и т. д. Еслибъ мы не знали, что турбаевцамъ, и начальству было въ это время не до шутокъ, то могли-бъ подумать, что все это простая насмѣшка надъ претензіями Базилевскихъ. Коховскій сдѣлалъ для удовлетворенія Базилевскихъ все, что онъ считалъ возможнымъ: отдалъ строгій приказъ и распубликовалъ его по всему уѣзду, чтобъ никто, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не смѣлъ покупать у турбаевцевъ никакого имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; но терроризировать населеніе, а безъ того нельзя было добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ претензій Базилевскихъ, онъ не хотѣлъ. Но такъ какъ эти претензіи угрожали затянуть турбаевское дѣло въ безконечность, то онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе не задерживать его движенія искомъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ, искъ этотъ, съ переселеніемъ турбаевцевъ, прекратился самъ собою.

31 января 1794 г. общее присутствіе градижскаго уѣзднаго суда и нижней расправы изрекло приговоръ надъ жителями турбаевскими, обвинявшимися въ убійствѣ помѣщиковъ

Базилевскихъ и въ прочемъ: приговорено къ смертной казни—7, къ наказанію кнутомъ—42, плетьми—134, освобождено отъ суда—228 душъ. Смертные приговоры всѣ были отмѣнены; наказанія смягчены. Но турбаевцевъ ждало еще общее наказаніе, которому подверглись наравнѣ съ виновными и совсѣмъ невинные. Кровь Базилевскихъ не была, конечно, кровью невинныхъ, но она тѣмъ не менѣе упала не только „на васъ", но „и на чада ваша".

V.

Проектъ Потемкина на счетъ переселенія турбаевцевъ въ Заднѣпровье былъ утвержденъ Екатериной. Тогда же, т. е. еще въ самомъ началѣ турбаевскаго дѣла, въ 1790 г., были выяснены основанія, на коихъ должно было совершиться это переселеніе. Базилевскіе, съ большой и понятной готовностью, отдавали на выкупъ казнѣ всѣхъ своихъ турбаевскихъ крестьянъ: просили за мужескую душу 50 руб., но соглашались и на низшую оцѣнку, согласны были и разсчетъ отъ казны получить не деньгами, а солью таврической, лишь бы „не имѣть сихъ людей передъ своими глазами и не опасаться отъ нихъ злыхъ послѣдствій". Оставался еще вопросъ на счетъ „спорныхъ мужиковъ", т. е. ищущихъ козачества. Дѣйствія суда по разбору козацкихъ правъ турбаевскихъ жителей были прерваны катастрофой. Но тѣмъ не менѣе какъ то состоялось постановленіе, чуть ли не заднимъ числомъ помѣченное (по крайней мѣрѣ такъ утверждали турбаевцы въ одномъ своемъ прошеніи), такъ какъ на немъ стояла дата роковаго дня 8 іюня 1789 г. Вникать во все это теперь уже было некому и не для чего, такъ какъ послѣдующія событія совсѣмъ заслонили эту сторону. Упомянутымъ постановленіемъ признаны были козачьи права за 259 турбаевскими жителями. Земли этихъ спорныхъ мужиковъ Базилевскіе соглашались принять по сдѣланной казною оцѣнкѣ, съ вычетомъ стоимости этихъ земель изъ того, что имъ будетъ причитаться за выкупленныхъ казною крестьянъ.

Такимъ образомъ, все было улажено. Потемкинъ разсчитывалъ, что весной 1791 г. состоится и переселеніе. Но все это разсчитывалось безъ турбаевцевъ, а въ нихъ-то и было дѣло. Когда духъ крайней оппозиціи завладѣлъ Турбаями, начальство не рѣшалось не только предпринимать что-нибудь въ видахъ ихъ переселенія, но даже и заговаривать съ ними объ этомъ предметѣ. И немудрено. „Видя самъ село Турбаи и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ будетъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія“, пишетъ Коховскій. „Объявилъ я нынѣ турбаевцамъ, что они въ казну покупаются, но о переселеніи ихъ извѣщать воздержуся“, продолжаетъ онъ. Это письмо относится къ времени его личнаго посѣщенія Турбаевъ въ мартѣ 1792 г. Онъ поручилъ другому лицу „предложить турбаевцамъ съ кротостью о переселеніи“. Но тѣ отвѣчали просьбой о разрѣшеніи послать ходоковъ къ государынѣ, заявляя, что до полученія отвѣта они никуда выселяться изъ Турбаевъ не намѣрены, и „готовы хоть бы и смертью пострадать въ Турбаяхъ“. Послѣ того власти уже не заводили больше и рѣчей о переселеніи до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турбаи не были окончательно усмирены.

Но теперь выступаетъ вопросъ: куда же переселиться? Потемкинъ проектировалъ поселить турбаевцевъ на своихъ собственныхъ заднѣпровскихъ земляхъ; но онъ умеръ, а наслѣдники его были для казны простые частные владѣльцы, на земляхъ которыхъ не было смысла селить казенныхъ крестьянъ, какими были теперь турбаевцы. Началась переписка на счетъ отысканія подходящихъ казенныхъ мѣстъ. Рѣшено было при выселеніи совсѣмъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ. Къ веснѣ 1794 г. мѣста были отысканы. Крестьяне должны были переселиться въ таврическую область, гдѣ имъ было отведено для поселенія четыре мѣста по сю сторону Перекопа: на двухъ большихъ дорогахъ, бериславской—въ Черной Долинѣ и Чаплынкѣ и херсонской—при урочищѣ Буркутъ и въ Каланчакѣ. Козаковъ переселяли за Бугъ, „къ рѣкѣ Днѣстру въ пріобрѣ-

тенную отъ порты оттоманской область", въ селенія Яски и Бѣляевку.

Переселеніе должно было состояться весной 1794 г., лишь тридцати семьямъ разрѣшено было остаться для уборки засѣяннаго хлѣба. Подъ Турбаями былъ расположенъ лагерь воинской команды, подъ наблюденіемъ и конвоемъ которой должно было совершиться переселеніе.

Духъ сопротивленія былъ сломленъ. Но легко-ли было все таки турбаевцамъ покинуть „свои дома, сады и рощи" для того, чтобъ идти въ неизвѣстныя „степныя" мѣста? И вотъ они, какъ утопающій за соломинку, хватаются за всякіе предлоги и отговорки, чтобъ хоть отодвинуть тяжелую минуту. То они представляютъ начальству, что пятьдесятъ подсудимыхъ турбаевцевъ находятся въ Екатеринославѣ до конца дѣла, и что неизвѣстно какъ быть съ ихъ женами и дѣтьми, „которыя могутъ претерпѣть въ семъ переселеніи крайнюю нужду"; то указываютъ на разныя незаконченныя ими дѣла между собой и съ сосѣдями, на необходимость распорядиться имуществомъ; то оказывается, что до 30 человѣкъ турбаевцевъ нѣтъ на мѣстахъ, разошлись въ наймы по разнымъ селеніямъ, а то и вовсе пропали безвѣстно. Но власти не отступали ни на шагъ ни передъ какими доводами, и настоятельно внушали турбаевцамъ, „что ежели они будутъ упорствовать, то наведутъ на себя по всей строгости законовъ жесточайшее наказаніе, а сверхъ того и переселеніе имъ учинено будетъ непремѣнно. Характеренъ одинъ эпизодъ. Начальство, какъ уже сказано было, согласилось оставить на мѣстѣ до осени для уборки хлѣба, тридцать семей по выбору громады, пятнадцать козацкихъ, пятнадцать крестьянскихъ. Но никто не соглашался добровольно оставаться, воображая, что оставляютъ въ подданство Базилевскимъ: даже всѣ ужасы переселенія не могли примирить съ мыслью снова попасть подъ панскую власть. Едва едва удалось суду разсѣять недоразумѣніе.

Назначаемъ былъ срокъ за срокомъ для выступленія; а турбаевцы все не были готовы. Прошелъ и послѣдній срокъ— 17 мая 1794 г., турбаевцы не двигались. Тогда въ село вступило войско. Солдаты разведены были по домамъ, чтобъ пону-

ждать жителей къ выступленію. Такимъ образомъ турбаевцы выведены были съ имуществомъ, женами и дѣтьми на дорогу. Здѣсь сдѣлана была имъ повѣрка, и турбаевцы попрощались на вѣки съ родиной и другъ съ другомъ: одна часть двинулась въ таврическую губ. на Александровскъ, другая къ Днѣстру—каждая подъ прикрытіемъ роты егерскаго баталіона и донскихъ козаковъ.

Легко представить себѣ, что дорога нашимъ переселенцамъ не лежала скатертью. Вѣдь ихъ было въ одномъ отрядѣ мужескихъ душъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, 560, въ другомъ 468; сверхъ того, солдаты. По нашимъ извѣстнымъ, русскимъ обыкновеніямъ, никто нигдѣ не былъ ни къ чему готовъ, несмотря на строгіе приказы отъ начальства. Напр. въ Александровскѣ не оказалось ротмистра, который былъ командированъ, чтобъ принять переселенцевъ; не оказалось солдатъ для конвоя на смѣну старому конвою и т. д. Разумѣется отъ всего происходила для переселенцевъ „остановка, а въ пропитаніи, равно и въ кормѣ скота отягощеніе и крайнее разореніе". Не лучше было и на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ первое время. На счетъ козаковъ, выселенныхъ къ Днѣстру, мѣстное начальство доноситъ: „по нынѣшнему неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣба заработать на первый случай не могутъ, и тѣмъ претерпѣваютъ крайнѣйшую нужду, такъ что иные питаются испрошеніемъ милостыни по народу". И это только что разставшись съ своимъ турбаевскимъ „въ совершенствѣ устроеннымъ домоводствомъ..." Наконецъ таки искупили турбаевцы свои многоразличныя вины.

„Селенія Турбаи даже и названіе истребить и не быть болѣе тамъ никакому жилищу по извѣстной причинѣ обагренія онаго кровію", такъ просили Базилевскіе, и просьба ихъ была исполнена.

А. Ефименко.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

25 марта, въ Великій четвергъ, по утру въ 10-мъ часу съѣхались во дворецъ знатный россійскій генералитетъ, вся свита и чужестранные министры.

Въ 11 часовъ утра императрица со свитою выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь при колокольномъ звонѣ ее встрѣтилъ предъ дверьми Соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви со крестомъ Викторъ, архимандритъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ, всѣ въ облаченіи.

Императрица присутствовала при совершеніи *омовенія ногъ*. При этомъ находились духовные: на амвонѣ, съ правой стороны: 1) императорскій духовникъ, членъ Синода, протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, 2) греческаго монастыря архимандритъ Іаковъ, 3) лубенскаго монастыря архимандритъ Дамаскинъ, 4) Кіево-Печерской лавры игуменъ іеромонахъ Ѳеофилактъ, 5) Печерскаго монастыря соборный іеромонахъ Павлинъ, 6) уставщикъ того же монастыря іеромонахъ Кассіанъ. Съ лѣвой стороны: 7) Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, 8) Кирилловскаго монастыря архимандритъ, Кіево-Печерской лавры намѣстникъ Каликстъ, 9) сербскій архимардритъ Спиридоній, 10) Кіевопечерской лавры типографъ іеромонахъ Ѳеофанъ, 11 и 12) Печерскаго монастыря іеромонахи Іафетъ и Балабуха.

При архіереѣ въ послуженіи находились: Кіево-Печерскаго монастыря архидіаконъ Порфирій и находящійся при духовникѣ императрицы діаконъ Петръ Ивановъ, который во

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 2.

время службы начальствовалъ. Церковная служба кончилась по полудни въ 12 часовъ.

Императрица, пожаловавъ въ церкви къ рукѣ всѣхъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Къ обѣду былъ приглашенъ Потемкинъ.

Въ вечеру, въ 6 часовъ, передъ внутренними покоями, духовникомъ начата Божія служба и отправлялась оная при чтеніи страстей Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Въ этотъ день по утру, передъ выѣздомъ къ литургіи, графъ Безбородко представилъ императрицѣ прибывшаго въ Кіевъ графа Соллогуба. 26 марта, въ Великую пятницу, по полудни въ половинѣ 2 часа, съѣхались ко двору въ траурномъ платьѣ статсъ-дамы, и всѣ находящіяся въ свитѣ и другія знатныя особы и собрались въ парадныхъ покояхъ.

Императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ собраніе, одѣтая въ камеръ-траурѣ, и выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь, въ сопровожденіи всей свиты. У Свято-Троицкихъ воротъ встрѣтили императрицу Кіево-Печерской лавры намѣстникъ архимандритъ Калликстъ и монашествующіе въ мантіяхъ; они сопровождали императрицу до церкви во имя святаго Чудотворца Николая, предъ дверьми которой встрѣтилъ съ крестомъ, въ облаченіи, преосвященный Викторъ, архіепископъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ.

Во время Божіей службы изъ церкви святаго Чудотворца Николая въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь учиненъ былъ выносъ плащаницы, чрезъ монастырь, при колокольномъ звонѣ, слѣдующимъ порядкомъ:

1) Отъ церковныхъ дверей святаго Чудотворца Николая, на нѣкоторое разстояніе по сторонамъ пути, стояли по 16 монашествующихъ въ мантіяхъ, безъ облаченія.

2) Отъ тѣхъ монашествующихъ по обѣ стороны стояли разныхъ семинарій семинаристы.

3) До западныхъ дверей соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, по сторонамъ же пути, стояли по 12 монашествующихъ въ мантіяхъ, какъ и первые, а между стояв-

шими, по сдѣланному во весь путь деревянному мосту, обитому зеленымъ сукномъ слѣдовала духовная процессія.

4) 18 человѣкъ канархистовъ въ стихаряхъ, по два въ рядъ.

5) Два іеродіакона съ хоругвями.

6) 8 іеродіаконовъ съ фонарями, по два въ рядъ.

7) 1 іеродіаконъ несъ Животворящій Крестъ.

8) 12 іеромонаховъ, по шести на каждой сторонѣ, съ зажженными большими свѣчами, а между ними хоръ придворныхъ пѣвчихъ.

9) Несена плащаница и находились при несеніи оной: архимандриты, впереди съ правой: лубенскаго монастыря Дамаскинъ, съ лѣвой стороны: сербскій Спиридоній, за оными съ правой: греческаго монастыря Іаковъ, съ лѣвой стороны: Кирилловскаго монастыря Калликстъ, за сими съ правой духовникъ императрицы, съ лѣвой стороны: Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, средину плащаницы поддерживалъ преосвященный архіепископъ Викторъ.

10) За ними шествовала императрица, сопровождаемая знатными обоего пола придворными и прочими особами, и во время высочайшаго шествія, за плащаницею, отъ стоящаго въ монастырѣ армейскато караула отдана фронтомъ честь съ барабаннымъ боемъ.

По внесеніи плащаницы въ соборную церковь и по прибытіи въ оную императрицы, говорилъ проповѣдь кіевской академіи префектъ Богоявленскаго братскаго монастыря іеромонахъ Димитрій Устимовичъ; по окончаніи проповѣди императрица прикладывалась къ плащаницѣ и къ имѣющимся въ соборной церкви святымъ мощамъ Божіихъ угодниковъ.

По совершеніи всей Божіей службы, которая кончилась по полудни въ половинѣ 4-го часа, въ церкви императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, потомъ при колокольномъ звонѣ возвратилась во дворецъ и по прибытіи благоволила проходить во внутренніе покои. Обѣденнаго стола не было и въ вечеру при дворѣ особливаго ничего не происходило.

27 марта, въ страстную субботу, въ 10 часовъ утра Днѣпръ очистился отъ льда противъ Кіева и послѣ трехъ сигнальныхъ выстрѣловъ съ Печерской крѣпости выѣхалъ на шлюбкѣ подъ флагомъ и вымпеломъ флота капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, и проѣзжая противъ дворца, салютовалъ 21 выстрѣломъ, а матросы кричали ура! Противъ Кіево-Печерской крѣпости дано семь выстрѣловъ. „Днѣпръ открылся (писала 30 марта императрица къ Брюсу), только холодно, чаю нарочно для того, чтобы вы имѣли чѣмъ хвастаться вашею петербургскою погодою". (Изъ писемъ къ Брюсу).

Въ этотъ день по утру, въ 7 часовъ, передъ внутренними покоями духовникомъ отправлялась утреня. Передъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, тотъ же духовникъ, въ придворной церкви совершалъ литургію, которую императрица слушала съ придворными обоего пола и прочими знатными особами изъ зала. По окончаніи Божіей службы поднесены духовникомъ присланные изъ монастыря Кіево-Печерской лавры канонники святой пасхи.

Въ этотъ день къ столу императрицы приглашены: Анна Степановна Протасова, Марина Осиповна, супруга господина оберъ-шталмейстера Нарышкина, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александроричъ Нарышкинъ, графъ Ангальтъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Василій Ивановичъ Левашевъ.

28 марта, въ день праздника святыя Пасхи, по полудни, въ часъ, по второму съ Кіево-Печерской крѣпости пушечному сигналу имѣли пріѣздъ ко двору всѣ находящіеся въ свитѣ и чужестранные министры, дамы въ русскомъ, а кавалеры въ обыкновенномъ платьѣ; по тому жъ сигналу, по повѣсткамъ, собрались пребывающія въ Кіевѣ знатнѣйшія обоего пола особы и знатное дворянство въ Кіево-Печерскій монастырь, въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь.

Въ началѣ 3-го часа императрица, въ сопровожденіи свиты, въ экипажахъ выѣхала въ Печерскій монастырь, въ соборную церковь, къ слушанію Божіей службы; здѣсь ее встрѣтилъ предъ дверьми той церкви, преосвященный Викторъ, съ прочимъ знат-

нымъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи; потомъ, императрица слушала начатую при обыкновенныхъ въ сей день обрядахъ Божію службу, которую отправлялъ соборомъ преосвященный Викторъ, и по возглашеніи воскреснаго тропаря съ Печерской крѣпости была пушечная пальба.

По окончаніи всенощной, императрица въ церкви же, у своего императорскаго мѣста, принимала поздравленіе отъ знатнаго генералитета, отъ всей свиты и прочихъ знатныхъ особъ и жаловала всѣхъ къ рукѣ.

Во время литургіи, при чтеніи св. Евангелія произведена была пушечная пальба съ Кіево-Печерской крѣпости.

По окончаніи же литургіи произведена пушечная пальба съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской и учиненъ 101 выстрѣлъ.

Литургія кончилась въ половинѣ 5-го часа утра, императрица, пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Здѣсь по утру, въ 6-мъ часу, былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены: Анна Степановна Протасова, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, графъ Ангальтъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, Александръ Юрьевичъ Нелединской.

Въ столовой кавалерскаго стола не было. По полудни, во 2-мъ часу, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ знатныя придворныя обоего пола особы и чужестранные министры и собрались въ парадныхъ покояхъ; въ то же время, по учиненной предъ тѣмъ отъ губерніи повѣсткѣ, собраніе имѣли россійскія знатныя обоего пола персоны въ соборную святыя Софіи Премудрости Божіей церковь, что въ Старомъ Кіевѣ.

Въ 3-мъ часу императрица, въ сопровожденіи знатныхъ придворныхъ особъ, въ экипажахъ, прибыла въ Софійскій соборъ; предъ дверьми встрѣчена была того собора духовенствомъ со крестомъ при колокольномъ звонѣ; послѣ вечерни, которую отправлялъ помянутаго собора протоіерей Іоаннъ Леванда съ

прочимъ духовенствомъ, преосвященный Самуилъ митрополитъ кіевскій и галицкій, также означенный протоіерей Леванда, съ бывшими въ служеніи духовными приносили ея императорскому величеству поздравленіе и жалованы къ рукѣ, причемъ говорена поздравительная рѣчь преосвященнымъ Самуиломъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Наслаждаяся радостію, какову воскресшій Христосъ, Спаситель нашъ, вливаетъ въ сердца вѣрующихъ въ Него, не можемъ не представить и тѣхъ человѣколюбія Его знаковъ, каковыми сопровождаемо было возстаніе Его изъ мертвыхъ".

„Онъ разслабленный безпокойствіемъ духъ и трепещущее отъ страха сердце любезныхъ Своихъ учениковъ ободрилъ и укрѣпилъ сими словами: Миръ вамъ!"

„Онъ объятыя ихъ мысли тмою печалей осіялъ немерцающимъ вѣчнаго веселія свѣтомъ, сказавъ имъ: Радуйтеся!"

„Онъ, бесѣдуя съ ними, отверзе имъ умъ разумѣти Писаніе".

„Всѣ сіи, и прочіе столь горячей Его къ намъ любви знаки, чѣмъ живѣе внемлемъ нашимъ воображеніемъ, тѣмъ совершеннѣе удостовѣряемся о чувствіи радости, разливающейся въ сердцѣ и душѣ твоей, вѣрою и благоговѣніемъ къ воскресшему Христу воспаленной".

„Милость мира, какову мы вкушаемъ подъ благословенною твоею державою; обиліе радости, какову мы въ кротости твоего духа, какъ въ неисчерпаемомъ милосердія источникѣ, почерпаемъ; снисхожденіе и матернія твои бесѣды, коими ободряеши и утѣшаеши чадъ твоихъ; неусыпное твое попеченіе о просвѣщеніи ввѣренныхъ тебѣ народовъ, суть совершенныя доказательства твоего воскресшему Христу сообразованія, твоего истиннаго о возстаніи Его изъ мертвыхъ радованія".

„Усердіе сыновнее и долгъ вѣрныхъ подданныхъ обязываетъ насъ молить воскресшаго Христа, да симъ воскресенія своего низпошлетъ тебѣ силы совершить все то, къ чему матернія и монаршія твои намѣренія для блаженства нашего простираются, и по величію щедротъ, тобою всегда обильно на насъ изливаемыхъ, а паче нынѣ безпримѣрно изливаемыхъ, да даруетъ тебѣ къ нашимъ благодарнымъ чувствіямъ и искрен-

нѣйшимъ желаніямъ соотвѣтствующей". (Изъ журнала Зеркало Свѣта № 70, 1787 г.).

Въ вечеру императрица малое время играла въ карты, приглася къ тому князя Григорія Александровича Потемкина, Мамонова и графа Браницкаго.

29 марта, на другой день Свѣтлаго Праздника, императрица была у литургіи въ Софійскомъ соборѣ и снова посѣтила митрополита Самуила; онъ въ это время былъ совершенно счастливъ, получивъ разрѣшеніе на всѣ свои представленія. Во время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, онъ всѣ ходатайства и доклады по духовнымъ дѣламъ представлялъ черезъ графа Безбородка и по болѣзни, не будучи въ силахъ объясняться лично, безпрестанно обращался къ Безбородку съ письменными просьбами. Старика часто огорчали недоразумѣнія и неудачи, по причинѣ вмѣшательствъ въ эти дѣла духовника императрицы Ивана Ивановича Панфилова, пользовавшагося большимъ довѣріемъ императрицы и дружбою Безбородка. Иногда страдало самолюбіе митрополита, но Самуилъ сносилъ все съ кротостію. Такъ, при посвященіи въ архимандриты въ Нѣжинъ начальника кіево-печерской типографіи іеромонаха Өеофана Самуилъ письменно спрашивалъ Безбородка, кто долженъ послать рапортъ въ Синодъ о произведеніи Өеофана въ архимандриты, онъ или духовникъ? „Мнѣ слѣдуетъ потому, писалъ Самуилъ, что онъ былъ въ лаврѣ Печерской подъ моимъ начальствомъ, а его высокопреподобіе отецъ духовникъ можетъ репортовать потому, что ему высочайшее повелѣніе о произведеніи объявлено". Важнѣйшія представленія митрополита Самуила, высочайше утвержденныя и одобренныя, заключались въ слѣдующемъ:

1) Объ оставленіи академіи навсегда на томъ же мѣстѣ и о мѣрахъ къ ея устройству.

2) Посылать студентовъ академіи въ иностранные университеты для науки.—Любопытенъ докладъ Самуила по этому предмету,—вотъ онъ: „Академія кіевская имѣетъ недостатокъ въ учителяхъ, знающихъ основательно науки, для оной академіи нужныя, также нѣмецкій и французскій языки, хотя же изъ иностранцовъ можно отыскать къ сему способныхъ людей, но

оные требуютъ за труды свои большаго награжденія и не могутъ на россійскомъ языкѣ изъяснять учащимся ни наукъ, ни языковъ оныхъ, безъ чего и хорошихъ успѣховъ въ ученіи ожидать не можно. Посему нужно, выбравъ четырехъ человѣкъ изъ студентовъ академіи, пріобрѣтшихъ довольное понятіе о таковыхъ наукахъ и языкахъ, отличившихъ себя честнымъ поведеніемъ и подающихъ хорошую надежду къ достиженію предполагаемаго намѣренія, послать на академическомъ иждивеніи въ иностранные университеты, гдѣ такія науки процвѣтаютъ и правила оныхъ языковъ изъясняются основательно, дабы симъ образомъ академія могла воспользоваться собственными своими учителями". Самуилъ испрашивалъ и впредь „по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, когда надобность востребуетъ" отправлять на такомъ же основаніи.

3) Самуилъ хлопоталъ о пенсіи и пособіи архимандриту кіевскаго Николаевскаго монастыря *Епифанію*, которой по престарѣлости и болѣзни не могъ продолжать эту должность. Епифаній былъ человѣкъ ученый, былъ въ разныхъ семинаріяхъ учителемъ, при высочайшемъ дворѣ проповѣдникомъ, потомъ полтавскимъ протоіереемъ и наконецъ архимандритомъ.

4) Хлопоталъ о пенсіи престарѣлому архимандриту переяславскаго второклассная Вознесенскаго монастыря.

5) О переводѣ греческаго Кіево-Подольскаго монастыря, по случаю тѣсноты мѣста ветхости и бѣдности строеній,—въ Кіево-Подольскій Петропавловскій монастырь, который въ то время по высочайшему повелѣнію оставленъ для помѣщенія заштатныхъ монаховъ.

6) О прибавкѣ пенсіи сербскому архимандриту Спиридону Витковскому.

7) О прибавкѣ жалованья греческимъ архіереямъ: Серафиму, митрополиту лакедемонскому, проживающему въ лаврѣ, и Никодиму, живущему въ Николаевскомъ монастырѣ. Всѣ эти доклады и представленія были разрѣшены 15 марта 1787 г. (Госуд. архивъ от. XVIII, с. 47).

Въ этотъ же день при дворѣ былъ большой обѣдъ, къ которому были, сверхъ свиты и другихъ лицъ, приглашены

пріѣхавшіе въ Кіевъ иностранцы и поляки: принцъ де Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ съ супругою, князь Сапѣга, графъ Северинъ Потоцкій, князь Сангушко, графъ Машинскій, князь Любомирскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, староста гузовскій, англійскій министръ г. Витфортъ, господинъ Тишкевичъ, г. Войковичъ и г. Дубской, камергеры польскіе, г. Тарновскій и г. Гласко, генералъ-маіоры польскіе, староста Рациборскій.

Во вторникъ, на третій день праздника Святыя Пасхи, въ 12-мъ часу утра, въ сопровожденіи свиты, императрица прибыла въ экипажѣ въ дѣвичій Богословскій монастырь, что на Подолѣ; здѣсь у Святыхъ воротъ, по выходѣ изъ кареты, встрѣтили той обители игуменья Ксанфія съ монашествующими и поднесли святую икону Іоанна Богослова, потомъ, при колокольномъ звонѣ, черезъ монастырь императрица прошла въ церковь слушать литургію, которую соборомъ совершалъ духовникъ императрицы Панфиловъ.

По возвращеніи изъ монастыря во дворецъ, во 2-мъ часу, въ аудіенцъ-залѣ представлены княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ присланные отъ дворянства таврической области пятеро депутатовъ, изъ коихъ коллежскій совѣтникъ Темиръ-ага Симферопольскій говорилъ на татарскомъ языкѣ привѣтственную краткую рѣчь, послѣ которой онъ и прочіе, дворянскій предводитель Абивелій-ага, коллежскій ассессоръ Мехъ-Мечети, мурза Агринской и Іосифъ Ибрагимъ и дворянской секретарь Гуссейнъ-Хаза, мурза Ширинской пожалованы были къ рукѣ. Обѣдъ былъ въ присутствіи императрицы, къ которому, сверхъ свиты, были приглашены: баронъ Елмптъ, Петръ Ивановичъ Пущинъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, Иванъ Степановичъ Кохіусъ, графъ Штакельбергъ, Василій Ильичъ Бибиковъ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, генералъ-маіоръ Петръ Лукичъ Волковъ, Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ, бѣлорусской губерніи предводитель Голынскій съ депутатами, таврической области совѣтникъ Темиръ-ага съ депутатами, господа иностранные послы и прочіе иноземцы: принцъ

де-Линь, родственники онаго, принцы же де-Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ, князь Сапѣга, князь Сангушко, графъ Машинскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, графъ Диланъ, г. Витфортъ, шевалье де-Ламетъ.

Столъ сервированъ былъ серебрянымъ парижскимъ сервизомъ, кончился по полудни въ 2 часа. Потомъ, въ 5 часовъ, по повѣсткамъ, съѣхались ко двору вся кіевская знать, иностранцы, посланники и дворянство.

Въ 6 часовъ императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ придворныхъ, въ аудіенцъ-залу, гдѣ тогда же при обыкновенной музыкѣ открытъ балъ, во время котораго императрица играла въ карты, приглася въ свою партію князя Григорья Александровича Потемкина, Александра Матвѣевича Мамонова и австрійскаго посла графа Кобенцеля. Балъ кончился въ 9-мъ часу вечера.

Въ этотъ день вечерни не было, поставленная же во дворцѣ, въ столовой комнатѣ, по случаю Страстной недѣли, полковая церковь собрана и вынесена въ принадлежащее ей мѣсто еще заранѣе въ день св. Пасхи послѣ литургіи.

Во время бала, въ этотъ день при дворѣ музыка была употреблена домашняя фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго и часть полковой пѣхотнаго днѣпровскаго полка. (Изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1787 г.).

Всю свѣтлую недѣлю императрица ѣздила по монастырямъ и церквамъ, а по утрамъ гуляла въ дворцовомъ саду. Передъ обѣдомъ играла въ билліардъ, алагеръ или въ карты, вечеромъ въ карты и любовалась изъ оконъ на народное гульбище, устроенное передъ дворцомъ съ безплатными качелями.

„Днѣпръ вскрылся на Страстной недѣлѣ и я по очищеніи отъ льду Печерской крѣпости велѣла выполнить невскій обрядъ весь и теперь на крѣпости вѣетъ флагъ, и утреннюю и вечернюю зорю стрѣляютъ, какъ у васъ. Однако еще холодновато, а въ Свѣтлый праздникъ была погода мокрая и съ такимъ туманомъ, что плошки на колокольнѣ, стоя у церкви, не видно было. Съ прошедшими праздниками васъ поздравляю и прошу

поздравить отъ меня великихъ князей. Изъ Кіева, марта 30' 1787" [1]).

„Я здорова, но буде сѣверные вѣтры не перестанутъ такъ сильно дуть, то отъѣздъ мой отселѣ замѣшкается: способа нѣтъ быть на водѣ въ таковой стужѣ. Трава нѣсколько разъ начала показаться, но паки стужею поостановилась, и такъ мы здѣсь, какъ раки на мѣли. Въ другомъ письмѣ, мною подписанномъ, получите для господъ Протасова, Сакена и Бека знаки моего благоволенія. Надѣюсь, что великіе князья прилежаніемъ наградятъ потерянное ученіе въ время сыпи и кори. Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, но думаю, что городъ Кіевъ не одну сто тысячу выигралъ, ибо платили по восьмидесяти червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе тридцати; у него всякій день былъ столъ для всѣхъ находящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Мнишкѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли. Изъ Кіева, апрѣля 9, 1787" [2]).

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Днѣпръ очистится ото льда, всѣхъ занимало желаніе поскорѣе начать оригинальное путешествіе водою. Наконецъ, 10 апрѣля флотилія, назначенная для высочайшаго плаванія по Днѣпру, вышла изъ Михайловскаго залива противъ Выдубецкаго монастыря. Вице-адмиралъ Пущинъ поднялъ свой флагъ при 9 пушечныхъ выстрѣлахъ съ каждаго судна. Поровнявшись съ Кіево-Печерскою крѣпостью обмѣнялся съ нею салютными 9 же выстрѣлами. Флотилія, продолжая плаваніе при противномъ вѣтрѣ и противъ теченія, остановилась близь Подола (К.-Ф. ж.). На другой день, 11 апрѣля, императрица слушала въ большой церкви Братскаго монастыря, что на Подолѣ, обѣдню, куда отъ дворца провожали молодые мѣщане, особливо на таковой случай назначенные, въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ, а пѣшіе со всѣми цехами и знаками стояли отъ подольскихъ тріумфальныхъ во-

---

[1]) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 961.

[2]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 962.

ротъ до монастыря по обѣ стороны. Студенты же, въ четыре ряда, по обѣ стороны отъ монастырской братьи, до самой церкви, стоя со знаками, пѣли во время проѣзда государыни концертъ; на службѣ, совершенной преосвященнымъ слуцкимъ Викторомъ съ духовникомъ и тремя архимандритами и двумя монахами, посвященъ архимандритомъ въ Нѣжинъ отецъ Ѳеофанъ, бывшій въ Печерской лаврѣ типографщикомъ. Послѣ службы онъ говорилъ императрицѣ, по постриженіи, краткую, благодарственную на русскомъ языкѣ рѣчь, а за нимъ всѣ учители также говорили рѣчи императрицѣ на разныхъ языкахъ. По окончаніи допущены были къ рукѣ служащіе и говорившіе рѣчи; а послѣ, выйдя изъ церкви, ѣхали со всѣми кавалерами и придворными къ магистрату, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ города Кіева угощали императрицу. У кареты ее встрѣтили городской голова, магистратскіе члены съ купечествомъ обоего пола съ хлѣбомъ и солью, а въ залѣ оберъ-камергеръ Шуваловъ представилъ старшину Ефима Митюка, который сказалъ императрицѣ рѣчь отъ купечества. За обѣденнымъ столомъ было 65 приглашенныхъ. У графа Петра Александровича на сей случай взятъ былъ серебряный съ позолотою цѣлый сервизъ съ разными приборами, къ тому принадлежащими. Во время стола палили изъ шести пушекъ, нарочно туда привезенныхъ; а по окончаніи всего, императрица отъѣхала во дворецъ съ бывшими тамъ при столѣ кавалерами. Императрица возвращалась во дворецъ изъ магистрата, предшествуемая мѣщанами верхомъ, а въ магистратѣ для всѣхъ хорошо одѣтыхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, открытъ былъ вольный балъ при духовой музыкѣ, съ разными танцами, продолжавшійся до десятаго часа. Въ этотъ же день императрица отослала къ королю польскому въ подарокъ верховую хорошую лошадь; вечеромъ былъ во дворцѣ куртагъ, какъ и прежніе (Сынъ Отечест. 1873, мартъ).

12 апрѣля, послѣ обѣда, въ 5 часовъ, собрались ко двору магистратскіе члены, кіевское именитое гражданство, ихъ жены и дочери, для принесенія всеподданнѣйшаго благодаренія за высочайшее посѣщеніе вчерашняго дня магистрата, и въ большомъ залѣ ожидали выхода императрицы изъ внутреннихъ покоевъ.

Въ началѣ 7-го часа императрица прибыла въ залъ и ей представлены: во первыхъ, статсъ-дамою графинею Александрою Васильевною Браницкою кіевскаго именитаго гражданства жены и ихъ дочери, а потомъ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ представлены магистратскіе чины и именитые граждане и всѣ жалованы къ рукѣ.

„Вы пишете,—писала императрица къ Брюсу,—что Свѣтлый праздникъ у васъ расшевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при веселіяхъ съ такой же nonchalance, какъ всегда; de ma vie je n'ai vu une province, ou les gens soye plus laid et plus bete, à peine cela se remue-t-il. Виватъ Русь! C'est bien autre chose! morgue! Чужестранныхъ было и есть много, живутъ по здѣшнимъ мерзскимъ шалашамъ и платятъ неслыханныя цѣны. Mais toutes les dames Polonaises sont bien singulières aussi; не знаю, что то въ нихъ есть много замоскворецкаго" (Письмо отъ 14 апрѣля).

Хотя императрица и давала полькамъ эпитетъ замоскворѣцкихъ, но въ числѣ ихъ были такія, которыя ее интересовали,—такъ, напримѣръ, графиня Потоцкая, жена воеводы русскаго, у котораго въ Кіевѣ было болѣе двухсотъ человѣкъ челяди шляхетскаго происхожденія. (Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Вѣстн. Евр. 1869, IV). Потоцкая пріѣзжала на балы, украшенная брилліантами на нѣсколько сотъ тысячъ.

„Прикажите, пожалуй,—пишетъ императрица къ Брюсу,—спросить на петергофской алмазной мельницѣ у Роде, нѣтъ ли у нихъ стекляной или хрустальной модели того большаго алмаза, который у меня въ скипетрѣ и, если найдете, пришлите оный ко мнѣ, здѣшнія дамы любопытствуютъ оный видѣть, а имянно графиня Потоцкая, воеводина русская, на которой на самой запросто алмазы по крайней мѣрѣ на полъ-милліона, наипаче жемчуги отличной величины...!"

Во вторникъ 20 апрѣля, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, по собраніи ко двору свиты и чужестранныхъ министровъ, въ сопровожденіи оныхъ, императрица въ экипажахъ выѣхала для обозрѣнія Печерской крѣпости; у Васильковскаго бастіона встрѣ-

тили артиллеріи генералъ-аншефъ, Иванъ Ивановичъ Меллеръ, оберъ-комендантъ Кохіусъ съ штабъ и оберъ-офицерами кіевскихъ баталіоновъ. По выходѣ изъ экипажей, императрица взошла на земляной валъ, гдѣ поднесенъ былъ отъ генерала-аншефа Меллера Печерской крѣпости планъ, потомъ, начавъ съ Васильковскаго бастіона, императрица проходила вокругъ всей крѣпости, сопровождаемая свитою. Въ началѣ 2-го часа она возвратилась во дворецъ.

Въ 6 часовъ, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ придворныя обоего пола персоны, знатный россійскій генералитетъ и чужестранные министры, и собрались передъ внутренними покоями; въ началѣ 7-го часа императрица изволила выйдти въ камеру собранія и, по случаю наступающаго дня торжества рожденія великой княжны Александры Павловны, принимала поздравленіе во первыхъ отъ статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и фрейлины, потомъ отъ кавалеровъ и всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Въ среду, 21 апрѣля, въ день рожденія императрицы и тезоименитства великой княжны Александры Павловны, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, императрица, въ сопровожденіи свиты, была у божественной литургіи въ соборной святыя Софіи церкви. При входѣ, встрѣтилъ ее въ облаченіи, со крестомъ, преосвященный Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской производилась пушечная пальба и тогда же, въ церкви, императрицѣ приносили поздравленія преосвященные Самуилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій, Антоній, митрополитъ нинасминскій, царевичъ грузинскій, Серафимъ, митрополитъ лакедемонскій и прочее знатное духовенство, причемъ митрополитъ Самуилъ говорилъ краткую поздравительную рѣчь.

„Всемилостивѣйшая государыня! При возсіяніи всевожделѣннаго дня рожденія твоего, возхищенные неописанною радостію, получаемъ новыя побужденія, чувствуемъ новую обязанность ко изліянію благодарныхъ сердецъ предъ престоломъ Божіимъ и твоимъ монаршимъ“.

„Все протекшее время дражайшія твоея жизни было единъ подвигъ, едино вниманіе нашимъ пользамъ“.

„Каждый день умножалъ число твоихъ благодѣяній. Возходящее и заходящее солнце возобновляло благость твою къ намъ“.

„Все сіе содѣлало и тебя Великою, и насъ блаженными. Нынѣ, достигнувъ новаго счастливаго времени къ воспріятію новыхъ отъ тебя благотвореній, въ какомъ должны мы быть радостномъ восторгѣ?“

„Если, по апостолу, никто же себѣ живетъ, то мы не можемъ не признаться торжественно, что твоя жизнь, есть для нашихъ жизней“.

„Твоему величеству угодно было, для увѣренія о семъ, сказать, что ты сотворена для насъ, что желаешь увидѣть Россію, больше всѣхъ процвѣтающею, что сіе цѣнишь равно, какъ свою жизнь“.

„Безсмертныя твои дѣла доказали и утвердили истину таковаго изреченія“.

„Коликаго оно прославленія и благодаренія достойно! Но мы не можемъ ничѣмъ возблагодарить“.

„Молимъ только отъ всего сердца безпредѣльную благость Божію, да мы, чада твои, радуемся въ должайшія лѣта о тебѣ, какъ радуются дѣти о матери своей, какъ радуются твари о Создателѣ и Вседержителѣ своемъ, и какъ онѣ, повѣдая славу Его, воздаютъ Ему хвалу, тако мы, воспоминая благословенный день рожденія твоего, да возвеселимся о Тебѣ во вѣки“. (Журналъ Зерцало свѣта, 1787 г., № 74).

21 апрѣля, въ день своего рожденія, императрица подписала знаменитый манифестъ о дуеляхъ; Храповицкій въ своемъ дневникѣ оставилъ намъ замѣтки, доказывающія, какъ императрица занималась этимъ дѣломъ съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Кіевъ.

„1-го февраля, записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ, въ 8 томахъ „Энциклопедіи“ пріискалъ слова, къ дуелямъ относящіяся, и подалъ, обще съ воинскимъ артикуломъ и морскимъ уставомъ, заложа статьи о поединкахъ. 18. Читано начало манифеста о дуеляхъ, состоящее въ випискѣ приличныхъ статей

изъ грамоты, дворянству данной. 23. Показывалъ манифестъ о д(уеляхъ), гдѣ, послѣ статей, сдѣланъ оборотъ къ неистовству молодыхъ людей. 28. Читано продолженіе манифеста, гдѣ включенъ сильный примѣръ о оскорбленіи величества, различаемаго словомъ или дѣломъ. Марта 5. Переписывалъ два листа манифеста; тутъ сказано: мы сами вынули изъ важнѣйшаго закона о оскорбленіи величества неразличіе слова со преступленіемъ, 482-я статья Наказа. 7. Сдѣлана въ манифестѣ прибавка: переписывалъ листъ. 17. Читаны мнѣ заготовленныя запрещенія въ извѣстный манифестъ. 26. Переписывалъ манифестъ о дуэляхъ; тутъ положенъ примиритель, обязанный прекращать ссору. 27. Прежде пріѣзда спрашивали, когда вошелъ, сдѣлали вопросъ о переписыванномъ мною манифестѣ, и будетъ ли имѣть полезное дѣйствіе? Отвѣчалъ, что превращеніе присутствующаго въ примирителя подаетъ великую надежду, говоря примѣрами. Апрѣля 2. Вопросъ о манифестѣ о дуэляхъ, который я для графа классировалъ и переписывалъ. 21. Подписанъ манифестъ о дуеляхъ".

Объ этомъ манифестѣ бывшій оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ изъ своего села Пехорки, 20 мая 1787 года, къ графу Брюсу: „Хотя я и живу въ деревнѣ, но получаю изъ города разнаго рода вѣсти. Сказываютъ, между прочимъ, что манифестъ о дуелѣ, котораго я еще не читалъ и ожидаю, дѣлаетъ въ публикѣ великую сансацію. Въ клобахъ, вaксалѣхъ, гуляньяхъ, ничего другова не говорятъ, какъ объ ономъ, всякой толкуя оной по своимъ мыслямъ". (Изъ главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, изъ бумагъ кн. Голицына).

22 апрѣля, въ 8 ч. утра, всѣ военные и гражданскіе чины, имѣющіе пріѣздъ ко двору съѣхались во дворецъ. Въ 9 ч. къ дворцовому крыльцу подъѣхала императорская двухмѣстная карета, передъ которою ожидали верхами городничій съ губернскою штатною командою и дворянство съ предводителемъ. Въ четверть 10-го часа императрица выѣхала изъ дворца въ Кіево-Печерскую лавру, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ монастырскихъ и городскихъ церквей. Впереди кареты верхами ѣхало дворянство, позади генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Передъ

церковными дверьми Успенскаго собора государыню встрѣтилъ въ полномъ облаченіи съ прочимъ духовенствомъ архіепископъ Викторъ. Во время молебна митрополитъ Самуилъ читалъ молитву о путешествующихъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Протекли нечувствительно тѣ пріятнѣйшія, тѣ восхитительнѣйшія часы и минуты, въ которыя мы наслаждались свѣтомъ матерняго и монаршаго твоего лицезрѣнія“.

„Нынѣ великое свѣтило, для счастія нашего вѣка и грядущихъ времянъ вожженное, обращаетъ свои благотворныя лучи на другія благословенныя своего владычества предѣлы“.

„Коль сіе для насъ горестно и поразительно! Чувствуемъ совершенно, но изобразить ничѣмъ не можемъ“.

„Апостолъ Павелъ желалъ закрыть очи свои отъ дневнаго свѣта, какъ только облисталъ его невечерній свѣтъ, отъ явленія Христа Спасителя нашего возсіявшій“.

„Мы, толикое время лучами августѣйшія помазанницы Вышняго озаряемые, нынѣ лишась сего счастія, восхощемъ ли съ пріятностію взирать на солнечное сіяніе?“

„Едино то услаждаетъ нашу горесть, что Божественный твой зракъ, живо въ сердцахъ и душахъ нашихъ начертанный, пребудетъ съ нами неотъемлемо; что лучи твоего монаршаго вниманія проницаютъ во всѣ внутренности и самихъ отдаленнѣйшихъ твоея державы концовъ; что матернее твое человѣколюбіе не ограничивается никакими предѣлами“.

„Праведный Симеонъ, узрѣвъ во храмѣ Господнемъ Творца своего, съ миромъ окончалъ жизнь свою“.

„Мы, сподобившіеся созерцать въ сихъ предѣлахъ священнѣйшее лице виновницы всѣхъ нашихъ благъ, будемъ провождать остальные дни наши въ спокойствіи и тишинѣ; воспоемъ милости твоя во вѣкъ; возвѣстимъ щедроты твоя, преизобильно на насъ изліянныя, всему роду грядущему; проліемъ горячія молитвы ко Всевышнему, да сопровождая благословеніемъ Своимъ священныя твои стопы, въ путехъ Ему угодныхъ, хотя многотрудныхъ, ведущихъ къ отверзенію вратъ благополучія

нашего, сохранитъ тебя въ вожделѣннѣйшемъ здравіи, всесильною Своею десницею".

„Токмо со всеглубочайшимъ смиреніемъ молимъ тебя благоутробнѣйшая матерь отечества! ублажившая благоволеніемъ своимъ градъ сей, „да будутъ очи твои на него отверзты, и сердце твое въ немъ во вся дни живота твоего". (Зерцало Свѣта, 1787 г., № 74).

Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ. Архіепископъ Викторъ сказалъ краткую напутственную рѣчь, и затѣмъ императрица выѣхала изъ монастыря при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ съ крѣпости. Эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка подъ командою генералъ-маіора Василія Васильевича Энгельгардта конвоировалъ экипажъ императрицы. У Николаевскаго монастыря вышелъ на встрѣчу съ крестомъ архимандритъ Амфилохій. Отсюда императрица проѣхала въ Старо-Кіевскій Софійскій соборъ, гдѣ ее встрѣтилъ митрополитъ Самуилъ. Посѣтивъ Михайловскій монастырь, государыня проѣхала черезъ Подолъ къ Днѣпру, гдѣ стояла на якорѣ галерная флотилія. По всему протяженію шествія императрицы стояли купцы, мѣщане, ремесленники и прочіе городскіе жители; въ разныхъ мѣстахъ устроены были тріумфальныя ворота, на которыхъ размѣстились музыканты, встрѣчавшіе императрицу игрою на трубахъ и литаврахъ.

Императрица сѣла въ шлюпку и переѣхала на галеру „Десна". Въ шлюпку приглашены были: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Катерина Васильевна Скавронская, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, князь Потемкинъ, А. М. Мамоновъ и австрійскій посланникъ графъ Кобенцель. За шлюпкою императрицы, въ шлюпкахъ и баркахъ, переѣхали на галеры остальныя лица свиты, посланники, а также принцы де-Линь, Нассаускій и графъ Браницкій.

Во время переѣзда императрицы съ берега, музыканты военныхъ командъ, бывшихъ на галерахъ, играли на трубахъ и литаврахъ, а солдаты „отдавали фронтомъ честь".

Всѣ лица, назначенныя къ слѣдованію въ путешествіи водяномъ, обѣдали на „Деснѣ“ съ императрицею. Съ галеры „Десна“, послѣ обѣда, императрица перешла на свою галеру „Днѣпръ“. Раздался пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и передовыя галеры снялись съ якоря. Съ берега началась пушечная пальба, въ церквахъ колокольный звонъ, мѣщане и ремесленники на плотахъ около галеръ стрѣляли изъ ружей, а народъ, толпившійся по обѣ стороны Днѣпра, кричалъ „ура!“ За галерами послѣдовали въ лодкахъ: кіевскій губернаторъ, дворяне, купцы и мѣщане съ музыкою и пѣснями. На галерѣ „Днѣпръ“ былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. Проходя мимо Печерской крѣпости, обмѣнялись салютами, а въ 6 часовъ вечера пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ далъ сигналъ всѣмъ судамъ стать на якорь. Вся флотилія остановилась противъ Китаевской пустыни, проѣхавъ 10 верстъ. Съ галеры „Днѣпръ“ данъ сигналъ флагомъ, чтобы лица, состоявшія въ свитѣ, явились на галеру „Днѣпръ“. Всѣ собрались въ залу, гдѣ бесѣдовала императрица съ ними до 8 часовъ вечера. Въ 10 часу свита ужинала на столовой галерѣ „Десна“, а въ 10 часовъ на всѣхъ галерахъ военные музыканты играли *зарю* и потомъ, послѣ всеобщей вечерней молитвы матросовъ и военной команды, раздался выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и всѣ новые жители галеры улеглись спать.

Отъѣзжая изъ Кіева, императрица писала къ Брюсу: „Сегодня поѣду обѣдать на свои галеры, а послѣ обѣда съ Божьею помощью пустимся въ путь. Въ пятницу или въ субботу остановимся на весь день предъ Каневомъ, гдѣ находится король польскій, съ которымъ тотъ день и проводимъ, а на завтра, аще Богъ изволитъ, пустимся далѣе. На галерѣ „Днѣпръ“, апрѣля 23, 1787 года“. Вмѣстѣ съ императрицею поѣхалъ маленькій Браницкій, о которомъ она писала гр. Н. И. Салтыкову:

„Вѣкъ не отгадать, кто съ нами на галеры поѣдетъ! Маленькой Браницкой, которому, по моему совѣту, привили оспу. По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ, и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей комнатѣ

рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ собою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся, не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагѣ съ prince de Ligne, и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкой, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ" [1]).

Г. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 964,

„ОНЪ ПРИСЯГАЛЪ.“

— И щожъ то за невирна людына! Якъ просывъ, якъ молывъ, а винъ хочъ бы тоби два карбованця давъ! Сказано звирюка!—Хова гроши, якъ собака на сини: сама не исть и другому не дае...

„Та, вы, Гаврыловичу звидки знаете, що въ его е гроши? Може воны на людяхъ теперъ?“

— Эхъ, и не кажить мени! уси, чисто уси говорять, що въ его грошей, якъ у жида. Хиба жъ вы не чулы, що винъ зъ батюшкою розмовлявъ и зъ того часу кладе ихъ у банку.

„А хто це бачивъ?“

— Якъ хто?

„Эге, хто жъ, кажу, бачивъ?“ какъ будто поддразнивая, спрашивалъ Герасименко.

— Хто бачывъ, то бачывъ, абы бачывъ... А я жъ его молывъ, а я жъ его, проклятого, просывъ... Риздво не забаромъ, у хати ничого нема, й того, й того треба, такъ винъ: не дамъ та й годи... Ну, оддячу я ему колысь!.. Долго еще слышно было, какъ, идя по улицѣ позднею порою, Иванъ Петренко сердито ворчалъ, а Герасименко поддразнивалъ его.

Вотъ они завернули въ уличку, и ихъ голосовъ не стало слышно.

Рѣчь шла о старомъ дѣдѣ Трофимѣ Мусіенкѣ. Чужой былъ онъ въ селѣ, пришелъ какъ то давно въ Петровку, поселился на краю села у одной вдовы; вдова умерла, а хата осталась какимъ то образомъ за Мусіенкомъ. Съ той поры Мусіенко

никуда не ходилъ, жилъ въ Петровкѣ и занимался понемногу сапожнымъ ремесломъ. Хорошій онъ былъ сапожникъ: такіе бывало сапоги сошьетъ, что и въ городѣ не найдешь.

Но жилъ онъ какъ то странно; самъ суровый на видъ, и жизнь его была какая то деревянная, сухая, не такая, какъ у другихъ людей. Водки никогда не пилъ, компаніи ни съ кѣмъ не водилъ. Бывало самъ и печь вытопитъ, самъ и обѣдать сваритъ. Самъ и бѣлье постираетъ на рѣкѣ; ни онъ никого, ни его никто не трогаетъ.

Баба Зубачиха (извѣстно языкатая баба на все село, никого не пропуститъ) такъ та говоритъ про Мусіенка „живе (выбачайте) якъ собака".

Когда разжился немного старикъ, сталъ онъ людямъ на проценты деньги взаймы давать. Дастъ нѣсколько рублей, а въ слѣдующемъ году надо ему возвратить капиталъ и съ процентомъ, вотъ и выйдетъ, что за два рубли надо отдать семь рублей. Люди и рады: Гершко хоть и беретъ за два рубли полтора, а черезъ два или три года выйдетъ, что долженъ ему ужъ пятнадцать рублей. Странно какъ то это у Гершка выходитъ. Конечно, грамотный человѣкъ быть можетъ и пойметъ, а простые люди видятъ только, что платятъ, платятъ и конца нѣтъ. Оттого то и идутъ къ Мусіенку. Гершко не притѣсняетъ: есть деньги—беретъ, а нѣтъ, онъ подождетъ, только процентъ большой положитъ. А Мусіенко ни за какія деньги не отсрочитъ, а придетъ и сдеретъ свое, не выйдетъ изъ хаты до тѣхъ поръ, пока своего не возьметъ. Слезы, горе людское, все ему ни почемъ; онъ не посмотритъ, что можетъ быть человѣку ѣсть нечего, свое возьметъ. Бранили его, хотѣли бить, а ему все равно, беретъ деньги и кладетъ въ карманъ.

Такъ жилъ онъ десять лѣтъ, а въ этомъ году что то странное съ нимъ сдѣлалось: ни гроша никому не даетъ. Ходятъ къ нему, просятъ, молятъ его, не даетъ. „Нема", говоритъ.

— Дежъ ваши гроши? спрашиваютъ его люди.

„Яки гроши? Хиба ты личывъ ихъ? Геть зъ хаты!"—и конецъ разговорамъ. Не знали что и думать. Стали ему предлагать бóльшій процентъ,—не беретъ, и денегъ не даетъ. Думали,

гадали, отчего бы это такъ. Наконецъ попова наймичка всё сразу и „выявила“. Она разсказывала бабѣ Зубачихѣ, что Мусіенко сталъ очень часто батюшку навѣщать; все разспрашивалъ о банкѣ, куда прячутъ деньги; съ батюшкой и въ Одессу ѣздилъ. А Зубачиха уже отъ себя добавила: „хочъ и живе якъ собака, а гроши сбира на щось добре, бо зъ батюшкой розмовля; а грошы держыть у скляной банци и вси бумажки посолывъ, конечне, щобъ не погнылы“. Такую чепуху наплела, что и ума не приложишь. Конечно, этому не повѣрили, а въ селѣ всѣ думали, что старикъ прячетъ деньги у себя въ хатѣ. Что Мусіенко былъ человѣкъ твердый и умѣлъ „дѣла дѣлать“ (какъ говоритъ Гершко), со всякимъ обойтись—это всѣ знали. Ужъ на что Петръ Савродымъ, и съ тѣмъ Мусіенко умѣлъ обойтись, несмотря на то, что отъ Петра люди убѣгаютъ, а Гершко, такъ тотъ его такъ боится, что, хотя Петръ ему и много долженъ, никогда его и не спроситъ про деньги. Савродымъ, еще когда былъ хозяиномъ, бралъ деньги взаймы, а какъ посидѣлъ въ тюрьмѣ и вышелъ оттуда, то прямо и сказалъ: „не дамъ никому, бо ничого не маю“. Лошадей, возъ, волы всё продали за судебныя издержки, а коровъ самъ продалъ и деньги пропилъ, прогулялъ. Послѣ того частенько пропадалъ на недѣлю, другую, а пріѣдетъ домой на хорошихъ лошадяхъ, на нихъ красивая сбруя, самъ хорошо одѣтый. Извѣстно воръ на всё село.

„Я, говоритъ, у васъ не краду, такъ я и не злодій. Не маете силы та воли зослать мене на Сибырь, на вичне поселеніе. Бувъ дурный, въ своему сели кравъ—посадылы у острогъ, а теперъ годи! Не піймали, то й не злодій!“

Вотъ что говорилъ Савродымъ громадѣ, когда къ нему приставали съ разспросами, гдѣ онъ лошадей достаетъ.

Одинъ таки изъ нашихъ селянъ, „одинъ чоловичокъ“ подслушалъ разговоръ Мусіенка съ Савродымомъ. Какъ то вечеромъ этотъ селянинъ, стоя за скирдою на гарманѣ, видитъ, что Мусіенко стоитъ около загаты, а Савродымъ въ огородѣ.

— Ты грошы мени отдасы черезъ тры дни,—какъ будто топоромъ рубнулъ Мусіенко.

„Не дававъ, тай не даватыму“, отвѣчаетъ, усмѣхаясь, Савродымъ.

— Нисля завтра—се буде понедилокъ; у понедилокъ оддасы уси чысто зъ процентами — двисти карбованцивъ, — будто не слыша, говоритъ Мусіенко.

„Дежъ я визьму ихъ? Ждали бильше, пидождете ще трохы, а то й зовсимъ не дамъ, та ще“...

— Ну: ще, яке твое ще?

„Та ще буде те, що и другимъ було—бытыму“...

— Бытымешъ?! то й гараздъ. А въ понедилокъ ты мени виддасы уси грошы до копійки. А ты, Петре, чувавъ колы про те, що за пидпалену хату на Сибырь йдуть?

„Чувавъ, такъ що зъ того?“

— А чы не чувавъ ты, що у сели Турбаяхъ була пожежа и коней зъ десятеро пропало на той часъ? Мовчышъ, не чувъ? Кажуть люде, що старій Мусіенко бачывъ того злодія...

„Що вы мене лякаете? Не боюсь я васъ“.

— Кажуть люде, та то може брехни, що Мусіенко ще бачывъ когось зъ сывыми киньми, нимецькими...

„Ты кони купованы“, перебилъ его Савродымъ.

— А! а й ты про ихъ знаешъ? Годи, хлопче, шутковать. Памьятай про Сибырь, понедилокъ и мои грошы—снова отрубилъ Мусіенко и пошелъ къ себѣ.

А что Савродымъ въ воскресенье продалъ и лошадей и сбрую и въ понедѣльникъ отдалъ Мусіенку деньги 200 рублей, такъ это на людяхъ было.

„Невирна людына“ старый Мусіенко, какъ его назвалъ сердитый Иванъ Петренко, странно какъ то обходился съ людьми. Есть въ селѣ баба Горпына. На всё село козакъ. Какъ только открытъ былъ новый судъ, она первая судилась и съ того времени все судится. Каждый годъ сидитъ она подъ арестомъ; отсидитъ свое и опять принимается за прежнее. А „невирна лю-

дына“ Мусіенко далъ ей взаймы денегъ и къ Покрову получилъ ихъ обратно. Всѣ сосѣди видѣли, какъ онъ пошелъ къ ней, а Марта Нетуды-витеръ смотрѣла въ окошко и своими собственными глазами видѣла, какъ Мусіенко долго говорилъ съ Горпиною. Черезъ окно не слышно было о чемъ шла рѣчь, а только Горпина махала руками, кричала, бралась за качалку и показывала на дверь, а послѣ успокоилась, сѣла и начала прясть. Тогда заговорилъ что то Мусіенко медленно, тихо; долго говорилъ, всталъ съ лавки и сталъ креститься, показывалъ рукою на образъ св. Николая, грозно смотрѣлъ на Горпину и опять на образъ. Горпина встала, что то сказала, и Марта видѣла, какъ Горпина открыла сундукъ, вынула нѣсколько бумажекъ и отдала ихъ Мусіенку.

Давалъ онъ этимъ и получалъ отъ нихъ безъ слезъ: давали отъ достатка, или краденое, да и Горпина не бѣдная. А были и такіе, что горько плакали...

Вдова Анисья въ позапрошломъ году, какъ ни старалась, но ни хлѣба, ни сѣна не уродило; взяла она у Мусіенка 50 рублей. За три года наросло процентовъ 45 р. За эти деньги Мусіенко всё какъ есть продалъ: и корову, и хлѣбъ, и лошадокъ. Когда уводили съ ея двора скотъ, она плакала, какъ по мертвому. Четверо дѣтей остались безъ куска хлѣба на зиму. А Мусіенку всё равно: „нехай, каже, мруть, колы нема хлиба. То брехни; не мерли и не вмруть. А якъ берешъ, то треба виддаваты“...

Какъ разъ въ Филипповку морозу еще не было, густой туманъ стоялъ стѣною, только изрѣдка онъ разсыпался мелкимъ дождемъ. Темень ночью такая была, что въ двухъ шагахъ человѣка не увидишь.

Петровка спала.

Третьи пѣтухи уже пропѣли. Только на самомъ краю села мерцалъ въ оконцѣ огонекъ: это свѣтилось у Мусіенка. Старый Трофимъ сидѣлъ на печи; подлѣ него горѣла восковая

свѣчка; онъ громко читалъ Священное Писаніе. Мѣрно, ровно раздавался его старческій голосъ: „Іисусъ же рече ученикомъ своимъ: аминь, глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное, паки же глаголю вамъ, удобѣе есть верблюду сквозѣ иглины уши проити, неже богатому въ царствіе Божіе внити“...

И онъ перекрестился. „Охъ, охъ грѣхи мои тяжкіе“...

Подъ окномъ кто то быстро прошелъ; одинъ, два, три человѣка пробѣжали. Петли у двери сорваны, и она съ шумомъ повалилась.

Четыре человѣка быстро вошли въ хату. Мусіенко онѣмѣлъ.....

„Грошы! стара собако!“ прошипѣлъ Петръ Савродымъ и кинулся къ старику. „Бый его!“ сказалъ другой, и одинъ изъ нихъ ударилъ Мусіенка. Мусіенко упалъ съ печи на полъ. „Грошы давай! Умивъ грабувать, та людей обдырать? Одвитъ держы. Годи тоби знущатьця надъ биднотою, та голотою!“

— Гроши! ударилъ его ногою третій разбойникъ.

„Немае, немае, ей же Богу немае“...

— А! Такъ ты такый? Мукы ему проклятому! сказалъ Савродымъ.

Всѣ кинулись къ Мусіенку, связали его и желѣзомъ били по головѣ. Ударятъ и ждутъ, что онъ скажетъ.

Мусіенко молчитъ.

„Ломай ему руки!“ изступленно закричалъ Савродымъ...

Что то хрустнуло, разъ — другой... Мусіенко тяжко застоналъ.

— Дай, дай ще!... и старикъ замеръ и умолкъ.

Разбойники бросились къ сундуку, сняли полъ, развалили печь, лазили на чердакъ и нашли только десять рублей.

— Де грошы, стара собако?

„Ой, нема... вси... вси... отдавъ... Пустить христыянскою смертью вмерты... едва простоналъ Мусіенко.

— Колы такъ,—бый его на смерть, а то выявить! Бый, бый его! сказали трое и подскочили къ нему.

— Геть! Нетреба! Одлый его водою. Отлили, подняли старика и посадили.

Савродымъ снялъ икону, поставилъ на столъ, положилъ и святое Евангеліе, снялъ съ шеи Мусіенка крестъ.

— Присягайся, що не выявишъ насъ, або убьемо якъ собаку, здохнешъ безъ покаянія. Клянысь!

„Присягаюся... Богомъ... клянуся, що не выявлю моихъ ворогивъ... Нехай душа моя горитыме на тому свити... у пекли, якъ выявлю... клянуся! едва, едва промолвилъ Мусіенко, окровавленными губами поцѣловалъ икону, крестъ и Евангеліе и замертво повалился на полъ.

Разбойники быстро выбѣжали изъ хаты... Свѣчка тускло горѣла, вспыхнула разъ, два и потухла. Въ хатѣ стояла мертвая тишина. Старикъ замученный, избитый, весь въ крови, раскинулся и тяжко хрипѣлъ...

Рано утромъ бабы, идя по воду, увидали открытыя двери въ хатѣ Мусіенка. Онѣ подошли ближе и замѣтили, что оттуда выбѣжала собака. Заглянули въ хату и увидѣли Мусіенка: онъ лежалъ весь въ крови безъ чувствъ. Испуганныя бабы побѣжали въ правленіе.

Сбѣжались староста, соцкій, понятые; старикъ Мусіенко едва дышалъ; вскорѣ прибѣжалъ урядникъ и становой. Побитаго Мусіенка положили на возъ и полумертваго повезли въ „земскій пріемный покой“, а начальство стало дознавать, какъ и кто бы могъ совершить такое злодѣяніе. Пошли людей разспрашивать, а вѣдь извѣстно, гдѣ ихъ искать—въ шинкѣ. Позвали Гершка, спрашиваютъ не слышалъ ли чего нибудь. Гершко божится, клянется, что ничего не слышалъ, не видѣлъ; у него никого съ вечера не было, только заходили хозяева—Гера-

сименко, Петренко, Удовинъ, да Петръ Незабудько; а больше никого не было. А это все хозяева—люди честные.

Не слышалъ ли рѣчей какихъ?

Рѣчей не было, а былъ разговоръ, только онъ, Гершко, не знаетъ о комъ.

Говорилъ Петренко, что просилъ у кого то денегъ, а онъ, и тутъ Петренко сказалъ: „старая собака“, денегъ не даетъ. А больше ничего не было, потому что у него только хозяева бываютъ, а „шарлатануфъ“ онъ къ себѣ не пускаетъ. И еще Петренко сказалъ: „ну оддячу я ему, „пашкидстве“. А больше ровно ничего; онъ и десять разъ готовъ присягать; пусть его Богъ сохранитъ, чтобъ у него бывали разбойники и убійцы; у него вѣдь дѣтки и Гершуню, и Лейбуню, и Ривкэ, и Хайкэ...

Призвали Петренка, Герасименка, Ивана Удовина, Незабудька, и дѣйствительно оказалось, что Петренко говорилъ о томъ, какъ былъ съ вечера у Мусіенка, просилъ денегъ, а тотъ не далъ, и Петренко былъ этимъ раздосадованъ. Послѣ этого нечего уже и разговаривать; виновный нашелся. Петренка забрали, связали и посадили въ „холодную“.

Только на селѣ этому не повѣрили. Старые молчали, потому что хорошо знали въ какую бѣду попадешь съ разговорами, а молодые, тѣ поубѣгали изъ села, бѣжали отъ бѣды. Только Герасименко, сильно хвативши водочки, такъ и лѣзъ всѣмъ на глаза, его уводятъ люди, а онъ все свое:

— Брехня! Брехня! Петренко лаявъ Мусіенка и я его лаю... Такъ щожъ зъ того?

— Та цыть же ты, скаженный! Хиба й мы не знаемо, що Петренко не такій, але мовчымо.

— А мени що? Лаявъ винъ, и я лаю: собаци—собача смерть...

— Ахъ ты Боже жъ мій! Та собака винъ и е, а ты мовчы, говорилъ соцкій и тащилъ Герасименка прочь отъ волости.

— Що правда, то не грихъ... тихо говорили старики на улицѣ. „Богато винъ грабувавъ“.

— За грихы быто, добавилъ дѣдъ Опанасъ; на то Божа воля.

— Гооосподы! й що вы тутъ говорыте диду?“ заговорилъ, подбѣгая соцкій. Разходытесь геть! И якы грихы тамъ?! прибавилъ онъ и побѣжалъ дальше, почесывая затылокъ.

— Яки грихы? Процентъ—оце й грихъ, велыкій грихъ, проговорилъ дѣдъ и поплелся домой. Люди разошлись, а въ волостномъ правленіи становой приставъ что то скоро, скоро писалъ.

Цѣлыхъ три дня возился докторъ около Мусіенка, пока онъ очнулся и могъ заговорить. Тогда пришелъ судебный слѣдователь и сталъ разспрашивать, какъ было дѣло, какъ мучили и грабили Мусіенка.

Старикъ тихо, слово за словомъ разсказалъ, какъ они вошли, какъ его били, руки ломали, какъ деньги забрали десять рублей, и какъ онъ присягалъ не выдавать своихъ враговъ—мучителей.

Слѣдователь все записалъ и прочелъ Мусіенку написанное:

— Ну что, диду, такъ я записалъ?

— Такъ... по правди.

— Добре, а теперь скажите, кто же это они? Вы же узнали ихъ?

— Пизнавъ и знаю двохъ.

— Кто же они? Какъ ихъ имя и прозвище? Первый, конечно, былъ Петренко?

— Хто такый?

— Петренко, говорю, былъ?

— Ни, Петренка не було...

— Какъ не было? сгоряча спросилъ слѣдователь, а послѣ прибавилъ спокойнѣе,—ну, не было, такъ и не было. А ктожъ былъ?

Старикъ молчалъ.

— Ктожъ, диду, былъ, кто васъ мучилъ?

Дѣдъ смотрѣлъ на слѣдователя, широко открывъ глаза.

— Кто, говорю, диду, билъ васъ?

— Цего... хто бувъ... хто бывъ мене—не скажу.

— Какъ? не скажете имя своихъ вороговъ?

— Не скажу... Я присягавъ, я крестъ цилувавъ.... Я клявся и божывся не сказать...

Долго, долго разспрашивалъ слѣдователь дѣда, говорилъ ему, что это не только его враги, но враги и другихъ людей, что сегодня они его били, а завтра другихъ убьютъ; долго говорилъ онъ со старикомъ, но Мусіенко больше ничего не отвѣчалъ, молчалъ.

Черезъ недѣлю докторъ ужъ и не пошелъ въ покой, сказалъ, что Мусіенко не доживетъ до вечера.

Эта вѣсть облетѣла все село, всѣ ждали, что вотъ-вотъ зазвонятъ по его душѣ. Но никто не пожалѣлъ его—не любили его...

Поздно вечеромъ фельдшеръ пошелъ ужинать, сторожъ тоже ушелъ изъ покоя. Мусіенко тяжело дышалъ.

Среди этой тишины кто то тихонько открылъ двери, вошелъ въ комнату и сталъ около постели умирающаго.

То былъ Петръ Савродымъ. Лицо его было блѣдно, онъ тяжело дышалъ.

Мусіенко открылъ очи и взглядъ его упалъ на Савродыма.

Какъ блескъ молніи, мелькнула на лицѣ старика тихая, ясная, ласковая улыбка, губы его раскрылись...

Сивродымъ бросился, крѣпко припалъ къ старику и что то говорилъ ему, быстро говорилъ...

— Богъ простыть! прошепталъ дѣдъ...

Рано утромъ зазвонили по душѣ Трофима Мусіенка.

Люди крестились и простили ему. Тогда же и виновные были обнаружены. Петръ Савродымъ принесъ повинную и назвалъ своихъ товарищей.

Димитрій Марковичъ.

Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ.

Въ моей статьѣ — „Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева“ [1]) приведено описаніе стоянокъ, расположенныхъ на песчаныхъ буграхъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Кіева, внизъ верстъ на 50.

Лѣтомъ 1890 г. мной были произведены изысканія какъ на томъ же протяженіи, такъ иниже. Спустившись до Кременчуга, я сдѣлалъ по дорогѣ развѣдки въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ для этого представлялся удобный случай. Такимъ образомъ, настоящая замѣтка, въ которой сообщаются результаты поѣздки, служитъ дополненіемъ и отчасти продолженіемъ вышеназванной статьи.

Характеръ мѣстностей, на которыхъ находятся новыя стоянки, совершенно такой же, какъ и прежнихъ. Именно, песчаные бугры, лежащіе или внизу на луговой террасѣ Днѣпра, или же на средней песчаной. Бугры иногда покрыты лѣсомъ,— въ этомъ случаѣ можно было догадываться о присутствіи здѣсь первобытнаго человѣка, изслѣдуя лишь небольшія котловины или откосы, гдѣ песокъ обнажился; иногда же бугры имѣютъ видъ открытыхъ песчаныхъ розсыпей. Во время настоящихъ изысканій большинство бугровъ было неудобно для наблюденій, т. к. культурный слой почти вездѣ занесенъ пескомъ. Оставались открытыми только небольшія площадки.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., апрѣль.

На этотъ разъ мы поднимемся немного выше Кіева и начнемъ съ бугровъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ, между сс. Староссельемъ и Сваромьемъ черниг. губ. остерск. у.

1) Если взойти на гору у Межигорскаго монастыря, то напротивъ, на другой сторонѣ Днѣпра, видна гряда бугровъ, идущая параллельно теченію рѣки. Отъ Днѣпра и отъ виднѣющагося вдали лѣса она отдѣляется довольно широкимъ лугомъ; у подошвы бугровъ въ сторонѣ Днѣпра течетъ небольшая рѣчка Косарь. Почти посреди гряда эта раздѣлена болотцемъ, такъ что получается двѣ группы—одна сѣверная, идущая почти до изгиба, который дѣлаетъ Днѣпръ у с. Сваромья, другая же лежитъ ближе къ с. Староселью; на этой то послѣдней главнымъ образомъ и сосредоточивались находки. Но и здѣсь онѣ встрѣчались только въ самой возвышенной части бугровъ, которая прилегаетъ къ болотцу; также и въ другой, сваромской группѣ, кое что попалось лишь на площадкѣ сейчасъ у болота; въ другихъ же мѣстахъ бугровъ почти ничего не найдено. Культурный слой былъ обнаженъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвергались дѣйствію вѣтра, въ остальныхъ же вездѣ занесенъ чистымъ пескомъ. Осколки кремня, кремневыя орудія и черепки указывали, что здѣсь была стоянка. Цѣлыхъ кремневыхъ орудій найдено очень немного: два-три подправленныя острія, скребокъ, да нѣсколько ножичковъ, вотъ и все. Всѣ орудія небольшія и приготовлены на мѣстѣ, такъ какъ тутъ же найдено много осколковъ, оставшихся отъ выдѣлки. Глина почти во всѣхъ, найденныхъ здѣсь, черепкахъ хорошо выдѣлана безъ примѣси кварца; обжигъ также хорошъ—не смотря на то, что стѣнки сосудовъ были иногда довольно толсты, обжигъ прошелъ насквозь и черепковъ съ плохо выжженными прослойками встрѣтилось немного. О формѣ и размѣрахъ сосудовъ трудно судить, т. к. найдены только небольшіе куски; что касается днищъ, то большинство найденныхъ были плоскія; нашлось только одно конусообразное и притомъ орнаментированное. Въ орнаментикѣ сосудовъ первоначальная грубая дырочка встрѣчается рѣдко, преобладаютъ орнаменты изъ неглубокихъ и продолговатыхъ углубленій, расположенныхъ рядами;

былъ также орнаментъ въ видѣ шишекъ и кромѣ того изъ сочетаній прямыхъ линій; орнаментомъ покрыты и края сосудовъ. Чере ки и кремневыя орудія совершенно аналогичны съ таковыми другихъ стоянокъ по Днѣпру.

2) На другой сторонѣ, немного ниже древняго Вышгорода, между опушкой городского лѣса и Днѣпромъ находится группа бугровъ; бугры эти составляютъ конечный сѣверный пунктъ той возвышенности, которая окружаетъ Оболонь.

Одни изъ бугровъ покрыты дерномъ, вершины другихъ развѣяны и состоятъ изъ сыпучаго песка. При осмотрѣ этой группы только на одномъ бугрѣ, стоящемъ крайнимъ къ с. Вышгороду, найдена куча черепковъ; подобравши черепки въ томъ мѣстѣ, при помощи щупа была найдена и отрыта на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ верхняя часть большого сосуда, лежавшаго отверстіемъ внизъ; подобранные на поверхности черепки составляли уже разрушившуюся остальную часть сосуда и но; поперечникъ отверстія 19 снт.; глина приготовлена и выжжена хорошо, ободокъ украшенъ простымъ орнаментомъ, произведеннымъ вдавливаніемъ пальца. Кромѣ этого сосуда бугры подъ Вышгородомъ не дали ничего.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ году на прежнихъ стоянкахъ, интересенъ кремневый ножъ изъ с. Никольской Слободки черниг. губ. остерск. у.; онъ 13 снт. длины и 2—3 снт. ширины, края подправлены мелкими ударами; къ сожалѣнію ножъ найденъ разбитымъ на три части. На стоянкѣ между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой кіевск. у. собраны черепки, изъ которыхъ удалось сложить часть сосуда, орнаментированнаго возлѣ ободка продолговатыми углубленіями съ перегородками, какъ извнутри, такъ и снаружи сосудъ густо покрытъ дендритами. Прослѣжено, что бугры этой стоянки тянутся дальше за д. Литовскую Виту, хотя здѣсь они покрыты дерномъ и молодымъ соснякомъ; замѣчено также, что кремневыя орудія и осколки сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, а черепки въ другомъ.

3) Выше с. Пирогова, у подошвы Китаевской горы, находится дубовый лѣсъ, называемый „Бычки"; лѣсъ этотъ болоти-

стый, но между низменными мѣстами возвышаются песчаные бугры; они покрыты дерномъ и деревьями. Въ одномъ мѣстѣ дернъ разрушился и тамъ поднято нѣсколько грубыхъ черепковъ, на одномъ орнаментъ въ видѣ дырочекъ; сдѣлавши здѣсь пробную яму, я на разной глубинѣ нашелъ нѣсколько такихъ же черепковъ; черепки одинаковой конструкціи съ пироговскими. Противъ этого лѣса въ оврагѣ Китаевской горы находится около десяти выкопанныхъ въ лесѣ пещеръ.

Такіе же незначительные результаты дали и слѣдующія ниже три мѣстности. Онѣ имѣютъ значеніе, какъ указанія на будущее время.

4) Верстъ восемь ниже с. Пирогова, на болотѣ у с. Ходосовки, расположенъ небольшой выселокъ; крестьянскія усадьбы размѣстились на песчаныхъ буграхъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по бокамъ улицы изъ песка вываливаются грубые черепки.

5) На горѣ за Ходосовкой, по дорогѣ въ с. Креничи, между послѣдними хатами и мельницами, на песчаной поверхности подобрано днище и нѣсколько черепковъ отъ сосудовъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго круга, въ глину примѣшано много крупнаго кварца; эта песчаная возвышенность составляетъ лѣвый берегъ безымяннаго ручья, текущаго изъ става с. Креничей и впадающаго въ р. Король.

6) Ниже Ходосовки версты четыре, противъ с. Подгорецъ, среди болота находится сосновый лѣсъ, а подлѣ него выселокъ, носящіе названіе „Обирокъ“. Лѣсъ растетъ на идущихъ рядами песчаныхъ буграхъ. Въ сѣверо-восточной части лѣса одинъ изъ бугровъ осунулся; вмѣстѣ съ пескомъ обнажилось много черепковъ, на одномъ орнаментъ веревочкой.

Мѣстность села Подгорецъ представляетъ большой интересъ въ виду сдѣланныхъ тамъ находокъ. Въ 1889 году крестьянинъ, вспахивая на горѣ одинъ бугоръ, по мѣстному „шпыль“, носящій названіе „Шовковый садъ“, плугомъ поднялъ изъ земли горшокъ, въ которомъ находился свернутый широкій бронзовый поясъ, покрытый богатымъ звѣринымъ орнаментомъ. Вмѣстѣ съ поясомъ въ горшкѣ находилось что то въ родѣ круглой пряжки и кусочки съѣденнаго ржавчиной желѣза.

Горшокъ, въ которомъ былъ спрятанъ поясъ, разбитъ плугомъ и отъ него сохранилось только нижняя часть; онъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга, не совсѣмъ обожженъ, носитъ характеръ совершенно одинаковый съ черепками близъ лежащихъ стоянокъ. Поясъ этотъ переданъ священникомъ с. Подгорецъ о. А. Каменскимъ въ кіевскій церковно-археологическій музей. Въ окрестностяхъ села встрѣчаются также и каменныя орудія; въ моемъ собраніи есть оттуда кремневый наконечникъ съ подправленными краями $9^1/_2$ сант. длины; о другомъ кремневомъ орудіи, по всей вѣроятности, ножѣ крестьянинъ с. Подгорецъ мнѣ разсказывалъ, что находчикъ употреблялъ кремень для выкрешиванія огня, предварительно разбивъ орудіе на куски. Въ Подгорцахъ есть и пещера, она находится въ урочищѣ „Чернечки“ и еще не изслѣдована.

7) Стоянка у д. Зарубинецъ каневскаго у. О существованіи этой стоянки было извѣстно раньше по сообщенію проф. П. Я. Армашевскаго, который представилъ въ музей древностей университета св. Владиміра нѣсколько черепковъ. Возлѣ д. Зарубинецъ нагорный берегъ входитъ въ долину Днѣпра высокимъ мысомъ, который называется „Зарубына Гора“, плотовщики-бѣлоруссы зовутъ его „Батурова Гора“; на немъ есть курганы и стоятъ каменные кресты. Съ правой стороны Зарубыной Горы находится мысъ, гораздо меньшій, — это „Мала Гирка“; поверхность этой послѣдней состоитъ изъ сыпучаго песка, перемѣшаннаго съ крупнымъ гравіемъ. Вершина горы разрыта и попорчена при добываніи жер221новъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва не тронута, на поверхности лежитъ и торчитъ изъ песка множество черепковъ. Черепки такіе же, какъ и въ другихъ стоянкахъ [1]); преобладаетъ орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; особенно оригиналенъ одинъ—широкія налѣпленныя полоски, повидимому, составляли прямоугольныя фигуры, на полоскахъ сдѣланы частыя углубленія пальцемъ; черепокъ, орна-

[1]) Скажемъ кстати, для избѣжанія частыхъ повтореній, что и на другихъ песчаныхъ стоянкахъ, которыя ниже слѣдуютъ, всѣ черепки носятъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ въ составѣ глины и обжигѣ, такъ и орнаментѣ.

ментированный дырочкой, попался только одинъ; кромѣ того есть орнаменты шишками, насѣчками, веревочкой. Днища были или плоскія, или на кольцеобразной ножкѣ—какъ у м. Триполья. Кремневыхъ орудій и даже осколковъ кремня здѣсь совсѣмъ не встрѣтилось. Найдено нѣсколько кусочковъ бронзы, трехгранная стрѣла и бронзовая полоска, свернутая въ трубочку.

Изъ предметовъ, найденныхъ вблизи Зарубинецъ, отмѣтимъ большой каменный молотъ изъ окрестностей м. Трактомирова, находящійся у А. В. Гудимъ-Левковича; затѣмъ, по словамъ крестьянина Василія Македони изъ лежащей поблизости д. Луковицы, имъ было найдено какое то кремневое орудіе, къ сожалѣнію утраченное.

8) За Каневомъ, ниже Тарасовой Горы, по берегу тянется рядъ урочищъ: „Велыке Городыще“, „Мале Городыще“, „Марьина Гора“, и наконецъ, „Княжа Гора“, выдавшаяся мысомъ въ долины Днѣпра и впадающей въ послѣдній въ этомъ мѣстѣ рѣки Роси. Княжа Гора, по всей вѣроятности, составляла часть лѣтописнаго города Родни, находившагося при устьѣ Роси; предметы, отрываемые на горѣ, подтверждаютъ это. Изслѣдователями въ этомъ случаѣ являются крестьяне близъ-лежащаго села Пекарей, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изрыли почти всю гору. Рыли они не попусту. Не говоря о мелкихъ и не имѣющихъ цѣнности металла вещахъ, каковы желѣзные и мѣдные наконечники стрѣлъ, желѣзные топоры, кирки, косы, серпы, замки, бронзовыя кольца, пряжки, браслеты, различныя бусы, стеклянные браслеты, наконецъ, кресты каменные и бронзовые, тѣльные и складные, кладоискателей привлекаютъ главнымъ образомъ нерѣдко находимыя серебряныя и золотыя вещи, по большей части украшенія: шейныя гривны, головныя повязки, застежки, серьги, браслеты, перстни и кольца. Въ последнее время, кромѣ этихъ предметовъ, стали попадаться вещи и другого рода. Между различными предметами велико-княжеской эпохи, найденными на Княжей Горѣ и пріобрѣтенными мною у крестьянъ с. Пекарей, были также: а) обломокъ каменнаго молотка съ остатками дыры, поверхность молотка сильно разрушена, такъ что сохранились только самые незначительные

слѣды шлифовки; два діоритовые конусообразные стержня, оставшіеся отъ сверленія отверстій; каменное шлифованное орудіе, служившее, можетъ быть, для растиранія зеренъ, верхняя часть его отбита; б) глиняная пряслица, сдѣланная изъ черепка, глиняныя грузила въ видѣ плоскаго цилиндра, конуса и въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями; на нихъ орнаментъ параллельными вертикальными полосками; черепки отъ сосудовъ; выдѣлка глины ихъ другого характера чѣмъ на черепкахъ изъ песчаныхъ стоянокъ—они гораздо плотнѣе и лучше обожжены, хотя все-таки сдѣланы не на гончарномъ кругѣ; орнаментъ на нихъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; въ одномъ изъ черепковъ продѣлана сквозная дыра, такъ что онъ могъ служить грузиломъ; в) остріе изъ обломка кости 4-хъ снт. длины, костяное остріе отточенное съ 4-хъ сторонъ, такой же длины; костяной наконечникъ стрѣлы въ видѣ лопатки; г) кусокъ песчаника съ продольными бороздами, получившимися отъ оттачиванія орудій. Эти предметы указываютъ на то, что Княжа Гора была обитаема гораздо раньше великокняжеской эпохи; кромѣ того, нахожденіе конусовъ, полученныхъ при сверленіи, даетъ право считать Княжу Гору мѣстомъ, гдѣ приготовлялись шлифованныя каменныя орудія; на присутствіе здѣсь фабрики указываетъ также поступившій отсюда въ собраніе І. Хойновскаго каменный молотокъ, не вполнѣ еще отшлифованный и безъ дыры. Наканунѣ моего пріѣзда въ с. Пекари евреемъ торговцемъ древностями былъ купленъ, происходящій съ той же Княжей Горы, цѣлый каменный молотокъ, повидимому боевой, какъ можно было судить по разсказамъ крестьянъ; куда онъ поступилъ, не знаю. Кромѣ того, есть указанія на то, что на Горѣ попадаются типичныя вещи бронзоваго вѣка, и что тамъ даже существовало производство таковыхъ. Относительно того, въ какомъ положеніи находились каменныя и костяныя орудія по отношенію къ предметамъ великокняжеской эпохи, крестьяне „копачи“ мнѣ говорили, что нѣтъ различія: какъ тѣ, такъ и другія вещи попадаются вмѣстѣ, на одинаковой глубинѣ; во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ только систематическими раскопками.

9) Противъ Княжей Горы, на противоположномъ полтавскомъ берегу (золотоношск. у.), обширной площадью раскинулись песчаные бугры. Начиная отъ с. Келеберды бугры поднимаются все выше, подходятъ къ м. Прохоровкѣ, огибаютъ ее и, уже достигши значительной высоты, оканчиваются Михайловой Горой (усадьбы Максимовича и Науменка). Бугры въ дурномъ состояніи; культурнаго слоя почти не видно; обслѣдовавъ часть песковъ на Михайловой Горѣ, я подобралъ нѣсколько кремней, черепковъ и кремневую стрѣлу, имѣющую форму небольшаго долотца въ 2 снт. длины. Раньше, на этихъ же пескахъ сынъ мѣстнаго владѣльца В. П. Науменка нашелъ кремневую треугольную стрѣлу съ подправленными краями. М. А. Максимовичъ, основавшійся на этой мѣстности, собралъ здѣсь цѣлую коллекцію бронзовыхъ стрѣлъ, послужившихъ матеріаломъ для его „велографіи“. Между бронзовыми, встрѣтилась ему также и одна кремневая. Относительно кремневыхъ стрѣлъ онъ говоритъ: „Въ прежніе годы находили ихъ въ здѣшнихъ пескахъ часто, и онѣ шли вмѣсто обыкновенныхъ кремней, для *кресанія* огню[1]); черезъ это онѣ мало по малу утратились, избитыя огнивами, и теперь составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Всѣ онѣ были, кажется, одного вида—треугольныя... Въ моемъ собраніи находится здѣшняя стрѣла изъ темно-бураго кремня, *треугольная*, вѣсомъ 38 гранъ. На нижнемъ, вогнутомъ ея краю, нѣтъ и не было шейки, и она прямо этимъ краемъ ущемлялась въ древко“. (Соб. соч. т. II, стр. 413). Изображеніе этой стрѣлы помѣщено подъ № 1 на первой таблицѣ, приложенной ко II тому сочиненій Максимовича.

10) Г. Черкассы. По дорогѣ въ с. Дахновку, между послѣдними городскими постройками и лѣсомъ, находится открытая песчаная площадь на крутомъ берегу Днѣпра; здѣсь найдено

---

1) Въ здѣшней народной пѣснѣ кремни идутъ въ подобіе къ ворогамъ.

Ой выйду я, подивлюся,
Якъ на горѣ кремени крешуть;
Ой выйду-жъ я, послухаю,
Якъ про мене вороги брешуть.

Прим. Максимовича.

довольно много черепковъ, а также ушки отъ сосудовъ. Сейчасъ за избами въ одномъ мѣстѣ виденъ большой кругъ пережженной земли, въ немъ попалось много толстыхъ черепковъ, имѣющихъ черный, маркій цвѣтъ. Между прочимъ, и на этихъ пескахъ найдена трехгранная бронзовая стрѣла.

11) Слѣдующей мѣстностью, которую я посѣтилъ, былъ Бужинъ, село чигиринск. у. кіевск. г.; здѣсь по самому берегу Днѣпра тянется широкая полоса бугровъ, по мѣстному „кучугуровъ". Находки состояли только изъ черепковъ и то въ небольшомъ числѣ. Крестьяне-сторожа, живущіе на буграхъ, мнѣ передавали, что иногда тамъ, гдѣ проявляется черная земля, попадается множество черепковъ; говорили также, что въ одной „балочкѣ" есть много кремней.

12) Дальше отъ Днѣпра, подъ нагорнымъ берегомъ, рядомъ съ Бужиномъ лежитъ с. Шабельники. Обширная площадь „кучугуровъ" окружаетъ это село и подходитъ къ Днѣпру. На пескахъ было найдено нѣсколько черепковъ, два или три кремневые ножичка и небольшое число кремневыхъ осколковъ; эти предметы попадались на обнаженныхъ подошвахъ бугровъ. На горѣ у этого села есть небольшое городище, образованное полукруглымъ валомъ, примыкающимъ съ двухъ сторонъ къ крутому обрыву; часть городища занята подъ кладбище; при копаніи могилъ находятъ много черепковъ, но относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, хотя на скатѣ горы, при моемъ осмотрѣ городища, священникомъ с. Шабельниковъ о. І. Ковалевскимъ было поднято ядрище изъ чернаго кремня со слѣдами отколотыхъ ножиковъ. Въ музеѣ древностей университета св. Владиміра хранится собраніе древнихъ предметовъ, найденныхъ на пескахъ с. Шабельниковъ; между болѣе поздними предметами, въ этомъ собраніи есть также діоритовый боевой молотокъ и половина большаго бронзоваго копья, верхняя часть котораго отломана.

13) Совершенно однородные бугры, также не давшіе почти никакихъ находокъ, идутъ, послѣ небольшаго перерыва, выше с. Шабельниковъ, подлѣ с. Боровицы.

При обслѣдованіи трехъ послѣднихъ стоянокъ моимъ спутникомъ былъ Г. Н. Грушевскій, хорошо знающій окрестныя мѣста; считаю долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность за его любезность.

Перебравшись въ долину р. Тясмина черезъ водораздѣльную возвышенность, имѣющую здѣсь, т. е. между с. Шабельниками и с. Мордвой, не болѣе десяти верстъ, мы находимъ на лѣвомъ берегу рѣки непрерывно идущую гряду песчаныхъ открытыхъ бугровъ. Возлѣ г. Чигирина на пескахъ найдено лишь нѣсколько черепковъ; бугры заканчиваются здѣсь у Троицкаго женскаго монастыря. Выше Чигирина бугры по Тясмину прослѣжены до с. Разсошинецъ, но они тянутся вверхъ еще очень далеко. Не знаю, продолжаются ли бугры ниже Чигирина, но у Крылова (Новогеоргіевскъ), при устьѣ Тясмина, я видѣлъ большую площадь бугровъ. Отъ Крылова они идутъ съ перерывами по берегу Днѣпра до Бужина. Пески эти я не обслѣдовалъ, но упоминаю объ нихъ, потому что до сихъ поръ, гдѣ только ни встрѣчались бугры, образованные старымъ теченіемъ Днѣпра, тамъ вездѣ были найдены слѣды первобытной жизни.

14) Въ г. Кременчугѣ, за каменоломнями, на буграхъ, составляющихъ лѣвый берегъ рѣчки, огибающей городъ, найдены грубые черепки; нѣкоторые изъ нихъ орнаментированы полосками.

Кременчугъ былъ послѣдней остановкой.

Такимъ образомъ, обслѣдованіе береговъ Днѣпра на этомъ пространствѣ имѣло характеръ вполнѣ случайный, мѣстность не была изслѣдована систематически, шагъ за шагомъ, но, во всякомъ случаѣ, опредѣленіе пунктовъ, на которыхъ замѣчены слѣды стоянокъ, можетъ, хотя немного, облегчить будущія, болѣе подробныя, изысканія.

Затѣмъ, вышеописанныя стоянки не дали ничего новаго, чтобы характеризовало какую нибудь еще неизвѣстную черту исчезнувшаго быта, но онѣ заслуживаютъ вниманія вслѣдствіе того, что дали возможность продолжить линію днѣпровскихъ

поселеній первобытнаго человѣка и прибавить къ старымъ еще нѣсколько новыхъ; что, вмѣстѣ взятое, близко соприкасается съ вопросами о густотѣ и количествѣ населенія.

Въ заключеніе укажу еще на двѣ стоянки, обслѣдованныя мною раньше—осенью 1889 г. Онѣ расположены на притокахъ Днѣпра, Деснѣ и Сожѣ.

15) Противъ г. Остра черниг. г. на правой сторонѣ рѣки Десны находится с. Выползово. Немного выше села незначительная рѣчка Крымка обмываетъ большой песчаный бугоръ—„ку́рганъ“, какъ его называютъ крестьяне. На обнаженной вершинѣ ку́ргана между новыми черепками, кусками кирпича и костями, встрѣтилось также немного черепковъ древнихъ, орнаментированныхъ насѣчками, полосками, веревочкой; преобладаютъ черепки безъ кварца. Ниже Выползова, на песчаной холмистой площади найдены такіе же черепки, нѣсколько кремней и измельченныя окаменѣвшія кости. На этихъ пескахъ находили, кромѣ того, старинныя монеты, каменныя бусы, кости человѣка и т. п. (корресп. въ „Кіевскомъ Словѣ“ 1889 г. № 734).

16) Въ могилевской губ. на берегу р. Ипути, притокѣ Сожа, противъ г. Гомля, находится стоянка, состоящая изъ большаго песчанаго бугра и нѣсколькихъ выдувныхъ котловинъ. Культурный слой показывался во многихъ мѣстахъ и поэтому на поверхности удалось собрать большое число отбивныхъ кремневыхъ орудій. Кремень употреблялся исключительно темносѣрый, тогда какъ на прежнихъ стоянкахъ онъ былъ разноцвѣтный. Между массой кремневыхъ осколковъ найдено много ножей, испорченныхъ при выдѣлкѣ, до 20 цѣлыхъ ножиковъ, иногда довольно длинныхъ, два ядрища, нѣсколько остріевъ съ подправленными краями, скребки средней величины и одинъ, прекрасно подправленный наконечникъ дротика въ $6^1/_2$ снт. длины; тутъ же лежалъ и кремневый круглый отбойникъ. Черепковъ найдено немного, по выдѣлкѣ глина была съ кварцемъ, совсѣмъ безъ него, и еще особый родъ—съ примѣсью крупнаго песку. На стоянкѣ изъ песка обнажилось нѣсколько кострищъ,

одно вываливается изъ подъ бугра, угли въ немъ сосновые. Заслуживаетъ вниманія небольшой шлифовальный камень, найденный среди кремней, съ одной шлифованной стороной; онъ очень удобенъ для руки. Изъ бронзовыхъ предметовъ попался лишь отломокъ лезвія какого то орудія и кусочекъ заостренной проволоки.

Ник. Бѣляшевскій.

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.

Вѣра народа въ превращенія относится къ тому отдаленному первобытному времени, когда онъ видѣлъ въ камнѣ, деревѣ, животномъ превращеннаго человѣка. На этой ступени развитія самосознанія человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ неодушевленныхъ предметовъ и полагалъ, что если дерево грозно шумитъ, то это значитъ, что оно ведетъ грозную рѣчь, что вихрь кружится и даже рѣчь говоритъ, что камень, имѣющій человѣкообразную форму, скрываетъ въ себѣ человѣка и можетъ опять превратиться въ живое существо, и т. п.

Если неодушевленную природу человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своей сознательной жизни воспринималъ, какъ живую. одухотворенную, то тѣмъ естественнѣе ему было видѣть въ медвѣдѣ, волкѣ, собакѣ, орлѣ, сорокѣ и др. превращенныхъ людей. Въ эпоху зарожденія религіозныхъ понятій, когда человѣкъ дѣлалъ только первые шаги на пути къ составленію міровоззрѣнія, вся природа представлялась ему живою, олицетворенною въ буквальномъ смыслѣ, т. е. каждый даже неодушевленный предметъ, въ его воображеніи, жилъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ, потому что представлялъ собою превращеннаго человѣка. Довольно живые слѣды такого воззрѣнія можно наблюдать въ сказкахъ, которыя свидѣтельствуютъ, что вѣра въ превращенія не утратилась въ народѣ и доселѣ, и въ настоящее время передаются разсказы о превращеніяхъ черта, вѣдьмы въ различные образы.

Превращенія, какъ остатокъ миѳическаго міровоззрѣнія, существуютъ въ нашей сказочной поэзіи, если можно такъ вы-

разиться, въ формѣ статики и динамики. Нѣкоторые виды деревьевъ, камней и звѣрей понимаются, какъ превращенные навсегда люди, другія же существа, по большей части миѳическія, способны по желанію принимать различные образы, а равно и снова получать свой первоначальный видъ.

Обладаютъ силою производить превращенія прежде всего миѳическія существа, какимъ является въ одной сказкѣ *водяной дѣдъ*, превращающій двухъ царевичей въ камни. Сказка передаетъ, что царевичъ пошелъ искать чудесный *палацъ* вдовы-царицы. „Иде та й иде, иде та й иде, ажъ прыходыть до мора.

— Ну, думае соби, тутъ трохи седу та спочину и пополудную.—Розложивъ винъ надъ берегомъ свои торбы, накраявъ попаньській хлиба, намазавъ зверху досыть масломъ, сивъ и исть. Колы тута заразъ выходыть изъ мора дидъ старый-старый, ажъ мохомъ порисъ, та такый билый-билый, якъ молоко; а борода ажъ блещить, якъ снигъ на морози. Подходыть той дидъ до царевича да й каже: „Давъ бы ты, сыночку, и мини кавалокъ хлиба“.

— Е, каже, де-жъ я тоби возьму? Ты-жъ бачишъ, що я й самъ не багато маю.

Той дидъ посваривсе на того царевича пальцемъ, такъ винъ заразъ и ставъ каменемъ и лежить надъ моремъ“ [1]).

Такимъ же образомъ водяной дѣдъ и второго брата превращаетъ въ камень и только по просьбѣ третьяго брата—дурня возвращаетъ имъ снова человѣческій образъ.

Нѣчто подобное, но уже составленное подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, видимъ въ другомъ разсказѣ. Идетъ человѣкъ *позывать витра*. „Иде та й иде, та й иде, ажъ дывытця: стоить дидъ на дорози, да такый старый да сывый, якъ молоко (а то бувъ Богъ въ чоловичому образи“). Далѣе говорится, что этого же человѣка снова встрѣтилъ „дидъ да такый же то сывый и такый сывый, якъ молоко, да вже не той, що тоди винъ стривъ (а й це бувъ Богъ, тылько другый образъ прынявъ“) [2]). — *Дидъ* даетъ человѣку матузо-

---

[1]) Труды этн. эксп. II, 77—78.

[2]) Тр. этн. эксп. II, 345—7, 355—7.

чокъ и говоритъ: „бижы въ корчи. Тамъ лежить два попы; накинь на нихъ цей матузочокъ и скажи: „тпру!“ Онъ такъ и сдѣлалъ. „Тоди зъ тихъ попивъ таки здоровы волы поставалы“ [1]).

Подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанскихъ понятій образовались всѣ представленія о превращеніяхъ, приписываемыхъ Господу, или Господу Іисусу Христу, такъ напр. Господь превратилъ мельника въ медвѣдя. Господь проходилъ мимо мельницы, мельникъ одѣлся въ вывороченный кожухъ, влѣзъ подъ мостъ „и закричалъ, словно медвѣдь, а Господь и сказалъ: „щобъ ты ревивъ такъ, покы свита сонця“. Съ тѣхъ поръ начали водиться медвѣди“ [2]).

Господу приписывается превращеніе женщины въ зозулю (кукушку). Женщина убила своего мужа „и была осуждена Богомъ не имѣть пары и скитаться по лѣсамъ“ [3]).

Аистъ—также превращенный Богомъ человѣкъ. Объ этомъ превращеніи народное преданіе говоритъ слѣдующее: „Бусолъ (чорногузъ) съ чоловика. Богъ весь гадъ у мишокъ зибравъ и дае чоловикови: „на цей мишокъ, каже Богъ до чоловика, однесешъ на море и вкинь ёго въ воду. Оно якъ нестымешъ, то не розвязуй и не дывысь у мишокъ; неси соби, шобъ и не знавъ ты, шо тамъ е“. Иде той чоловикъ зъ михомъ до мора,—кортыть: тра подывытысь. „Якъ то можна, буду несты на соби и шобъ я не знавъ, шо я несу. Чого тамъ боятысь? Загляну!“ Роспустывъ того миха, гадъ и полизъ, и полизъ зъ нёго. А Богъ и каже тому чоловикови: „не хтивъ мене слухаты, пустывъ ты гадъ по всихъ усюдахъ,—йды жъ та збирай“... Оттоди и ставъ той чоловикъ бусломъ“ [4]) По другому, болѣе новому, преданію аистъ произошелъ изъ служанки Пресвятой Дѣвы. Служанка должна была отнести рубаху Св. Дѣвы къ морю и не смотрѣть въ нее; служанка посмотрѣла и увидѣла тамъ гадовъ. „Тогда Пресвятая Дѣва сказала: „когда ты такая, то будь черногузомъ

---

[1]) Ibid. 336.

[2]) Тр. этн. эксп. I, 50—51. Драгомановъ, Малр. нар. преданія, 5—6.

[3]) Драгом. Малр. н. пр. 8.

[4]) Драгомановъ, Млр. н. пр. 8.

и ѣшь этихъ гадовъ". Съ тѣхъ поръ и по это время, черногузы ходятъ и собираютъ всевозможныхъ гадовъ" [1]).

Спасителю приписываются слѣдующія превращенія: *кукушка и чайка.* Эти птицы произошли отъ дѣвушекъ. „Эти дѣвушки вздумали попугать Спасителя, но Спаситель сказалъ, чтобы одна кукала, а другая кишкала, „покы свита сонця" [2]). Тѣмъ же мотивомъ вызвано и превращеніе *собаки.* „Собака есть оборотень дитяти. Когда Спаситель ходилъ по землѣ, то въ одной деревнѣ мальчикъ особенно преслѣдовалъ Его, бѣгая за нимъ и лая подобно собакѣ. Спаситель проклялъ его за это и обратилъ въ собаку" [3]).

За неуваженіе къ Свѣтлому Христову Воскресенію, богатый человѣкъ, одѣвшійся пышно и не пошедшій въ церковь по просьбѣ жены, лежавшей въ постели, превращенъ вмѣстѣ съ женою въ *павлину и паву* [4]).

Подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ преданій сложился и разсказъ о превращеніи *свиньи.* Народъ говоритъ, что „во время земной жизни Спасителя, однажды жиды накрыли жидовку „ночвами" и спросили Его: „если ты Богъ, то отгадай, что спрятано подъ ночвами?" Спаситель, какъ Богъ, зналъ, что подъ ночвами жидовка, но въ наказаніе испытующимъ Его отвѣтилъ: „подъ ночвами свинья". И изъ жидовки дѣйствительно сдѣлалась свинья. Теперь свинью называютъ жидовской теткой, и жиды не ѣдятъ свиного мяса, какъ своего тѣла" [5]). Подобный же мотивъ лежитъ въ основѣ превращенія *крота,* но къ этому мотиву присоединилось еще воздѣйствіе на народную фантазію, такъ называемой, народной этимологіи. Названіе крота, по малорусски „критъ", послужило къ созданію цѣлой легенды о превращеніи. Эта легенда слѣдующая: „Богачъ вздумалъ сдѣлаться мудрѣе самого Бога; для этого онъ покрылъ сына своего и спросилъ Бога: „Угадай, что тутъ покрыто?" Господь

---

1) Тр. эти. эксп. I, 62.

2) Тр. эти. эксп. I, 60—61.

3) Ibid. 52—53.

4) Ibid 52.

5) Труды эгн. эксп., 49—50. Драгом., Малор. нр. пр., 4.

отвѣчалъ ему: „Накрытъ кротъ“. Богачъ открылъ и увидѣлъ, что его сынъ дѣйствительно сдѣлался кротомъ“ [1]).

Темная сила, или чертъ, также способенъ производить превращенія. Несомнѣнно, что чертъ, въ христіанскую эпоху, замѣнилъ собою какое нибудь миѳическое существо. На основаніи сказокъ можно предполагать, что подъ нимъ скрывается подземный духъ. Онъ появляется изъ могилы, какъ бы изъ подземнаго царства, и сказка не называетъ его чертомъ, а даетъ ему названіе „Оха“. Обстоятельства, при которыхъ появляется „Охъ або чортъ“ таковы, что роднятъ его съ Плутономъ. Обстоятельства эти слѣдующія. Старикъ ведетъ сына въ наймы; они увидѣли при дорогѣ могилу, подошли. „Старый сидае и здыхнувъ: „Охъ!“ Колы изъ могылы выскакуе нечыста сыла въ образи чоловичому и пытае:

— На що ты, чоловиче, мене требувавъ?

— Ни, каже той, мыни тебе зовсимъ не треба.

— Якъ жежъ не треба, колы ты клыкавъ мене, „Охъ!“ казавъ, а я Охомъ звуся“ [2]). Этому Оху старикъ отдаетъ въ услуженіе сына, а тотъ превращаетъ его въ *пивныка*, *селешка*, голубя. Далѣе изъ сказки видно, что сынъ самъ научается искусству превращеній и оборачивается вихремъ и конемъ [3]). По другимъ варіантамъ той же сказки, Охъ превращаетъ своего слугу въ ястреба, жеребца (=огера), орла. Слуга самъ получаетъ возможность превращаться зайцемъ, ястребомъ, шулякомъ, плотвою, окунемъ, перстнемъ, горошиною, макомъ. Равно и Охъ въ различныхъ превращенныхъ видахъ (дѣдомъ, шпакомъ, пивныкомъ, щукою) преслѣдуетъ своего слугу [4]). Чертъ, вообще, по народному повѣрію, можетъ превращаться въ различныя животныя. Подтвержденіе этого взгляда видимъ въ разсказѣ о превращеніи лошади. „Лошадь — это превращенный дьяволъ. Такъ какъ дьяволъ можетъ превращаться во всякое животное, то и превратился когда то въ лошадь, но Господь такъ его

---

[1]) Труды этн. эксп., I, 56.

[2]) Труды этн. эксп., II, 368.

[3]) Труды этн. эксп., II, 368—370.

[4]) Труды этн. эксп., II, 372—379. Драгомановъ. Малр. нр. пр., 326—328.

благословилъ, что онъ уже навѣки остался лошадью“ [1]). Павлины—оборотни чертей, которые въ ночь подъ Благовѣщеніе стали наряжаться въ различные цвѣты, но пропѣли пѣтухи, и они остались въ нарядѣ павлиновъ [2]). Черту въ особенности приписываются самые разнообразные виды превращеній; такъ что масса превращеній, которыя, въ миѳическую эпоху, составляли аттрибутъ различныхъ божествъ, теперь сочетаются съ образомъ черта. Вотъ болѣе частые образы его превращеній: въ баранчика, овечку, козленочка, красивую женщину, богача, „паныча“ и, наконецъ въ существо съ козлиной бородой и рогами—образъ, напоминающій нѣсколько Пана [3]).

Наравнѣ съ существами миѳическими и вообще высшею силою, превращенія могутъ совершать волшебники, чернокнижники, вѣдьмы, которые въ древнюю эпоху были не что иное, какъ кудесники, служители различныхъ божествъ, надѣленные отъ нихъ волшебною силою. Такъ, волшебнику приписывается превращеніе цѣлаго царства въ камень: „А це каменне мисто—було колысь царство; але царъ его зазнався зъ волшебникомъ, и винъ такъ поробывъ, що мисто стало каменемъ, а дочка гадюкою, и вказавъ: „якъ найдеться яка праведна душа, що тебе спокутуе, то ты знову будешъ людыною, а царство — царствомъ“ [4]). Чернокнижникъ самъ превращается въ птицу огненную, и его дочери тоже надѣлены способностью превращеній [5]). Названіе *чернокнижникъ* указываетъ на такого человѣка, который читаетъ черную книгу, такъ называемую *черную магію*. Есть сказка, въ которой и самой этой книгѣ приписывается способность производить превращенія. „У мене есть така кныга, говоритъ царевна, що якъ прочитаешъ іи, то заразъ зробысься, чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею“ [6]). Волшебницѣ также приписывается способность про-

---

[1]) Труды эсн. эксп., I, 49.
[2] Ibid., 58.
[3]) Ibid., 183—189.
[4]) Ibid., II, 438.
[5]) Ibid., 195—203.
[6]) Ibid., 135.

изводить превращенія. Она превращаетъ царевну Оленку въ утку: „Отъ та робитныця-волшебныця (у змѣя) поробыла Оленци такъ, що та перекынулась вуткою, полетила у зміевъ садокъ и сила на озирце, та й плава по нему—золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова“ [1]). — Тоже свойство приписывается *паніи* съ аттрибутами каннибализма: она ѣстъ мертвыхъ. Эта *пани* превратила своего мужа въ пса. Другая *пани* умилосердилась надъ нимъ, ударила его *прутикомъ* и снова сдѣлала его человѣкомъ; потомъ дала ему этотъ прутикъ и сказала: „Иды до дому и спытай слугъ, чы паня спыть; якъ спыть, то ударъ іи прутыкомъ, вона зробытся кобылою [2]).

Вѣдьмы играютъ большую роль въ превращеніяхъ; онѣ могутъ принимать самые разнообразные виды. Въ одной сказкѣ вѣдьма является въ видѣ кобылы: „Отъ разъ пасе дурень у поли свого коня, колы бачыть ходыть кобыла и зъ нею десять коней. А то була видьма — вона хотила стратыть розумныхъ братывъ“ [3]). По народнымъ разсказамъ вѣдьма принимаетъ преимущественно слѣдующіе образы: кошки, *котыка*, собаки, сучки, коня, волка, свиньи, лягушки [4]). — Въ слѣдующемъ разсказѣ знахарка для превращеній даетъ палочку, нѣчто въ родѣ чудодѣйственнаго жезла, способнаго производить превращенія. Любовница царевича, желая извести его жену, получаетъ отъ знахарки эту чудодѣйственную палочку, которою стала бить царевну: „Перекынулась вона мышою, котомъ, собакою, вовкомъ, всякою—всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила“ [5]). Мы уже встрѣчались съ подобнымъ явленіемъ, что ударомъ *прутика* производились превращенія [6]); вѣроятно, въ нѣкоторомъ родствѣ съ этимъ стоятъ превращенія, производимыя ударами прутьевъ. Сказка передаетъ о женѣ пана превра-

---

[1]) Труды этн. эксп., 470.
[2]) Ibid., II, 410—411.
[3]) Ibid., 410.
[4]) Ibid., I, 199—205.
[5]) Ibid., II, 458.
[6]) Ibid, 467.

щенной мачихою въ щуку. Панъ узналъ объ этомъ, велѣлъ забросить сѣть, поймалъ щуку. Потомъ „веливъ наризаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [1]). Въ другомъ варіантѣ этотъ пріемъ объясняется болѣе естественно. Царь узнаетъ, что его дочь превращена бабой въ *уточку*. Царь велѣлъ ее поймать. Она крикнула: „Охъ, *тату*, *тату*, *пусты мене на воду*“... „Стали радыты царськи совитныкы що треба іи быты дубцямы, щобъ спало пиръя; былы іи поты, цокы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Болѣе новый пріемъ видимъ въ сказкѣ, гдѣ за превращеніе баба беретъ *десять карбованцивъ*. „Баба пошептала, почепыла іи на шыю чирвону стенжку, стала вона кишкою, собакою, навпосли жинкою стала“ [3]).

Лѣкарство служитъ также средствомъ производить превращенія. Царевна говоритъ козаку: „я тоби дамъ такого ликарства, що ты его якъ напьешся, то чимъ захочешъ, тымъ и станешъ: чы птыцею, чы конемъ, чы деревомъ, чимъ захочешъ“ [4]). Вслѣдствіе этого лѣкарства козакъ получилъ возможность превратиться въ коня, въ яворъ, въ *качура* и опять въ человѣка [5]).

Клятва, которой въ миѳическую эпоху придавалось чрезвычайно важное значеніе, также имѣетъ силу производить превращенія. Въ одномъ преданіи говорится, что мать зашла къ скупой дочери, которая ѣла курицу. На вопросъ матери, что она ѣстъ, та отвѣчала: черепаху. „Тоди маты іи и закляла, щобъ вона сама черепахою стала; до такъ вона й доси“ [6]). Проклятіе отца превращаетъ дочь въ кукушку. Дочь „проговорила къ своему любовнику: ахъ ты, моя зозулька (кукушка)“.

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 465.
[2]) Ibid., 472—3.
[3]) Ibid., 456.
[4]) Ibid., 441.
[5]) Ibid., 442—3.
[6]) Ibid., I, 66,

Отецъ княжны услышалъ это и, въ гнѣвѣ на нее, проговорилъ: „будь же ты и сама кукушка". Княжна тотчасъ же и превратилась въ кукушку" [1]).

Весьма поэтиченъ разсказъ о превращеніи *тополи*, которому содержаніе дала народная этимологія. Названіе *тополя* сочеталось со смысломъ фразы: *то поле*, т. е. вотъ пóлетъ. Въ тополю обращена матерью дочь по слѣдующему поводу. Мать послала свою дочь полоть ленъ. Потомъ мать, желая видѣть ея работу, пошла къ ней и, увидѣвши ее праздною, сказала: „ото поле! (вотъ какъ полетъ) бодайже ты, доню, полола въ чуди та въ дыви". Испугавшись этихъ роковыхъ словъ, дѣвушка сказала: „Я то полю, то стою", какъ бы такъ говоря: я тополею стаю (дѣлаюсь), и вдругъ при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву", ея дочь-дѣвушка стала выростать въ стройный красивый тополь. Такъ и не выполола дочь льну, и не пришла домой на-вѣки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: „дочко жъ моя, тополя моя!" [2]).

Вообще слову, какъ и заклятію, въ первобытное время приписывалась возможность осуществляться въ дѣйствительности, чему подтвержденіемъ служитъ сказочный мотивъ о превращеніи голубя. Мужъ въ радости бѣжитъ къ женѣ и говоритъ: „Голубко моя!".—А вона порхъ и вылетила голубкою въ викно". [3]).

Слово во времена миѳическія имѣло болѣе вещественное значеніе, чѣмъ въ настоящее время; первобытный человѣкъ не отдѣлялъ названія предмета отъ самаго предмета; поэтому за названіемъ предмета слѣдовалъ самый предметъ съ обязательной силой. Такая вѣра въ матеріализацію слова не утеряна и до настоящаго времени. На этомъ основана вѣра въ заговоры, вѣра въ то, что всякое благожеланіе и всякое проклятіе сбывается. Полагаютъ, что если мать произнесетъ такое проклятіе: „а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты каминемъ ставъ, а щобъ тебе

---

[1]) Ibid. 61.

[2]) Ibid., 224.

[3]) Труды этн. эксп., II, 94.

лыхе взяло!" то такое проклятіе непремѣнно исполняется. Этимъ и объясняютъ происхожденіе различныхъ камней, имѣющихъ человѣкообразную форму; такъ, подлѣ села Березной (литинск. у.) есть два камня, о происхожденіи которыхъ существуетъ слѣдующая легенда. Однажды мать вышла съ сыномъ и дочерью въ поле рожь жать. Во время работы дѣти лѣнились и очень часто стояли праздно, о чемъ то между собою разговаривая. Мать до того на нихъ разсердилась, что начала ихъ проклинать и между прочимъ сказала: „а щобъ вы каменямы поставалы". Проклятіе ея сейчасъ же исполнилось: дѣти ея дѣйствительно окаменѣли [1]).

Происхожденіе цвѣтка, извѣстнаго подъ названіемъ „братки" (viola tricolor) также приписывается высказанному желанію и немедленному исполненію. Братъ и сестра долго странствовали и когда сошлись, то не узнали другъ-друга. „Между тѣмъ, сестра понравилась брату, и они обвѣнчались. Послѣ узнали, что они—братъ и сестра. Имъ стало стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ: „Ну, сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь цвѣсть лиловымъ цвѣтомъ, а я желтымъ" [2]). Мотивъ подобнаго превращенія, очевидно, позднѣйшій, и основаніемъ для него послужила форма цвѣтка.

Превращенія въ русской сказочной поэзіи существуютъ такія, въ которыхъ несомнѣнны самыя древнія, первобытныя черты, съ другой стороны, встрѣчается и полное забвеніе миѳическаго мотива, и въ схему превращеній вставляется любое явленіе, въ особенности желательное по условіямъ нашего современнаго быта, какъ напр. превращеніе старика, баранчика въ „гроши" и др.

Обожаніе и почитаніе змѣй, а равно и формы ихъ превращеній относятся къ глубокой древности. Сказки опредѣленно и ясно говорятъ о превращеніи змѣи въ дѣвицу или змѣя въ царевича; затѣмъ есть большой отдѣлъ сказокъ, гдѣ говорится о змѣяхъ трехглавыхъ, шестиглавыхъ и двѣнадцати-

---

[1]) Чуб., Тр. этн. эксп., т. I, 89.

[2]) Тр. этн. эксп., I, 82.

главыхъ; но въ послѣднихъ сказкахъ смыслъ превращеній только въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь змѣй есть выраженіе темной миѳической силы.

Превращеніе змѣи въ дѣвицу обставлено нѣкоторыми миѳическими подробностями; такъ хлопецъ-сирота работаетъ у хозяина за то, чтобъ ему посѣяли „мирку жита"; но лишь сжали и сложили жито въ копы, какъ громъ сжегъ все жито. Хлопецъ служитъ второй годъ на тѣхъ же условіяхъ. Во время жатвы ему снится, что громъ снова ударитъ въ копы, но онъ пусть возьметъ вилы и разбрасываетъ снопы. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Колы це изъ поломья якъ вылизе гадюка, та така здорова, якъ той рубель, що снопы утягують, та й учепылась ёму черезъ плечи, якъ москаль чипляе мунышо" [1]). Хлопецъ въ тревогѣ хочетъ оторвать ее, но ничего не можетъ сдѣлать. Хозяинъ даетъ ему слѣдующій совѣтъ: „Ну, подержъ, сыну, Богъ насъ держить на свити, держы ты и еи" [2]). Теперь хозяину приснился вѣщій сонъ, чтобъ повѣнчать ихъ. Какъ только хлопецъ въ церкви сталъ на *рушныкъ*, „вона такъ и впала на землю, перекынулась дивкою и держыть рушныкъ въ рукахъ, щобъ то уже, бачыте, рукы звязать. Отъ, пипъ повинчавъ ихъ якъ слидъ" [3]). Разъ мужъ пожелалъ отправиться *въ дорогу;* жена ему наказываетъ, чтобъ онъ не ругалъ *гадючину матирь*. Мужъ при возвращеніи увидѣлъ, что жито стоитъ на корню и въ сердцахъ произнесъ: „Отъ, гадюча еи матирь, дидько бъ еи взявъ зъ еи гадюкою,—ще й доси не выжала жыта" [4]). Какъ услыхала это жена, разсердилась и оставила мужа навсегда. По другому варіанту той же сказки жена снова превращается въ *гадину* [5]). Съ огнемъ, или *багаттямъ* имѣетъ связь превращеніе ужа въ царевича. Иванъ, сынъ бѣдныхъ дѣда и бабы, пошелъ просить хлѣба; разложилъ онъ въ лѣсу огонь, какъ вдругъ слышитъ, что то кричитъ подъ огнемъ: „Не печы мене,

---

[1]) Тр. эгн. эксп., II, 11.

[2]) Ibid. стр. 12.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibid., II, 12.

[5]) Драгомановъ, Мал. нар. пр. 312.

не печы мене!“ Онъ взялъ палочку, разгребъ огонь и нашелъ большого ужа.—„Несы мене до царя, каже ужъ:—тоби буде велыка плата за те, що ты мене занесешъ до царя“ [1]). Когда ужа внесли въ покой царскій, онъ сталъ *панычемъ*. Сказка о превращеніи змія въ царевича передаетъ, какъ одинъ панъ имѣлъ трехъ дочерей; когда онъ отправляется *у дорогу*, старшія дочери просятъ дорогихъ гостинцевъ, а младшая *квитку хорошу*. Отецъ принужденъ былъ снять со столба *квитку*, но за нее змій потребовалъ къ себѣ меньшую дочь. Она отправляется въ чудесный *палацъ* змія, въ которомъ находитъ все, чего ни пожелаетъ. Она два раза отпрашивается у змія къ родителямъ и оба раза позамѣшкалась. Возвращается—змѣя нѣтъ. „Пошла вона до сажалки, да такъ плаче, такъ плаче. Ажъ тамъ змія качаетьця.—„Рижъ мни, каже, на мни шкуру“.—Вона довго не хотила, а потимъ проризала. Вышовъ зъ теи шкуры царевичъ хорошы, прехорошы. Поциловався заразъ зъ нею, оженывся“ [2]). Эта сказка очень близко напоминаетъ великорусскую сказку „Аленькій цвѣточекъ“, переработанную С. Аксаковымъ. Въ одной сказкѣ, гдѣ спутано нѣсколько мотивовъ, змій превращается въ птаха, а потомъ въ человѣка: „зновъ стрепенувсь и ставъ зміемъ, паномъ ставъ у чоловичому стани, у польскому“ [3]). Подобное же превращеніе замѣчается и въ сказкѣ: „Оленка, Ивашечко та змій“, гдѣ змій оборачивается молодцемъ, или же сначала дѣлается птицей: „бувъ горобцемъ, ставъ молодцемъ“ [4]). Жены змѣя о 12-ти головахъ также обладаютъ способностью превращаться; онѣ прилетаютъ сороками и говорятъ, что одна обратится въ криницу, отъ которой поразрываетъ богатырей, другая сдѣлается садомъ, третья рукавицами, четвертая *хмарою* [5]).

Нѣкоторую аналогію съ превращеніемъ змѣи имѣетъ превращеніе жабы. Идетъ парубокъ черезъ мостъ, на которомъ,

---

[1]) Тр. этн. эксп., II, 59.
[2]) Ibid, II, 444—5.
[3]) Ibid II, 180.
[4]) Ibid. II, 468—9.
[5]) Ibid. II, 254

говорятъ, что его лихо возьметъ; на мосту къ нему вскочила жаба, и когда онъ прошелъ мостъ, то она превратилась въ царевну[1]). Другой распространенный сказочный мотивъ о превращеніи жабы въ панну основанъ на выборѣ тремя братьями или тремя царевичами себѣ невѣстъ. Первый бросилъ свою *рушныцю*, и ее нашла королевна, вторую *рушныцю* нашла дочь купца, а третій—дурень бросилъ рушныцю въ болото, и ее нашла жаба, которая потомъ „скынула зъ себе жабъячу шкуру и стала такою гарною панною, що не здумать, не згадать, тилько доброму молодцу въ казци сказаты“ [2]). По другому варіанту той же сказки она превращается въ панну *у злотомъ волоссю*[3]). Жаба нѣсколько разъ повторяетъ свои превращенія, пока мужъ не подстерегъ и не бросилъ въ огонь жабью шкуру. Жена заплакала и сказала, что ей оставалось еще шесть дней просидѣть въ жабьей шкурѣ, а теперь она отъ него уйдетъ навсегда и уходитъ въ монастырь, а затѣмъ въ *Золотыя горы*, гдѣ мужъ ее впослѣдствіи находитъ. Сказки о превращеніяхъ царевны-лягушки и царевны-змѣи очень распространены и въ великорусской народной поэзіи [4]). Существуютъ малорусскія сказки о превращеніяхъ жабы, гдѣ она является темной силой. Однажды баба-повитуха пошла въ лѣсъ за дровами, видитъ— „повзе жаба да така-жъ то товста, та здоровенна—недужна була“. Баба помогла ей перелѣзть черезъ палочку, а вечеромъ пріѣзжаетъ за бабой карета и привозитъ ее въ богатый домъ, оказывается, что жаба—это *чортица*, у которой надо было принять ребенка [5]).

Цѣлый особый отдѣлъ превращеній въ сказочной поэзіи представляютъ птицы, каковы напр. три орлицы, три утки, 12 утокъ, 12 голубокъ, которыя превращаются въ дѣвицъ. Три орлицы—это три сестрицы; *стрілецъ—красный молодецъ* хочетъ застрѣлить старшую, но она отпрашивается у него, обѣ-

---

[1]) Ibid II, 52, примѣчаніе.

[2]) Ibid., II, 446.

[3]) Драгомановъ, Малр. н. пр. 314.

[4]) Аѳанасьевъ, II, 523—540.

[5]) Тр. этн. эксп., II, 360—2. Драгом. Малр. н. пр. 49.

щая стать ему *въ пригоди*; то же обѣщаетъ и средняя, а младшая обѣщаетъ стать его женой. Дѣйствительно, *она стрепенулась* и „стала така панна, шо ни въ казци сказать, ни перомъ напысать“ [1]). Обѣ другія орлицы также превращаются въ дѣвицъ [2]).

Очень распространенный мотивъ о превращеніи двѣнадцати утокъ въ дѣвицъ состоитъ въ слѣдующемъ. Идетъ добрый молодецъ и приходитъ къ морю; сюда прилетаютъ 12 утокъ; пораздѣвались, сдѣлались всѣ красными дѣвицами и пошли купаться. Молодецъ схватилъ платье двѣнадцатой и спрятался за кустъ. Она вышла изъ воды и спрашиваетъ: кто здѣсь есть? Если старъ человѣкъ, то будетъ мой отецъ, если средній, то будетъ братъ, если „младъ чоловикъ—будь мини вирна дружына!—А винъ заразъ выйшовъ зъ-пидъ куща та й виддае одежу. А вона зрадила,—такъ зрадила, що й не сказаты, бо передъ нею ставъ такій козакъ, що кращчого и въ свити не знайты“ [3]).

Оказывается, что утки — это служанки *морского дидуся*, который три раза заставляетъ молодца выбирать свою суженую изъ 12 одинаковыхъ дѣвицъ, и каждый разъ по предварительному уговору съ суженою онъ ее выбираетъ. Тогда наконецъ „заручылы ихъ и отгулялы весилле. Дидусь навалывъ ёму золота та срибла цилыхъ дванадцять карабливъ, и поплыла молода пара до батька та до неньки“ [4]). Сходныя черты имѣетъ сказка „Про персыцького царевича“, въ которой говорится о семи дочеряхъ *чернокнижныка* (чародѣя), которыя прилетали къ озеру купаться,—царевичъ спряталъ платье младшей дочери и потомъ на ней женился послѣ исполненія разныхъ миѳическихъ задачъ [5]). Въ этой сказкѣ способъ превращеній нѣсколько затемненъ: здѣсь только говорится, что дочери чародѣя летали, но какой образъ птицъ принимали, объ этомъ не сказано;

---

1) Тр. этн. эксп., II, 281.

2) Ibid. II, 283.

3) Ibid., II, 19—20.

4) Ibidem, стр. 24.

5) Ibid. 195—203.

о немъ можно судить по аналогіи съ другими сказками.— Три *качечки* прилетаютъ купаться. „Ажъ то не качечки, а тры царевны". Хлопецъ беретъ вѣночекъ старшей, и та безъ *вѣночка не можетъ летѣть*, и дѣлается его женой [1]). Типъ превращеній 12 утокъ почти тождественно выдержанъ и въ сказкѣ о превращеніи 12 голубокъ. Царевичъ получаетъ въ лѣсу указаніе отъ бабы, что къ ставку „прылитае дванадцять голубокъ купатыся: одынадцять виддаваныхъ, а идна ни; котора невиддавана, та буде зъ самого заду скидаты крыла, а ты визьмы та й сховай" [2]). Голубка обращается въ дѣвицу и послѣ исполненія царевичемъ задачъ, указанныхъ отцемъ чародѣемъ, задачъ въ родѣ того, чтобы въ одну ночь была посѣяна пшеница и испечена изъ нея булка, или чтобы въ одну ночь выстроенъ былъ *палацъ*, дѣлается его женою [3]). О превращеніи жены въ голубку по одному слову мужа, произнесшаго въ радости: „голубко моя!" было уже сказано. Подобный же, очевидно, позднѣйшій смыслъ придается и превращенію ласточки. По народному сказанію, это мужъ и жена. „Чоловикъ шось ризавъ та покалявъ рукы у кровъ, а вона до ёго и прыйшла та такъ биля ёго и вьеться. Отъ винъ взявъ іи пидъ бороду: „ластивко, кае, моя", тай поцилувавъ, та въ двохъ и полетилы ластивкамы; отъ-то у неи и знать пидъ горломъ красненьке" [4]).—Новѣйшій фактъ— изображеніе орла на государственномъ гербѣ также вставленъ въ схему превращенія. Народъ говоритъ, что „орлы изъ царей, и потому даже теперь орлы вырѣзаны на царскихъ печатяхъ" [5]).

Существуетъ довольно распространенный отдѣлъ сказокъ, гдѣ волшебница или мачиха дѣлаетъ такъ, что жена царя превращается въ утку, въ птицу, въ щуку.—Царевна Оленка превращена въ уточку. Оленка была женой змія; работница-волшебница, чтобы занять ея мѣсто, превратила ее въ утку—*золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова.*

---

[1]) Ibid. II, 358.

[2]) Ibid , II, 391.

[3]) Ibidem, стр. 392.

[4]) Драгом., Малр. н. пр. 7.

[5]) Гр. этн. эксп., I, 64.

Братъ ея сдѣланъ былъ баранчикомъ; онъ прибѣгаетъ къ озеру и поетъ: „Сестрычко Оленко, прыплынь, прыплынь до бережечка, братикъ плаче, исты хоче“ [1]). Когда она прилетаетъ плакать къ своимъ умершимъ дѣткамъ, царь-отецъ велѣлъ схватить ее; потомъ „былы іи поты, покы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Дочь бабы превращаетъ свою сводную сестру въ птицу, и та прилетаетъ кормить свое дитя. Мужъ ее схватилъ, „вдарывъ по ній тречы прутыкомъ, и вона стала жинкою“ [3]). Даже умершая мать превращается въ кукушку. У одного человѣка умерла жена, и онъ женился на молодой; было у него пятеро дѣтей, и мачиха такъ возненавидѣла ихъ, что порѣзала ихъ и спрятала *въ комору* подъ по мостъ. „Перва жинка прылетыть зузулею да сяде на покути на колочку дай куе: „Куку, диты, куку, лебедята, горегореваты, де чужая маты поризала, порубала, пидъ мистъ поховала... Охъ мои диточкы!“ [4])—Мачиха превращаетъ свою падчерицу въ щуку. Лакей изъ жалости носитъ къ ней дитя кормить. Панъ, ея мужъ, увидѣлъ это, велѣлъ забросить сѣть и поймать ее. „Панъ веливъ наризаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [5]). Эта сказка вводитъ насъ въ ту область миѳическаго воззрѣнія, по которому одинъ и тотъ же предметъ могъ принимать многоразличные образы. Сила, которая даетъ возможность принимать различные образы, сохраняется, по народному повѣрью, еще и въ настоящее время; ею теперь обладаютъ темныя, существа—вѣдьма и чертъ.

Такія многоразличныя превращенія одного и того же существа выступаютъ въ сказкѣ „Про царевича жинку, що зроблено гускою“. Любовница царевича получаетъ отъ бабы ленту и палочку, которой бьетъ царевну, и та „перекынулась мышою, котомъ,

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 470.
[2]) Ibidem, стр. 473.
[3]) Ibid., стр. 467.
[4]) Ibid., 475.
[5]) Ibid., II, 464—5.

собакою, вовкомъ, всякою-всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила“ [1]).—Въ другой сказкѣ богатырь Сучченко добываетъ царевну, но она оборачивается щукой и бросается въ воду,—богатырь Вернывода уничтожаетъ воду и схватываетъ ее, тогда она оборачивается бѣлкой и бросается на дубъ,—богатырь Вернйдубъ выворотилъ всѣ дубы и поймалъ ее,—она оборачивается мышью и прячется въ нору (на горѣ),—богатырь Вернигора переворотилъ гору и наконецъ добылъ ее [2]). — Громъ-сынъ (пріемышъ трехъ: Бога, свв. Петра и Павла) получаетъ способность превращеній. Пошелъ онъ добывать царевну, „черезъ биле поле скынувся голубкомъ та перелетивъ; черезъ густый лисъ скынувся медведемъ та перешовъ; черезъ сыне море скынувся окунцемъ та переплывъ; у домъ влетивъ мушкою; а до царевны пидошовъ комашкою, перекынувся чоловикомъ и ставъ и стоить“ [3]). Громъ-сынъ на вопросъ царевны, какъ онъ къ ней пришелъ, снова принимаетъ всѣ тѣ образы, въ которые онъ превращался.—О томъ, какимъ образомъ *Охъ, або чортъ* принимаетъ различные образы и какъ онъ превращаетъ своихъ слугъ, было уже сказано.

Къ такимъ же многоразличнымъ превращеніямъ относится циклъ сказокъ, гдѣ герои принимаютъ даже сложные образы, такъ, напр., героиня дѣлается стадомъ овецъ, а герой пастухомъ, или же пасѣкой и пасѣчникомъ. Сказки этого рода построены по слѣдующей схемѣ: царевичъ спасаетъ отъ змія царевну,—змій бросается въ погоню; тогда они превращаются въ различные предметы до тѣхъ поръ, пока змій не лопнетъ. Болѣе типичною сказкою для объясненія подобнаго рода превращеній служитъ сказка „Царъ-змій“ [4]). Купецъ посылаетъ своего приказчика къ царю-змію достать отъ него три пера; приказчикъ находитъ у змія похищенную имъ царевну, и вмѣстѣ съ нею они рѣшаютъ спастись. Царевна говоритъ, что у нея есть

---

[1]) Ibid., 458.

[2]) Ibid., II. 268—9.

[3]) Ibid., 338.

[4]) Ibid. 133—138.

такая книга, „що якъ прочитаешъ іи то заразъ зробысься чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею“ [1]). Подѣлались они птицами и полетѣли, а змѣй за ними въ погоню. Царевна говоритъ: сдѣлаюсь я человѣкомъ и послушаю, не гудетъ ли земля; она слышитъ—гудетъ земля отъ погони, и говоритъ: „зроблюсь же я пасикою, а ты старымъ пасичныкомъ; а якъ винъ спытае, чы не бачывъ ты такой то й такои,—то кажы, що бачывъ тоди, якъ бувъ ще молодымъ“. Змѣй возвратился *до палацу*, а они подѣлались птицами и снова полетѣли,—снова погоня. Они сдѣлались *дидомъ и бабою*. Змѣй снова былъ обманутъ и опять пустился въ погоню. Царевна говоритъ: „робысь ты скорійшъ моремъ, а я зроблюсь качкою. А ось и змій прылитае, да такій же злый, що ажъ пина зъ рота котытся. Якъ побачивъ винъ ту качку, такъ заразъ и пизнавъ, що то не качка, а царивна, тай хтивъ винъ еи зловыты. Що кинеться на ню, то вона и пурне; не може ніякъ еи змій зловыты. Винъ тоди почавъ воду пыты, щобъ выпыты все море; пывъ-пывъ, поты пывъ, покы ажъ не лусь-нувъ“ [2]). Они дѣлаются людьми и снова еще принимаютъ образъ птицъ. Сказка „про персыцького царевича“ представляетъ варіантъ предыдущей. Здѣсь царевичъ спасается отъ чародѣя, у котораго похищаетъ себѣ въ жены его младшую дочь, при помощи такихъ же сложныхъ образовъ. Они дѣлаются голубемъ и голубкою, *каплыцею и дидомъ*, стадомъ овецъ и пастухомъ, она стала моремъ, а онъ рыбкой. Чародѣй распалился и разгнѣвался до того, что захотѣлъ море выпить; онъ пилъ до тѣхъ поръ, пока не сгинулъ; а они снова сдѣлались голубемъ и голубкой и улетѣли [3]).

Хр. Ящуржинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid. 135.
[2]) Ibidem, 136.
[3]) Ibid., 195—203.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IV.

Охотничье настроеніе. — Женщины. — Охоты. — Оригиналы. — Бердичевъ. — Ярмарки.

Я совсѣмъ не имѣю намѣренія говорить ни о политическихъ обществахъ, ни о политическихъ заговорахъ, ни о бунтахъ; я отмѣчаю ихъ лишь постолько, посколько эти обстоятельства вторгались въ жизнь, которою я жилъ. Заговоры были подавлены, бунтъ усмиренъ, а о политическихъ обществахъ остались только преданія, какъ объ обломкахъ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Правительство выказало мощный умъ, силу и энергію. Населеніе не дало увлечь себя стремленіямъ, которыхъ оно не понимало и которыя не находили отклика ни въ его умѣ, ни въ его сердцѣ. Наказанія были суровы, но заслужены.

Всѣ эти обстоятельства произвели, однако, сильное возбужденіе на Волыни, Подоліи и Украинѣ. Это возбужденіе наиболѣе отразилось на молодежи и женщинахъ. Люди средняго возраста и состоянія, хотя не принадлежали ни къ какимъ обществамъ и знали о заговорахъ столько же, сколько и о желѣзномъ волкѣ, были выбиты изъ колеи, сидѣли по домамъ, не выѣзжали ни въ города, ни въ мѣстечки, собирались маленькими обществами, и то въ ближайшемъ со-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 2.

сѣдствѣ, играть въ вистъ и въ марьяжъ, чему былъ несказанно радъ извѣстный игрокъ, п. Струмилло, потому что онъ не только обучалъ ихъ игрѣ, но и сообщалъ имъ новости, о которыхъ они боялись даже услышать. Да и какъ было имъ не бояться, когда въ Житомирѣ сидѣли подъ стражей п. Северинъ Залѣсскій, бывшій маршалъ житомирскій, и п. Адамъ Пулавскій, потомокъ основателя барской конфедераціи, состоявшій въ родствѣ съ знатнѣйшими мѣстными шляхетскими семействами. Если не посмотрѣли на такихъ тузовъ, то что же могутъ сдѣлать съ мелкой шляхтой?

Молодежь начала охотиться, разъѣзжать по ярмаркамъ, вести, точно на масляницѣ, разгульную, кочевую жизнь, и какъ прежде пересѣла съ коней въ экипажи, такъ теперь опять садилась на коней. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ на двадцать миль кругомъ едва можно было найти пару борзыхъ и то большею частью плохихъ, а теперь всѣ наперерывъ хлопотали о борзыхъ и верховыхъ лошадяхъ. Экипажи—фи! они нужны только для стариковъ и больныхъ! Юношѣ-шляхтичу нуженъ осѣдланный конь. Измѣнился свѣтъ, измѣнились люди!

Графъ Туркутъ, предсѣдатель кіевскій, промѣнялъ село съ нѣсколькими десятками душъ крестьянъ на пару борзыхъ, и и въ память такого дѣянія село было прозвано „Два пса", и осталось съ такимъ названіемъ на послѣдующее время.

Генералъ Корженевскій, мой дядя, который въ продолженіе своей долговременной военной службы командовалъ эскадрономъ и бригадой, не садясь ни разу на коня, добылъ себѣ откуда то изъ Литвы борзыхъ и бѣлую верховую лошадь, доставшуюся впослѣдствіи мнѣ, когда генералъ-лейтенантъ свалился съ нея въ присутствіи государя Николая Павловича.

Такъ какъ борзыя вошли въ моду, то начались и спекуляціи. Какой то старый шляхтичъ, еще изъ барскихъ конфедератовъ, по фамиліи Яголковскій, который проживалъ со времени раздѣла Польши въ Молдавіи и Валахіи и терпѣлъ большую нужду, такъ какъ не хотѣлъ ни работать, ни добывать хлѣбъ при помощи аршина или кварты, чтобы не опозорить шляхетскаго достоинства, но по шляхетскому обычаю—„коли бѣда,

такъ до жида"—жилъ на счетъ евреевъ, узнавъ отъ нихъ, что творится на святой Руси, прибылъ въ окрестности Бердичева съ молдавскими и волошскими борзыми. Сбывши одинъ транспортъ безъ помощи евреевъ,—теперь онъ сталъ даже бить ихъ, потому что нужда уже миновала, — Яголковскій отправился за другимъ, затѣмъ за третьимъ, четвертымъ и т. д., такъ какъ спросъ на этотъ товаръ былъ большой. Черезъ два года купилъ онъ себѣ деревеньку за 40,000 злотыхъ польскихъ, да хозяйственныхъ принадлежностей пріобрѣлъ на 5,000.

Капитанъ Лаговскій, прозванный Капціо, изъ наполеоновской арміи, братъ почтеннаго полковника Петра Лаговскаго, тотъ самый Капціо, который, не умѣя командовать ни по польски, ни по французски, ни на какомъ другомъ языкѣ, имѣлъ привычку отдѣлываться ничего незначущими возгласами: туту-туфъ-тафъ! и наконецъ „маршъ!", такъ вотъ этотъ то Капціо, услышавъ объ Яголковскомъ, взялся самъ за спекуляцію, гдѣ, не имѣя дѣла ни съ аршиномъ, ни съ квартой, онъ не опозорилъ бы шляхетскаго званія, которое, какъ ни какъ, а, ради памяти предковъ, доброй гербовой шляхты, надо сохранять незапятнаннымъ. Купилъ себѣ бродскую бричку, огромную, крытую бѣлымъ полотномъ, точно передвижной шатеръ, запрегъ въ нее четверку лошадей. Въ эту бричку посадилъ нѣсколько борзыхъ для охотниковъ, нѣсколько комнатныхъ собакъ для любителей, нѣсколько обезьянъ для модничающихъ паней, нѣсколько попугаевъ для старыхъ ханжей, сошедшихъ со сцены, и такъ разъѣзжалъ изъ дома въ домъ, какъ бернардинъ за милостыней. И этотъ черезъ два года сталъ помѣщикомъ.

И Крымъ не остался глухимъ къ слухамъ объ этомъ: татары привезли въ Бердичевъ крымскихъ гончихъ, раскрашенныхъ въ красный, зеленый и голубой цвѣта. Моя сестра Ружицкая купила въ подарокъ мнѣ двухъ такихъ гончихъ. Она уже говорила о томъ, какіе будутъ щенки отъ такихъ цвѣтныхъ родителей, когда ея мужъ велѣлъ вымыть собакъ мыломъ и тереть ихъ щеткой, пока они не сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ. Это подало поводъ ихъ маленькому сынку, Стасю, велѣть раз-

ложить зашедшаго во дворъ цыганенка и мылить его и тереть щеткой, пока не побѣлѣетъ. Цыганенокъ визжалъ, какъ будто съ него сдирали кожу. Его отняли, но ничего нельзя было сказать Стасю: онъ дѣйствовалъ по примѣру отца.

Вся округа была одержима бѣсомъ охоты; у меня было болѣе тридцати борзыхъ.

То, что прежде бывало только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь получило широкое распространеніе во всѣхъ трехъ губерніяхъ: начались собранія охотничьи, танцовальныя, научныя и даже музыкальныя и театральныя. Край раздѣлился на округа и въ каждомъ округѣ сосѣди собирались и ѣхали въ одинъ изъ болѣе зажиточныхъ домовъ, гдѣ проводили нѣсколько дней и снова цѣлымъ поѣздомъ ѣхали въ другой домъ; поѣздъ увеличивался отъ десятковъ до сотенъ. Изъ городовъ, въ назначенные дни, пріѣзжали на эти пиршества чиновники, военные и всякіе вообще люди шляхетскаго званія. Съ утра ѣхали на охоту; въ полдень дамы, одѣтыя по утреннему, привозили завтракъ; послѣ завтрака охотились еще, болѣе изъ угожденія прекраснымъ панямъ, чѣмъ ради дичи; возвращались домой къ обѣду, а послѣ обѣда начиналась музыка, танцы, часто театральныя представленія, пѣніе, ученыя бесѣды, чтеніе литературныхъ произведеній.

Съ 4-го іюля, дня св. Іосифа Каласантскаго, начиналась охота на птицъ: утки, гуси, дупеля, куропатки, тетерева, глухари, ястребы—все это падало подъ выстрѣлами охотниковъ. Старые въ экипажахъ и на смирныхъ лошадяхъ, паничи съ буфетчиками, съ повѣшенными черезъ плечо коробками, приставали къ этимъ охотамъ. Буфетчикъ съ шестомъ въ рукѣ командовалъ, а паны-поваренки и мужики-прислужники маневрировали съ сѣтями и шнурами; лягавыя вертѣли хвостами, загоняли стада и дѣлали стойку; верховые натягивали сѣти, а что ушло отъ верховыхъ, погибало подъ когтями соколовъ и кречетовъ, которыхъ буфетчики пускали съ шеста на бѣдныхъ перепелокъ. Въ это самое время были жнива, сгребанье, вязка и складыванье сноповъ въ копы, и пани и панны украшали себя вѣнками изъ васильковъ, маку, колокольчиковъ, одѣвались

въ батистовыя рубашки, вышитыя бѣлымъ, и, какъ простыя крестьянки, разыгрывали роль жницъ.

Со дня св. Варѳоломея, 15 августа, начиналась охота на волковъ. Молодыхъ звѣрей приманивали, подражая вою старыхъ, а поутру приманивали старыхъ подражаньемъ вою молодыхъ, и обманутыхъ такимъ образомъ отдавали въ жертву выстрѣламъ охотниковъ и зубамъ гончихъ.

Со дня св. Михаила начиналась охота съ борзыми въ степи, съ гончими въ лѣсу, облавы въ тростникахъ на большого и малаго звѣря, въ пущахъ на кабановъ, на лосей, оленей, нерѣдко на рысей, подчасъ на медвѣдей, съ борзыми, облавой, на дрофъ и куропатокъ съ подъѣздомъ, на утокъ и гусей па озерахъ, на тетеревовъ съ чучелами въ будкахъ.

Съ поминальнаго дня, когда сойдетъ снѣгъ, начинали охотиться съ борзыми, съ гончими, съ ружьемъ; начинались ночныя охоты на волковъ съ поросенкомъ и изъ засады. И такъ продолжалось до 15 февраля, когда кончалась охота.

Старшіе мало по малу примкнули къ молодежи. Знакомились другъ съ другомъ; гербовые сходились съ негербовыми. Пріучались къ трудамъ, отвагѣ, сметливости, предусмотрительности, чтобы быть всегда наготовѣ. Младшіе разсказывали, старшіе давали совѣтъ. Женщины поощряли къ охотничьимъ подвигамъ, а въ награду забавлялись и никто не помышлялъ объ усталости, объ отдыхѣ. Гуляли до поздней ночи, а съ разсвѣтомъ были уже на охотѣ. Рыцарство закалялось, знакомилось съ охотой, привыкало умываться дождемъ, обсушиваться на вѣтрѣ, отдыхать на голой землѣ, мало спать и всегда быть на ногахъ.

Учились обращаться съ оружіемъ и убивать; то была рыцарская школа для охотниковъ. А панны-чародѣйки были душею, красою, поэзіей этой школы, такъ какъ, пусть что хотятъ говорятъ, а общество мужчинъ, изъ какихъ бы людей оно ни состояло, какъ только въ немъ нѣтъ женщинъ, должно въ концѣ концовъ или огрубѣть, или демократизироваться,—у насъ были женщины и наше общество осталось рыцарскимъ, польской шляхтой.

Послѣ Іосифа Стецкаго, объ охотахъ котораго я уже говорилъ, самыя извѣстныя охоты были у Чечеля, на Волыни, и у генерала Козловскаго, въ Лозовѣ, на Украинѣ, да еще у гусарскаго маіора Эмме, подъ Любаромъ; эти три охоты различались по своей организаціи и заслуживаютъ упоминанія.

У Чечеля псарня была и немногочисленная, и не отборная, но отличалась нѣмецкой систематичностью, прусскимъ порядкомъ, собаки были отмѣчены клеймомъ съ гербомъ Чечеля и номеромъ; мѣшки съ сѣтями, запасами, съ аммуниціей, съ оружіемъ и самое оружіе—все было заклеймено и занумеровано. Ловчіе, доѣзжачіе, псари, кучера—всѣ были въ зеленыхъ ливреяхъ, съ гербовыми пуговицами и со знаками, показывавшими функціи и должность каждаго. Все было взвѣшено и измѣрено. Каждый день составлялись рапорты, велись формулярные списки охотниковъ и собакъ съ отмѣтками смотрителя, который два раза въ мѣсяцъ дѣлалъ смотръ. Эта охота напоминала, однако, большую тучу, которая разражается маленькимъ дождикомъ. На этихъ охотахъ все было слишкомъ уже по нѣмецки, и крѣпкоголовые русины не могли къ этому привыкнуть.

У генерала Козловскаго было иначе. Онъ былъ козакъ изъ Украины, сынъ генерала и адъютанта Суворова, прозваннаго имъ „знайкой" по слѣдующему поводу. Суворовъ имѣлъ обыкновеніе въ дорогѣ имѣть подлѣ себя адъютанта и спрашивать его: чья это деревня? чей это домъ? чьи лошади? И если только адъютантъ отвѣчалъ ему: „не знаю", кричалъ: „прочь, незнайка!" и тотчасъ высаживалъ изъ повозки и увольнялъ отъ адъютанства. Во время итальянской кампаніи не достало у него адъютантовъ—всѣ были „незнайки"; онъ взялъ перваго уланскаго офицера, попавшагося ему на глаза. Выборъ палъ на поручика Козловскаго, который слышалъ объ этихъ увольненіяхъ и, такъ какъ козачья голова умна, тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Спрашиваетъ Суворовъ: „чей это дворецъ?" Козловскій безъ запинки отвѣчаетъ: „маркиза Альдобранди".—„Чьи лошади?"—„Аббата Сталинелли". И такъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Суворовъ говорилъ: „знайка" и постепенно подвигалъ его по

службѣ, пока онъ не дослужился до генеральскаго чина. Только смерть Суворова разлучила ихъ другъ съ другомъ.

Какъ отецъ не вѣдалъ слова: „не знаю“, такъ сынъ не понималъ слова: „нельзя“.

Подъ Эриванью съ 3,000 конницы разбилъ онъ стотысячное войско Аббасъ-Мирзы и Эривань досталась Россіи. Чрезъ горы, по которымъ могутъ ходить только армянскія и курдистанскія козы, перешелъ онъ съ кавалеріей до Эрзерума, и отъ Эрзерума до Требизонта — купать коней въ Черномъ морѣ. Возвратившись въ Лозовъ, онъ занимался охотой съ убѣжденіемъ, что если офицеры хороши, то всякое войско должно быть хорошо, а чтобы офицеры были хороши, надо поднять въ нихъ духъ по старинному. Онъ муштровалъ козаковъ, офицеровъ охоты, отъ нихъ требовалъ много, а отъ собакъ только того, чтобы они шли туда, куда идутъ козаки.

Майоръ Эмме училъ своихъ собакъ палкою и плетью. А что можетъ сдѣлать въ хорошихъ рукахъ добрый арапникъ нетолько со звѣрями, но и съ людьми! И въ этомъ отношеніи и люди не отличаются отъ звѣрей, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Четвертымъ, самымъ необыкновеннымъ охотникомъ, безъ собакъ и безъ ловчихъ, какъ король Іоаннъ безъ земли, какъ первый вождь эмигрантовъ безъ войска или диктаторъ безъ страны, былъ камергеръ Вонсовичъ. Онъ охотился языкомъ. Такъ, въ какой то литовской пущѣ, продираясь черезъ кусты, онъ потерялъ ружье, и когда ему встрѣтился медвѣдь, огромное чудовище, камергеръ угостилъ его албанскимъ табакомъ, и пока медвѣдь чихалъ, взялъ его на арканъ и доставилъ королю Станиславу-Августу, чтобы онъ тамъ протанцовалъ менуэтъ съ пани Косовской. Разсказывалъ онъ также, нисколько не смущаясь, какъ въ лѣсу онъ напоилъ водочной брагой стадо кабановъ, и пьяныхъ пригналъ ихъ на господскій дворъ въ Ставки,

гдѣ свирѣпствовалъ такой голодъ, что рѣшили уже бросать жребій, кого изъ крестьянъ и крестьянокъ ѣсть по очереди.

Сенаторъ Илинскій устроилъ даже охоту на лосей въ своемъ Новомъ Римѣ. Сенаторъ Илинскій былъ особой исторической, камергеръ и любимецъ императора Павла, гражданско-военный кардиналъ in partibus, директоръ инквизиціи, управляемой о.о. іезуитами, водворенной на романовскихъ болотахъ, на которыхъ стояла Roma Nuova.

Въ Новомъ Римѣ былъ большой дворецъ съ огромными окнами въ одно стекло, съ колоссальными зеркалами. Панъ сенаторъ сидѣлъ въ кардинальской пурпуровой мантіи, украшенный звѣздами и орденами, возлѣ него пани сенаторша, по одной сторонѣ нѣсколько іезуитовъ, а по другой нѣсколько гусаровъ. Пріемъ былъ панскій; охота, которою распоряжались два сына сенатора, удалась прекрасно. Но что больше всего врѣзалось мнѣ въ память, это итальянская опера „Донъ-Жуанъ", исполненная крѣпостными артистами пана сенатора.

Панъ сенаторъ, пользуясь своимъ значеніемъ въ Римѣ, съ дозволенія св. отца, послалъ нѣсколько десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ его столицу учиться пѣнію и музыкѣ. Такъ какъ это были подданные, записанные въ ревизскія сказки, и представлявшіе собственность пана сенатора, то чтобы имъ не захотѣлось вольности, сенаторъ помѣстилъ ихъ въ іезуитскую коллегію, подъ опеку и начальство о.о. іезуитовъ. Предпріятіе удалось; возвратились артисты,—ни одинъ не остался въ Римѣ,—и въ общемъ очень недурные. Панъ сенаторъ отдавалъ ихъ въ наемъ театрамъ житомирскому, бердичевскому, каменецъ-подольскому, а на время контрактовъ кіевскому, за это получалъ денежки звонкой монетой и дѣло шло хорошо.

Удивительная была въ то время бердичевская округа: полно жизни въ людяхъ, полно высокой фантазіи въ шляхтѣ, а оригиналовъ столько, что можно было подумать, будто разсыпался мѣшокъ съ ними на бердичевской ярмаркѣ. Въ прежнихъ моихъ произведеніяхъ я писалъ о нихъ и мнѣ не хотѣлось бы повто-

ряться, но, мнѣ кажется, нельзя не сказать о нихъ нѣсколько словъ, если, при каждомъ воспоминаніи о прошедшихъ годахъ, сами собой возникаютъ передъ моими очами ихъ образы.

Такимъ оригиналомъ былъ литовскій донъ Кихотъ, польскій шляхтичъ, татаринъ Липка Ахметовичъ, называвшій себя пашей, не сыномъ солнца, ибо этотъ титулъ принадлежитъ султану, но внукомъ князя, частный приставъ сенатора-кардинала Илинскаго, имѣвшій свой престолъ на развалинахъ ратуши Новаго Рима, товарищъ по мысли и перу графа Генриха Ржевускаго, поклонникъ и панегиристъ этого разумнаго человѣка, каратель и бичъ Божій на этого человѣка безъ сердца.

Отсылаю читателя къ написаннымъ мною прежде книжкамъ подъ заглавіемъ „*Gawędy*", гдѣ я много писалъ объ этомъ литовскомъ донъ Кихотѣ, который, кромѣ рыцарскихъ вкусовъ героя Сервантеса, обладалъ еще даромъ второго вѣдѣнія и предвѣщанія. Онъ былъ лучшимъ предсказателемъ, чѣмъ Вернигора, потому что ни на Гончаровской долинѣ, ни на Перепетихѣ, ни на Янчинѣ не заиграли военныя трубы, англичанинъ поступилъ на службу къ нѣмцамъ, француза нѣмцы обобрали до рубашки, а турку и не снится поить коней въ Вислѣ,—хорошо, что нѣмцы и мадьяры не запрещаютъ ему поить коня дунайской водой.

Помню, какъ Ахметовичъ ѣздилъ изъ дома въ домъ и ворчалъ, какъ бы въ бреду:

— Внутри земли огонь горитъ и тлѣетъ, образуется кратеръ, выльется много лавы, но все кончится ничѣмъ, и такъ будетъ повторяться нѣсколько разъ, пока едино-язычные не соединятся въ единой вѣрѣ и въ единомъ дѣлѣ, тогда воспоютъ: „алиллуйа, алилуйа" и люди...

Каждый понималъ это какъ хотѣлъ, а Ахметовичъ прослылъ за предвѣщателя.

Два брата Каменскихъ: подканцлеръ изъ Рачекъ и камергеръ изъ Ружекъ. Подканцлеръ былъ страстный охотникъ и,

женившись, хотѣлъ, какъ говорилъ камергеръ, изъ своихъ дѣтей сдѣлать собакъ. У него было четыре сына: „Шумъ“, „Галасъ“, „Тартасъ“ (крикъ) и „Клопотъ“, и дочь „Бѣда“. Камергеръ первую дочь назвалъ Януаріей, желая имѣть живой календарь, но, какъ говорилъ подканцлеръ, дальше не поѣхалъ.

Оба эти сановника королей-саксонцевъ не вѣрили ни раздѣлу Польши, ни водворенію новой власти; присутствіе русскихъ чиновниковъ и войскъ они объясняли себѣ бунтомъ козаковъ, которые шатались гдѣ то тамъ подлѣ нихъ, на Украинѣ. Въ своихъ домахъ они не насиживали мѣста, были рѣдкими гостями; вся ихъ болѣе цѣнная утварь была сложена въ монастырѣ оо. кармелитовъ подъ охраной Божіей Матери бердичевской; скота они не имѣли, потому что онъ можетъ подохнуть, да и гайдамаки могутъ его угнать; полей не засѣвали, потому что гайдамаки могли бы потоптать хлѣбъ конскими копытами; крестьянъ отпустили на оброкъ; этотъ оброкъ и продажа лѣсовъ давали имъ достаточно дохода. Дочерей оставляли на сохраненіе сосѣдямъ по очереди; „Шумъ“ сдѣлался уланскимъ капитаномъ; „Галасъ“—ксендзомъ; „Тартасъ“ и „Клопотъ“—поручиками; а два старика продолжали ѣздить изъ дома въ домъ.

Пани Грабовская, владѣлица Ягорлыка, Слободищъ и многихъ другихъ деревень, была когда то влюблена въ Казиміра Пулавскаго, когда тотъ былъ еще простымъ „товарищемъ“ народной кавалеріи и лихо танцовалъ мазурку и обертаса; ей было лѣтъ за 70, у нея были уже внуки и правнуки, а она, въ память предмета своей давней любви, наряжалась въ уланскую куртку и подъ звуки цыганской музыки плясала до изнеможенія, а потомъ горько плакала. Она была бѣдовая баба. Въ гусарскомъ ротмистрѣ Гернгроссѣ, хоть и нѣмцѣ, она увидѣла какое-то сходство съ Казиміромъ Пулавскимъ. Это былъ бѣдный нѣмчикъ, одинъ изъ тѣхъ, что ежегодно тянутся изъ Вестфаліи и Гессена въ подкрѣпленіе нѣмцамъ, усѣвшимся въ Россіи. Нѣмчикъ, съ вѣдома полковника, тоже нѣмца, позволилъ полькѣ похитить себя. Нѣмчикъ былъ скромный, понятливый, извѣстно,

какъ нѣмчикъ, высланный на заработокъ въ славянскій край, готовый на все, чтобы только на старость не быть оборваннымъ нѣмцемъ, выучился говорить по польски, какъ Казиміръ Пулавскій, и танцовалъ, какъ и онъ, мазурку и обертаса, носилъ конфедератку. Черезъ годъ, худой какъ копченка, но съ набитыми золотомъ карманами, онъ перевелся въ гвардію и поступилъ въ адъютанты къ княгинѣ Б.

Воздухъ этой бердичевской округи былъ наполненъ духомъ высокой фантазіи, вслѣдствіе плодородной почвы или, можетъ быть, вслѣдствіе еврейскихъ штукъ, такъ какъ въ одномъ Бердичевѣ считалось по переписи 40,000 евреевъ.

Въ Бердичевѣ было ежегодно четыре ярмарки и каждая продолжалась почти 4 недѣли. На ярмаркахъ бывало по 40,000 лошадей въ табунахъ и по 20,000 въ конюшняхъ, по 100,000 головъ скота разнаго рода, а смолы и дегтю столько, что, кажется, хватило бы на всю Россію, а что касается до товаровъ, женскихъ уборовъ и украшеній, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, то голова шла кругомъ при взглядѣ на все это. Были гастрономическія учрежденія, которыя сдѣлали бы честь Парижу, Лондону, Вѣнѣ и о которыхъ Стамбулу и не снилось; были кондитерскія, былъ театръ, гдѣ давались комедіи, трагедіи, мелодрамы, былъ циркъ. Бердичевъ съ Гнилопятомъ былъ все равно, что Стамбулъ съ Босфоромъ: кто въ немъ побылъ, тотъ никогда о немъ не забывалъ, а кто бывалъ тамъ на ярмаркѣ, тотъ непремѣнно хочетъ вернуться туда.

Шляхта и хлопы гуляли въ Бердичевѣ каждый по своему, но всегда по козацки.

Когда парубокъ хотѣлъ погулять во всю ивановскую, то покупалъ себѣ орѣховое сѣдло, сыромятную уздечку, ногайку и дикаго коня изъ табуна. Въ пятницу подъ вечеръ, когда евреи прекращаютъ торговлю и, готовясь къ шабашу, снуютъ по улицамъ, какъ муравьи, молодецъ сѣдлалъ своего коня передъ махновской, бѣлопольской или житомирской рогаткой, и вскочивши на него, мчался по улицѣ, поворачивалъ на право и на

лѣво, останавливался и, подбадривая нагайкой коня, колотилъ евреевъ; поднималась суматоха, крикъ, визгъ, но ни одинъ еврей не смѣлъ подступить ни къ коню, ни къ козаку, потому что ни отъ ногайки, ни отъ конскихъ копытъ не было защиты; всѣ толпятся, падаютъ другъ на друга, сбиваются въ кучу, какъ саранча, которая еще не можетъ летать. Когда парубокъ проѣдетъ такимъ образомъ до бродскихъ рогатокъ, за Гнилопятъ, то считается удальцемъ.

Шляхта копировала хлоповъ. Три брата Боровецкіе, получивъ огромное наслѣдство послѣ дяди, пропускали его слѣдующимъ образомъ. Въ огромной дядиной коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, возсѣдали три брата, а передъ ними и возлѣ нихъ лежали мѣшки съ серебряными рублями; конные козаки ѣхали впереди и позади. Такъ они торжественно въѣзжали чрезъ махновскую рогатку передъ самымъ шабашемъ, когда вездѣ полно евреевъ. Экипажъ ѣхалъ шагомъ, а братья разбрасывали на право и на лѣво рубли. Евреи бросали ради шабаша торговлю, но не поднять рубля—это былъ бы непростительный грѣхъ; рубли падали подъ колеса, подъ лошадей, евреи дрались между собою, и пока братья доѣзжали до бродской рогатки, то была уже цѣлая куча избитыхъ евреевъ.

На жалобы евреевъ полиція отвѣчала:

— Чертъ его знаетъ, что за козакъ это былъ, откуда пріѣхалъ и куда уѣхалъ, ищи теперь вѣтра въ полѣ!

Сажали ихъ же въ холодную и евреи за все сами же платились.

Бердичевскіе пески были, какъ Gieta въ Римѣ, еврейскимъ кварталомъ. Онъ находился въ углу между Житомирской и Бродской улицей и былъ заслоненъ отъ людскихъ очей каменными домами израильскихъ богачей. Это были кучи деревянныхъ домиковъ, тѣснившихся другъ возлѣ друга, перерѣзанныя неправильными уличками въ разныхъ направленіяхъ. За мельницами пески соприкасались съ болотистой частью Гнилопята. На улицахъ въ дождливое время была такая грязь, что до-

ходила коню до брюха. Смрадъ тамъ былъ такой, что, пройдя нѣсколько шаговъ по этимъ пескамъ особаго рода, всякій чувствовалъ головокруженіе. На пескахъ нельзя было найти ни одного христіанина. Квартиры тамъ не отдавались; тамъ жили одни евреи, съ блѣдными, желтыми лицами, подслѣповатыми, гноящимися глазами, а подъ домами были подземныя помѣщенія, гдѣ находилось множество лошадей и несчетное количество различныхъ контрабандныхъ товаровъ. Если полицейскіе бывали вынуждены предпринять экскурсію въ эту часть города, то вымазывались дегтемъ, какъ во время чумы, быстро появлялись и не долго оставались. На этихъ израильскихъ пескахъ жило отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ; тамъ были сосредоточены наибольшія богатства. Были такіе завзятые раввины, что тамъ раждались, тамъ же и умирали, не подышавъ ни разу въ жизни инымъ воздухомъ.

При самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ, у махновской рогатки была конная площадь; на небольшомъ отлогомъ возвышеніи обширное пространство, все заставленное клѣтками изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ. Туда во время ярмарокъ загоняли стада лошадей табунныхъ, заводскихъ, татарскихъ, киргизскихъ и всякихъ породъ азіатскихъ. Во всѣхъ конюшняхъ, во всѣхъ дворахъ были лошади. Въ то время лучшіе цуги выходили изъ стадъ президента Ивановскаго. Кромѣ лошадей въ станкахъ на ярмарочной площади, продавали лошадей въ табунахъ за городомъ, на бердичевскихъ лугахъ, и тамъ то выказывалась вся ловкость табунщиковъ и коней, бывшихъ подъ ними. Каждую ярмарку бывали конскіе бѣга на почтовой дорогѣ. Иввѣстнѣйшими спортсменами были Запольскіе, Абрамовичи и Мирза-Али. Бывали огромные пари.

Говоря объ ярмаркахъ и о Бердичевѣ, нельзя пройти молчаніемъ Абрамовичей. Это было зажиточное семейство, владѣвшее почти всей округой Мурованой Махновки. Родъ Абрамовичей былъ татарскій, получившій шляхетское достоинство въ очень давнія времена. Абрамовичи были смѣлы, остроумны, расторопны, какъ истые татары; торговали лошадьми,

любили мѣнять товары и по этому поводу вошли въ сношенія съ бердичевскими евреями и спекулировали вмѣстѣ; они были настоящіе представители ярмарочной шляхты; надуть хоть родного отца на лошадяхъ—это былъ подвигъ, которымъ можно было похвастаться. Но между ними были весьма достойные люди.

Въ Бердичевѣ была главная таможня для всего приднѣпровья, но не мнѣ не приходилось слышать объ открытіи когда нибудь контрабанды, а ее постоянно искали. Усердны были чиновники; но, должно быть, бердичевскіе евреи были добросовѣстными исполнителями уставовъ и законовъ.

Бердичевъ приносилъ огромные доходы и владѣльцу, и казнѣ. Достаточно сказать, что за одно право продавать дрожжи платилось ежегодно 40,000 злотыхъ польскихъ. Польскій народный банкъ устроилъ два отдѣленія: въ Бердичевѣ и въ Одессѣ.

Я такъ много написалъ объ еврейскомъ Бердичевѣ, какъ будто писалъ о старомъ Кіевѣ, потому что, по моему мнѣнію, только эти два города во всей юго-западной Россіи носятъ особый отпечатокъ, чуждый иноземнаго вліянія, оба не подтянуты подъ западные образцы и формы. Здѣсь еще вѣетъ славянствомъ, шляхетствомъ, козачествомъ... Старый Кіевъ это всеславянская столица славянскаго духа. Послѣ поляковъ-козаковъ явились поляки-русины и должны еще явиться поляки-славяне, потому что это колыбель вѣры славянской, вѣры народной. Въ Кіевѣ пало славянское рыцарство, въ немъ оно ростетъ и выростетъ во всеславянскаго великана.

Бердичевъ былъ скиніей шляхетской гордости; и евреи, и ярмарки были такъ же необходимы для питанія этой гордости, какъ душа для тѣла. Шляхтичъ въ Бердичевѣ не танцовалъ, не развлекался, не набирался ума, а только ярмарковалъ. Вскочилъ на коня, проѣхалъ на немъ галопомъ, рысью, показалъ его, ударилъ по рукамъ, спрыснулъ продажу

венгерскимъ или водкой, на полученныя деньги сыгралъ съ гусарами въ билліардъ или проплясалъ трепака съ дивчиной и снова на коня, продавать или покупать. Когда нѣтъ денегъ,— *настала бѣда—такъ до жида*: „займи Мошко, займи Сруль!". А *послѣ бѣды—берегитесь, жиды!* „гнилоглазый Берка! пархатый Гершко!". Ничего этого не встрѣтишь ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Германіи. Это было нѣчто чисто польское, шляхетское, гулящее, надменное, рыцарское и изъ этихъ ярмаркующихъ пановъ и балагулъ выйдутъ добрые славяне; они какъ были, такъ и останутся гордой шляхтой.

Въ этой округѣ процвѣтали не только ярмарки, но процвѣтали также и науки. Карлъ Сѣнкевичъ, изъ Калиновки; Янъ Сѣнкевичъ, трудолюбивый историкъ; Алексѣй Фелинскій, авторъ „Барбары"; Симонъ Конопацкій, чувствительный пѣвецъ идиллій; Піотровскій, талантливый изслѣдователь польскаго права и правъ иноземныхъ, имѣвшихъ примѣненіе въ Польшѣ; Словацкій, профессоръ литературы, отецъ Юлія Словацкаго; мои товарищи молодости, товарищи-саратники: Карлъ Ружицкій, Янъ Омецинскій, Михаилъ и Викентій Будзинскіе и др.—всѣ они были шляхтичи изъ бердичевскій округи, и всѣ показали, что умѣли владѣть и саблей, и перомъ.

Во всей Польшѣ, Литвѣ и юго-западной Россіи не было того, что было въ Бердичевѣ и въ его округѣ; тамъ гуляли пышно, шумно, по шляхетски, а не по французски и не по нѣмецки. Слово не говорилось на вѣтеръ, а дѣло было серьезнымъ дѣломъ.

Невозможно не помнить объ этомъ еврейскомъ Бердичевѣ; я уже состарѣлся, а все еще мечтаю о немъ, онъ такъ живо встаетъ передъ моими духовными очами, какъ будто я былъ въ немъ еще вчера, и я такъ люблю его, какъ будто бы долженъ былъ въ немъ жить и умереть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ.

Время Богдана Хмельницкаго, и въ частности 1654 годъ, можно назвать эпохой лишь внѣшняго политическаго соединенія Малороссіи съ русскимъ государствомъ, такъ какъ она сохраняла по прежнему свои національныя отличія, особенности внутренняго быта, самостоятельность административнаго и военнаго устройства, несмотря на частыя сношенія съ центральнымъ правительствомъ и присутствіе въ краѣ великорусскихъ чиновниковъ. Были времена, когда обособленность гетманщины нѣсколько уменьшалась, но наступали новыя, какъ, напримѣръ, въ царствованія императора Петра II и императрицы Елисаветы Петровны, когда ея автономія крѣпла, во всякомъ случаѣ полнаго сліянія Малороссіи съ прочими частями Россіи не было со времени Богдана Хмельницкаго болѣе столѣтія, т. е. съ 1654 года по 1764 годъ, въ которомъ было упразднено гетманское правленіе и который началъ собою новую эпоху въ исторіи Малороссіи, эпоху полнаго внутренняго сліянія Малороссіи съ другими областями обширной россійской имперіи, эпоху, главными дѣятелями которой были Екатерина Великая и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.

Послѣ того какъ было упразднено въ 1764 году гетманское правленіе и вмѣсто него учреждена малороссійская коллегія, президентомъ которой былъ назначенъ Румянцевъ, ассимиляція Малороссіи съ другими частями Россіи пошла быстрыми шагами, и наконецъ, указомъ 16 сентября 1780 г. повелѣвалось обсудить на мѣстѣ, какъ удобнѣе всего раздѣлить Малороссію на

три губерніи и каждую губернію на округи или уѣзды, указать губернскіе и уѣздные города и представить обо всемъ этомъ государынѣ для того, чтобы въ слѣдующемъ 1781 г. можно было ввести въ Малороссіи положеніе отъ 7 ноября 1775 г. о губерніяхъ [1]). Вслѣдствіе этого указа, Румянцевъ раздѣлилъ гетманщину на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую, что и было утверждено указами отъ 16 сентября 1781 г. [2]); одновременно онъ подалъ всеподданнѣйшую записку [3]), въ которой просилъ разрѣшить различные вопросы, возникшіе при новой организаціи управленія Малороссіей, и съ своей стороны предлагалъ различныя мѣропріятія. Записка эта представляетъ собою въ высшей степени важный историческій документъ, живо характеризующій личность Румянцева и его управленіе.

Близко и обстоятельно изучивши Малороссію, Румянцевъ затронулъ въ своей запискѣ столько вопросовъ, что трудно было разрѣшить ихъ, не ознакомившись съ ними предварительно въ подробностяхъ, а потому 26 октября 1781 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Румянцева, разрѣшавшій лишь нѣкоторые вопросы [4]).

Реформа малороссійскихъ полковъ и сотенъ въ военномъ отношеніи, почтоваго и таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе отлагались до будущаго времени.

Съ большею частью проведенныхъ въ запискѣ взглядовъ Румянцева императрица Екатерина II не согласилась.

Румянцевъ находилъ затруднительнымъ создавать на первыхъ же порахъ малороссійское шляхетство или дворянство, хотя бы только и изъ козачьей старшины, такъ какъ далеко не всѣ, нобилитованные польскимъ правительствомъ или получившіе еще при гетманахъ права русскаго дворянства, могли

---

[1]) Шафонскій. Топографическое описаніе etc. Кіевъ. 1851 г. Стр. 128.

[2]) П. С. З. №№ 15,227, 15,228, 15,229.

[3]) Рукописные матеріалы, на основаніи которыхъ составлена настоящая статья, заимствованы нами изъ яготинскаго архива князя Николая Васильевича Репнина.

[4]) Шафонскій, о. с. pp. 130 sq. Срв. П. С. З. № 15,265.

документально доказать свое „прирожденное“ шляхетское происхожденіе, между тѣмъ какъ многіе „козаки, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ и получили права шляхетства“. Кромѣ того, Румянцевъ находилъ такое оффиціальное выдѣленіе старшины, державшей себя и безъ того, благодаря своимъ земельнымъ богатствамъ, отдѣльно отъ остальной массы козачества, въ особое сословіе пока что и несправедливымъ, такъ какъ съ таковымъ выдѣленіемъ была связана и значительная разница въ правахъ: только утвержденные въ правахъ дворянства имѣли право выбора въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, а также право подсудности всѣмъ этимъ судебнымъ учрежденіямъ, тогда какъ, по мнѣнію Румянцева, и козаки, наравнѣ со шляхетствомъ, должны бы пользоваться уѣздными судами, а не нижними расправами, и что вообще эти послѣднія должны быть учреждены лишь кое-гдѣ, такъ какъ за исключеніемъ монастырскихъ и ранговыхъ крестьянъ, а также мѣщанъ, имѣющихъ свои управленія, коронныхъ или казенныхъ, или, такъ называемыхъ, свободныхъ войсковыхъ, подлежащихъ вѣдѣнію нижнихъ расправъ, оставалось очень мало.

Въ отвѣтъ на всѣ эти возраженія Румянцева, высшее правительство прислало, „для руководства и для наставленія дворянскихъ предводителей съ обществомъ, проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ *ясно и подробно* описаны всѣ тѣ качества и доказательства, которыя къ учрежденію благородства служатъ“. Императрица, желая выдѣлить въ Малороссіи дворянство, на подобіе великорусскаго, находила необходимымъ устроить расправы именно для козаковъ, предоставляя впрочемъ право рѣшать въ нихъ дѣла по старымъ правамъ, „до изданія лучшихъ и достаточнѣйшихъ“, почему и послѣдовало 22 сентября 1784 г. [1]) разъясненіе сената о подсудности козаковъ именно нижнимъ расправамъ, а 7 октября 1785 г. вышелъ

---

[1]) П. С. З. № 16,082.

высочайшій указъ на имя Румянцева объ увеличеніи числа нижнихъ расправъ въ Малороссіи [1]).

Выдѣляя шляхетство, императрица въ тоже время предоставляла козакамъ полную свободу записываться въ мѣщане и купцы, въ каковые были записаны также, по высочайшему повелѣнію, слободскіе раскольники, съ учрежденіемъ въ населенныхъ ими мѣстечкахъ черниговскаго и стародубскаго полковъ ратушъ. Съ увеличеніемъ такимъ образомъ числа мѣщанъ и купцовъ въ Малороссіи и со введеніемъ для нихъ общихъ положеній, не было надобности, конечно, держать особый словесный судъ для великорусскаго купечества въ г. Нѣжинѣ, а потому онъ и былъ уничтоженъ, согласно мнѣнію Румянцева.

Общая нивеллировка коснулась и нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ Румянцевымъ въ 1766 г. въ нынѣшнемъ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, подчиненныхъ, было, вѣдѣнію особаго коммиссара по административнымъ и судебнымъ дѣламъ,—нѣмцы приравнивались по своимъ правамъ къ казеннымъ крестьянамъ.

Ходатайство Румянцева объ устройствѣ въ г. Глуховѣ, въ домѣ, выстроенномъ для помѣщенія высшихъ присутственныхъ мѣстъ края, высшаго учебнаго заведенія, подъ названіемъ „Екатерининской коллегіи“, также не было уважено императрицей, а самое зданіе было пожаловано приказу общественнаго призрѣнія новгородъ-сѣверской губерніи, для обращенія его „на дѣла полезныя“. Отказано было также во временномъ оставленіи „на прежнемъ основаніи“, учрежденныхъ за гетмановъ, „фузилерной роты и надворной конной команды“ „въ сокращеніе излишнихъ расходовъ“.

Какъ видимъ, Екатерина II и Румянцевъ не сходились въ основныхъ взглядахъ по отношенію къ управленію Малороссіей: Румянцевъ находилъ, что полная ломка старыхъ порядковъ еще не своевременна и что ассимиляція края съ остальными частями государства должно произойти постепенно, императрица же стремилась къ скорѣйшему уничтоженію мѣстныхъ особенностей

---

[1]) П. С. З. № 16,274.

и полному слiянiю, что рѣзко выразилось въ ея рескриптѣ Румянцеву тамъ—были разрѣшены въ благопрiятномъ смыслѣ лишь частные вопросы, во всемъ же, что противорѣчило ея принципiальнымъ взглядамъ было отказано.

Первымъ по важности вопросомъ изъ возбужденныхъ Румянцевымъ въ его запискѣ, но отложенныхъ до болѣе подробнаго и внимательнаго обсужденiя, былъ вопросъ о реформѣ малороссiйскихъ войскъ, къ разрѣшенiю котораго вскорѣ и было приступлено.

I.

Учрежденіе въ Малороссіи карабинерныхъ полковъ.

Румянцевъ писалъ въ своей запискѣ, что съ раздѣленiемъ Малороссiи на губернiи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленiй большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленiя неизбѣжно ведетъ къ коренной реорганизацiи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнiя, что всего правильнѣе замѣнить прежнiе девять малороссiйскихъ полковъ въ военномъ отношенiи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ“, т. е. козаковъ по выбору, реестровыхъ, предназначенныхъ исключительно для военнаго дѣла, и раздѣливши ихъ на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленiи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду, и уравнять ихъ старшину въ соотвѣтственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссiйскiе козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны.

Находя это предложенiе Румянцева не вполнѣ еще всесторонне обдуманнымъ и нѣсколько несоотвѣтствующимъ ея

видамъ, императрица поручила ему подробно обсудить вопросъ о реформѣ малороссійскихъ войскъ по введеніи въ Малороссіи учрежденія о губерніяхъ, и представить ей свое мнѣніе.

Императрицѣ хотѣлось возможно скорѣе замѣнить вооруженныхъ поселянъ-козаковъ спеціально-организованнымъ регулярнымъ войскомъ, составивши его изъ мѣстнаго же населенія, но по общепринятому въ Россіи порядку.

Первымъ шагомъ болѣе ранняго времени въ этомъ направленіи былъ высочайше утвержденный 24 октября 1775 г. докладъ военной коллегіи о преобразованіи трехъ, находившихся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полковъ въ регулярные [1])— по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное вейско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Въ 1783 г. послѣдовалъ высочайшій указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ этомъ числѣ и три вышеупомянутые „легкоконные" полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человѣкъ въ эскадронѣ, или 828 человѣкъ въ полку, изъ коихъ 48 человѣкъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человѣкъ, т. е. по 20 изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсъ въ ихъ домы", такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній и каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополниться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подуш-

---

[1]) П. С. З. № 14,385.

наго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 г. [1]), съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соотвѣтственно учрежденію 1765 г. о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе [2]), а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого указомъ отъ 28 іюля 1783 г. повелѣвалось:

1) „На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпускать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманладскаго карабинернаго, которой слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатеринославскаго намѣстничества".

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному кригсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно высочайшему указу отъ 9 февраля 1784 г. [3]), и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полнаго порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ началь-

---

[1]) П. С. З. № 15,724.

[2]) П. С. З. №№ 12,293 и 12,344.

[3]) П. С. З. № 15,928.

никамъ малороссійскихъ войскъ, генералъ-поручику Нащокину и генералъ-маіору Каульбарсу, 6 февраля 1785 г. за №№ 224 и 225, и губернаторамъ—кіевскому, генералъ-поручику Ширкову, подъ № 226, и черниговскому, генералъ-поручику Милорадовичу, за № 227.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распредѣлить людей изъ трехъ расформированныхъ легконныхъ полковъ по вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ-и унтеръ-офицеровъ"; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полнаго комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ", давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и свойственникамъ при дряхомъ отцѣ или родственникѣ-хозяинѣ; стараться произвесть наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полнаго комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ коммиссаріатской и провіантской коммиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особыя команды для пріема всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полнаго снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ возвратить лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и инія военныя снаряды, кои полки и сотнѣ по прежней ихъ службѣ

имѣли", сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцеву по мѣрѣ хода дѣла.

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, переяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, нѣжинскій, кіевскій, софійскій и тверской.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужескаго пола.

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ слѣдующимъ образомъ:

1. Лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ выборныхъ козаковъ, которые несли воинскую повинность, и число душъ въ нихъ мужескаго пола [1]) въ сотняхъ лубенскаго полка—въ перволубенской 13 дворовъ, 319 душъ, во второлубенской 129 дворовъ, 628 душъ, въ снѣтинской 55 дворовъ, 134 души, въ чернушской 59 дворовъ, 179 душъ, городищенской 47 дворовъ, 226 душъ, первосѣнчанской 85 дворовъ, 318 душъ, второсѣнчанской 106 дворовъ, 445 душъ, перволохвицкой 110 дворовъ, 431 душа, въ части второлохвицкой, сосѣдней съ селеніями перволохвицкой, 82 двора, 266 душъ, въ части янишпольской, сосѣдней съ селеніями второлохвицкой, 30 дворовъ, 130 душъ; въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ жоравской 96 дворовъ, 586 душъ, въ первоварвинской 116 дворовъ, 1082 души, во второварвинской 122 двора, 938 душъ, въ сребрянской 147 дворовъ, 1109 душъ, въ части краснокoлядинской сотни, сосѣдней съ селеніями

---

[1]) Шафонскій, о. с. рр. 73—85. Число душъ по ревизіи 1764 г.

сребрянской сотни 78 дворовъ, 486 душъ, а всего набору въ лубенскій карабинерный полкъ подлежали 1275 дворовъ, 7277 душъ мужскаго пола.

2. Сѣверскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ миргородскаго полка—въ первомиргородской 155 дворовъ, 692 души, во второмиргородской 100 дворовъ, 326 душъ, въ хорольской 138 дворовъ, 477 душъ, въ городищенской 132 двора, 411 душъ, въ голтвянской 118 дворовъ, 1135 душъ, въ бѣлоцерковской 65 дворовъ, 479 душъ, въ остаповской 68 дворовъ, 106 душъ, въ богацкой 76 дворовъ, 587 душъ, въ устивицкой 56 дворовъ, 676 душъ, въ хресковской 43 двора, 43 души, въ сорочинской 81 дворъ, 213 душъ, въ шишацкой 82 двора, 403 души; въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первоковалювской 73 двора, 120 душъ, во второковалювской 70 дворовъ, 124 души, въ первоопошанской 127 дворовъ, 189 душъ, во второопошанской 90 дворовъ, 146 душъ, въ третьеопошанской 120 дворовъ, 220 душъ, въ куземинской 104 двора, 173 души, въ груньской 162 двора, 218 душъ, въ лютенской 220 дворовъ, 324 души, въ третьезенковской 146 дворовъ, 197 душъ, а всего набору въ сѣверскій карабинерный полкъ подлежало 2226 дворовъ, 7259 душъ.

3. Софійскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ полковой-прилуцкой 123 двора, 1142 души, въ переволочанской 116 дворовъ, 972 души, въ части красноколядинской сотни, сосѣдней съ селеніями иваницкой сотни; 51 дворъ, 442 души, въ иченской 160 дворовъ, 1194 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ конотопской 65 дворовъ, 460 душъ, въ ивангородской 115 дворовъ, 1217 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями ивангородской сотни, 30 дворовъ, 135 душъ, а всего набору въ софійскій карабинерный полкъ подлежали 495 дворовъ, 7357 душъ.

4. Тверской карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, прилуцкаго, нѣжинскаго и чер-

ниговскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ кіевскаго полка,—въ козелецкой 7 дворовъ, 257 душъ, въ носовской 4 двора, 131 душа, въ кобыжской 5 дворовъ, 178 душъ, въ кіевской 11 душъ бездомныхъ, въ гоголевской 185 душъ бездомныхъ, въ остерской 3 двора, 236 душъ, въ бобровицкой 15 дворовъ, 219 душъ, въ мринской 4 двора, 151 душа, въ бориспольской 69 дворовъ, 181 душа, въ моравской 12 душъ бездомныхъ, въ олишевской 53 двора, 308 душъ; въ сотняхъ переяславскаго полка—въ третьеполковой переяславской 129 дворовъ, 433 души, въ вороньковской 110 дворовъ, 329 душъ, въ барышевской 55 дворовъ, 140 душъ, въ березанской 203 двора, 502 души, въ басанской 141 дворъ, 341 душа, въ яготинской 130 дворовъ, 473 души; въ монастырищенской сотнѣ прилуцкаго полка 60 дворовъ, 544 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ веркіевской 82 двора, 703 души и въ дѣвицкой 87 дворовъ, 651 душа; въ сотняхъ черниговскаго полка—въ вибельской 106 дворовъ, 517 душъ и въ слабинской 62 двора, 341 душа, а всего набору подлежали въ тверской карабинерный полкъ 1325 дворовъ, 6844 души.

5. Стародубскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ стародубскаго полка—въ первополковой 66 дворовъ, 386 душъ, во второполковой 64 двора, 443 души, въ новомѣстской 74 двора, 471 душа, въ первопочепской 114 дворовъ, 556 душъ, во второпочепской 103 двора, 563 души, въ мглинской 73 двора, 437 душъ, въ топальской 64 двора, 414 душъ, въ новгородской 67 дворовъ, 820 душъ, въ шептаковской 52 двора, 586 душъ, въ погарской 134 двора, 707 душъ, въ бакланской 84 двора, 693 души; въ части понорницкой сотни черниговскаго полка, сосѣдней съ селеніями новгородской сотни, 70 дворовъ, 287 душъ, и въ ямпольской сотнѣ нѣжинскаго полка 129 дворовъ, 854 души, а всего набору въ стародубскій карабинерный полкъ подлежали 1094 двора, 7217 душъ.

6. Глуховскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ воронежской 121 дворъ, 911 душъ, въ глуховской 441 дворъ, 3842 души, въ кролевецкой 102 двора, 1296 душъ, въ коропской 112 дворовъ, 548 душъ, въ батуринской 195 дворовъ, 778 душъ, а всего набору въ глуховскій карабинерный полкъ подлежали 971 дворъ, 7375 душъ.

7. Кіевскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первогадяцкой 107 дворовъ, 186 душъ, во второгадяцкой 148 дворовъ, 254 души, въ третьегадяцкой 108 дворовъ, 167 душъ, въ рашевской 149 дворовъ, 225 душъ, въ первокамышанской 147 дворовъ, 283 души, во второкамышанской 103 двора, 132 души, въ веприцкой 125 дворовъ, 207 душъ, въ первозеньковской 173 двора, 305 душъ, во второзеньковской 161 дворъ, 264 души; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ части янишпольской сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 108 дворовъ, 497 душъ, въ глинской 232 двора, 1039 душъ, въ роменской 198 дворовъ, 665 душъ, въ хмеловской 233 двора, 1184 души, въ смѣлянской 125 дворовъ, 1065 душъ, въ константиновской 101 дворъ, 787 душъ, въ части второлохвицкой сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 25 дворовъ, 103 души, а всего набору въ кіевскій карабинерный полкъ подлежали 2243 двора, 7363 души.

8. Переяславскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ переяславскаго полка—въ первополковой 140 дворовъ, 495 душъ; во второполковой 128 дворовъ, 476 душъ, въ трехтемировской 45 дворовъ, 122 души, въ глемязовской 150 дворовъ, 360 душъ, въ золотоношской 101 дворъ, 311 душъ, въ кропивянской 178 дворовъ, 414 душъ, въ ирклѣевской 197 дворовъ, 1061 душа, въ каневской 108 дворовъ, 306 душъ, въ пещанской 62 двора, 159 душъ, въ домонтовской 26 дворовъ, 65 душъ, въ бубновской 9 дворовъ, 114 душъ, въ лѣплявской 26 дворовъ,

40 душъ; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ чигриндубровской 121 дворъ, 324 души, въ жовнинской 95 дворовъ, 754 души, въ горошинской 17 дворовъ, 179 душъ, въ лукомской 110 дворовъ, 334 души, въ яблуновской 115 дворовъ, 332 души, въ первопирятинской 114 дворовъ, 782 души, во второпирятинской 44 двора, 285 душъ, въ курѣньской 61 дворъ, 221 душа, а всего набору въ переяславскій карабинерный полкъ подлежали 1847 дворовъ, 7134 души.

9. Черниговскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ черниговскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ черниговской 62 двора, 347 душъ, въ бѣлоусской 68 дворовъ, 599 душъ, въ роѣцкой 89 дворовъ, 707 душъ, въ любецкой 62 двора, 599 душъ, въ сѣдневской 97 дворовъ, 588 душъ, въ городнянской 118 дворовъ, 843 души, въ березинской 91 дворъ, 241 душа, въ менской 175 дворовъ, 1005 душъ, въ столинской 64 двора, 188 душъ, въ сосницкой 155 дворовъ, 876 душъ, въ синявской 82 двора, 329 душъ, въ киселевской 92 двора, 505 душъ, въ волынской 69 дворовъ, 256 душъ, въ части понорницкой сотни, сосѣдней съ селеніями волынской и сосницкой сотенъ, 29 дворовъ, 174 души, а всего набору въ черниговскій карабинерный полкъ подлежали 1253 двора, 7257 душъ.

10. Нѣжинскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ первополковой 83 двора, 835 душъ, во второполковой 81 дворъ, 794 души, въ третьеполковой 95 дворовъ, 751 душа, въ четвертополковой 100 дворовъ, 983 души, въ заньковской 57 дворовъ, 615 душъ, въ прохорской 100 дворовъ, 1156 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями второборзенской сотни, 108 дворовъ, 948 душъ, въ поповской 90 дворовъ, 867 душъ, въ первоборзенской 126 дворовъ, 177 душъ, во второборзенской 100 дворовъ, 843 души, въ шаповаловской 125 дворовъ, 101 душа, въ новомлинской 66 дворовъ, 423 души, а всего 1131 дворъ, 8493 души.

Всего выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, подлежавшихъ набору въ карабинерные полки, въ бывшей гетман-

щинѣ оказалось: 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужескаго пола. Въ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ относительно числа козачьихъ дворовъ и числа душъ замѣчается несоотвѣтствіе первыхъ чиселъ со вторыми, такъ, напримѣръ, въ перволубенской сотнѣ показано 13 дворовъ и 319 душъ, что объясняется тѣмъ, что среди выборныхъ или реестровыхъ козаковъ были даже не имѣвшіе грунтовъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ:

1. Лубенскаго полка—въ Лубнахъ, Варвѣ, Снѣтинѣ, Чернухахъ, Городищѣ и Сенчѣ.

2. Сѣверскаго—въ Миргородѣ, Зуевцахъ, Устивицѣ, Ярескахъ, Бѣлоцерковкѣ и Голтвѣ.

3. Софійскаго—въ Ичнѣ, Переволочнѣ, Иваницѣ, Прилукѣ, Ивангородѣ и Красноколядинѣ.

4. Тверскаго—въ Козельцѣ, Носовкѣ, Выбляхъ, Олишевкѣ, Острѣ и Бориспол.

5. Стародубскаго—въ Стародубѣ, Мглинѣ, Погарѣ, Ямполѣ, Почепѣ и Шептакахъ.

6. Глуховскаго—въ Кролевцѣ, Воронежѣ, Глуховѣ, Коропѣ и Батуринѣ.

7. Кіевскаго—въ Гадячѣ, Веприкѣ, Рашевкѣ, Смѣломъ, Камишнѣ и Ромнѣ.

8. Переяславскаго—въ Переяславѣ, Лукомьи, Глемязовѣ, Золотоношѣ и Чигринодубровѣ.

9. Черниговскаго—въ Березнѣ, Менѣ, Сосницѣ, Синявкѣ, Любечѣ и Сѣдневѣ.

10. Нѣжинскаго—въ Борзнѣ, Шаповаловкѣ, Поповкѣ, Новыхъ Млынахъ, Занькахъ и Бахмачѣ.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскія войска къ полному сліянію и претворенію въ общей массѣ россійскихъ войскъ въ 1789 и 1791 гг. [1]), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплек-

[1]) П. С. З. №№ 16,784, 16,785.

тованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Еще одной пріуготовительной мѣрой къ полному сліянію малороссійскихъ войскъ съ великорусскими былъ высочайшій указъ военной коллегіи, отъ 10 апрѣля 1786 года, согласно которому долженъ былъ быть составленъ посредствомъ набора изъ малороссійскихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ одинъ гренадерскій полкъ въ 3,974 человѣка, въ число которыхъ, по указу военной коллегіи, было включено 1,000 человѣкъ изъ козаковъ-карабинеровъ, по сту человѣкъ отъ каждаго карабинернаго полка, въ возмѣщеніе которыхъ должно было поступить въ карабинерные полки по столько же человѣкъ монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Въ моментъ введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., помѣченному Кіевомъ, монастырскихъ крестьянъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось: въ кіевской губерніи 41,911 душъ мужескаго пола, въ черниговской 18,961 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 36,525 д. м. п., всего 97,397 д. м. п. Но такъ какъ дополнительное укомплектованіе гренадерскаго полка изъ однихъ монастырскихъ крестьянъ въ количествѣ 2,974 человѣкъ, при ихъ малочисленности, было бы для нихъ крайне обременительнымъ, то Румянцевъ предписывалъ въ своемъ ордерѣ, включивши извѣстную долю монастырскихъ крестьянъ въ составъ формируемаго полка, пополнить до положеннаго комплекта путемъ набора изъ козаковъ вообще, какъ выборныхъ, такъ и подмощниковъ [1]), которыхъ оказалось по послѣднимъ вѣдомостямъ—въ кіевской губерніи 147,564 души муж. пола, въ черниговской 174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 106,809 д. м. п., всего 428,442 д. м. п. По сдѣланному Румянцевымъ расчисленію, нужно было брать одного рекрута изъ

[1]) Шафонскій, l. c. § 32.

каждыхъ 132 человѣкъ, что составляло въ кіевской губерніи 1,117 рекрутъ изъ козаковъ и 316 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ черниговской 1,318 изъ козаковъ, 143 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ новгородъ-сѣверской 804 изъ козаковъ, 276 изъ монастырскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ вновь учрежденный малороссійскій карабинерный полкъ составился изъ 1,000 человѣкъ выборныхъ козаковъ, взятыхъ изъ состава карабинерныхъ полковъ и замѣщенныхъ такимъ же количествомъ монастырскихъ крестьянъ, изъ 2,239 козаковъ-подпомощниковъ и изъ 735 монастырскихъ крестьянъ, что и составило полный комплектъ въ 3,974 человѣка; тысяча душъ изъ монастырскихъ крестьянъ, для пополненія карабинерныхъ полковъ, была набрана сверхъ 735 рекрутъ-гренадеровъ.

При наборѣ предписывалось имѣть въ виду выбирать, въ присутствіи главнаго гражданскаго начальника бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, экономіи директора [1]), людей здоровыхъ и годныхъ къ военной службѣ, передать выбранныхъ офицерамъ, командированнымъ для принятія рекрутъ отъ карабинерныхъ полковъ, а затѣмъ, чтобы штабъ-офицеръ гренадерскаго полка распредѣлилъ ихъ въ гренадерскій и карабинерные полки, куда ихъ и должны были препроводить карабинерные оберъ-офицеры.

Въ слѣдующей главѣ мы ознакомимся съ устройствомъ почтъ и таможенъ въ Малороссіи при Румянцевѣ, реформа которыхъ была также отложена на нѣкоторое время Екатериной II въ ея рескриптѣ Румянцеву, отъ 26 октября 1781 года.

Н. В. Стороженко.

[1]) П. С. З. № 16,374. Указъ синоду отъ 10 апрѣля 1786 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. Никогда еще интересъ къ архивнымъ документамъ по русской исторіи не былъ столь значителенъ, какъ въ настоящее время; и это потому, что центромъ изученія сдѣлались теперь средній и новый періоды нашей исторіи — XVI — XVIII вѣка. Современные изслѣдователи не ограничиваются внѣшнею, политическою исторіею, а сосредоточиваютъ свое вниманіе на внутренней культурной—на бытѣ экономическомъ, юридическомъ и т. д. Вмѣстѣ съ такимъ стремленіемъ существуетъ желаніе расширить границу изслѣдованія въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ—изучать не только исторію государственныхъ центровъ, но и областей со всѣми особенностями ихъ быта, ибо только при такомъ изученіи мы сможемъ себѣ составить правильное понятіе о судьбахъ *всей* русской земли и *всего* русскаго народа. При такой постановкѣ дѣла особенный интересъ пріобрѣтаютъ мѣстныя собранія рукописныхъ историческихъ матеріаловъ.

О важномъ значеніи мѣстныхъ областныхъ и губернскихъ архивовъ распространяться нечего: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ основанные на нихъ труды. Частныя коллекціи рукописей также подчасъ представляютъ большой интересъ для изслѣдователя. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно вспомнить о богатомъ архивѣ извѣстнаго изслѣдователя южнорусской старины А. М. Лазаревскаго (въ Кіевѣ). Его послѣдняя большая работа (Описаніе Старой Малороссіи. Стародубовскій полкъ) почти цѣликомъ основана на данныхъ этого хранилища.

Что покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій собиралъ историко юридическіе матеріалы, касающіеся южной Россіи, это было извѣстно многимъ; печатныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей

сообщены имъ въ его изданіи «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ». Занимаясь въ послѣднее время вопросомъ о магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи, я сильно заинтересовался рукописными матеріалами А. Ѳ. Кистяковскаго, относящимися къ предмету моего изслѣдованія. Тамъ, между прочимъ, должны были оказаться переводы и передѣлки магдебургскихъ «правныхъ» книгъ, ходившіе по рукамъ у мѣстныхъ юристовъ. Въ январѣ текущаго года я и совершилъ *археографическую* экскурсію въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ себѣ нѣкоторыя извлеченія изъ архивныхъ документовъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, въ университетской библіотекѣ, у А. М. Лазаревскаго и супруги покойнаго профессора А. И. Кистяковской. Въ настоящей краткой замѣткѣ я остановлюсь только на послѣднихъ.

Въ самомъ началѣ я долженъ впрочемъ оговориться, что мнѣ удалось пересмотрѣть только то собраніе рукописей, которое въ настоящее время приведено въ извѣстность. Что же касается матеріаловъ по обычному праву, еще не разобранныхъ, то я ихъ вовсе не касался.

Число номеровъ рукописей не велико; но большая часть ихъ состоитъ изъ обширныхъ книгъ, или картоновъ, заключающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ документовъ.

Видное мѣсто въ коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго должны занять рукописные экземпляры *Литовскаго Статута*, бывшаго, какъ извѣстно, дѣйствующимъ законодательнымъ сборникомъ въ судахъ лѣвобережной Малороссіи. Хотя рукописи эти очень обстоятельно были описаны самимъ Кистяковскимъ, тѣмъ не менѣе они могутъ послужить еще предметомъ изслѣдованія въ виду того, что вопросъ о редакціяхъ Лит. Статута, бывшихъ въ употребленіи въ малорос. судахъ рѣшается далеко не одинаково изслѣдователями (проф. Кистяковскимъ, В. И. Баршевскимъ и И. В. Теличенкомъ); важное значеніе при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ языкъ этихъ списковъ, а онъ въ достаточной степени не изученъ. Въ тѣсной связи съ статутами стоятъ *извлеченія и отрывки переводовъ изъ книгъ Магдебургскаго права*—Саксонскаго зерцала и Порядка, помѣщающіеся въ сборникахъ вмѣстѣ съ другими документами. Для рѣшенія вопроса объ измѣненіяхъ, которыя претерпѣло магдебургское нѣмецкое право въ Малороссіи, они представляютъ весьма важный матеріалъ, въ значительной степени впрочемъ исчерпанный самимъ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Цехи, какъ извѣстно, составляли органическую часть магистратскаго

самоуправленія. А. Ѳ. Кистяковскій, очевидно, систематически подбиралъ матеріалы для исторіи цеховъ въ Малороссіи: по крайней мѣрѣ *цеховыя книги* составляютъ самую значительную часть его коллекціи. Почти всѣ онѣ, за исключеніемъ двухъ, относятся къ кіевскимъ ремесленнымъ корпораціямъ и обнимаютъ XVIII й и нач. XIX в. Вотъ перечень этихъ книгъ: 1) грамоты *крамарскаго* цеха, 2) книги *гончарскаго* цеха—одна съ 1788—1831 г., 3) другая съ 1776 г. 4) третья ученическая и подмастерская съ 1786 г. 5) четвертая съ 1792 г., 6) пятая ученическая съ 1786 г., 7) приходо-расходная ковальскаго цеха съ 1753 г., 8) книга цехмистра ковальскаго Ст. Козыря съ 1777 г., 9) протокольная книга *ковальскаго* цеха съ 1803 г., 10) записная книга кузнечнаго цеха съ 1816 г., 11) приходо-расходная молодецкая и книга *кравецкаго* цеха (1800 г.), 12) дѣла кушнирскаго цеха 1816 г., 13) расходная книга кушнирскаго цеха съ 1825 г., 14) другая съ 1814 г., 15) книга цеха *мелочныхъ торговцевъ* съ 1815 г., 16) книга цеха *перепечайскаго*, 17) записная книга *рѣзницкаго* цеха съ 1746 г., 18) реестръ рѣзницкаго цеха съ 1772 г., 19) такая же книга съ 1760 г., 20) третья съ 1779 г., 21) расходная книга *ткацкаго* цеха съ 1786 г., 22) записная книга ткацкаго цеха съ 1764 г, 23) такая же съ 1790 г., 24) третья съ 1786 г., 25) журналы *плотницкаго* цеха, съ 1813 г. Двѣ остальныя книги относятся къ *полтавскимъ* цехамъ—26) *рѣзницкому* съ 1765 г. и 27) *бондарскому* съ 1753 г.

Уже изъ этого простаго перечня видно, какой богатый матеріалъ для исторіи цеховъ въ Малороссіи вообще и въ Кіевѣ въ частности заключаетъ въ себѣ библіотека А. Ѳ. Кистяковскаго. Судьба кіевскаго магистратскаго самоуправленія извѣстна намъ очень мало; въ отдѣльныхъ статьяхъ (И. М. Каманина, Ѳ. Г. Лебединцева, Н. В. Молчановскаго, А. А. Андріевскаго) затронуты только отдѣльные эпизоды ея; что же касается собственно цеховыхъ порядковъ, то они намъ извѣстны еще меньше. Печатныхъ матеріаловъ о внутренней организаціи и жизни южнорусскихъ цеховыхъ корпораціи XVIII в. также почти нѣтъ. Такимъ образомъ, цеховыя книги коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго пріобрѣтаютъ особенный интересъ для того лица, которое вздумало бы заняться исторіей южнорусскихъ цеховъ вообще и кіевскихъ въ особенности.

Для исторіи кіевской городской общины въ б-кѣ А. Ѳ. Кистяковскаго есть еще 2 очень цѣнныя рукописныя книги—1) громадный фоліантъ, заключающій въ себѣ всѣ *привилегіи г. Кіеву* (въ до-

вольно древнихъ спискахъ, очевидно, оффиціальнаго происхожденія) и 2) *сборникъ жалованныхъ грамотъ кіевскому магистрату* на его права и вольности. Едва ли кто будетъ спорить, что историческая жизнь «матери городовъ русскихъ»—Кіева изучена далеко не достаточно. Между тѣмъ для исторіи его въ XVII—XVIII ст. имѣются новые и весьма важные документы, проливающіе яркій свѣтъ на мало извѣстныя доселѣ стороны его жизни. Они должны быть извлечены изъ архивовъ—и это можетъ сдѣлать кіевская археографическая коммиссія. Серіи актовъ о городахъ, издаваемыхъ коммиссіей, вышелъ всего одинъ томъ (подъ ред. В. Б. Антоновича), а слѣдующій томъ могъ бы быть посвященъ спеціально г. Кіеву. Намъ извѣстно даже что, одно лицо, не мало потрудившееся надъ собираніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи г. Кіева, намѣрено заняться такой работой. Остается пожелать, чтобы у кіевской коммиссіи нашлись средства для такого полезнаго предпріятія. А если оно осуществится, то указанные мною сборники А. Ѳ. Кистяковскаго должны будутъ доставить для этого изданія обильную жатву.

Книга судебныхъ рѣшеній полтавской ратуши (съ 1691 г.) представляетъ значительный интересъ для исторіи нашего процесса и суда и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія историка и юриста, тѣмъ болѣе что приговоровъ магистратскихъ судовъ издано немного (протокулы стародубовскаго магистрата и отрывки изъ нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ).

Для исторіи полтавскаго полка имѣется еще н.много другихъ матеріаловъ; таковы *компуты полт. полка 1723 и 1731 г.* и цѣлый рядъ отдѣльныхъ документовъ *историко-статистическаго содержанія* (перечень ульевъ на пасѣкахъ, мельницъ и т. п.).

Кромѣ этихъ матеріаловъ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько серій актовъ, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ лѣвобережной Малороссіи; таковы документы, доставленные г. Небольсинымъ, собраніе купчихъ и другихъ аналогичныхъ бумагъ, сборникъ автографовъ и другихъ отдѣльныхъ документовъ XVII—XVIII в. (въ количествѣ 100 штукъ) и, собраніе высокомонаршихъ грамотъ, архіерейскихъ указовъ, универсаловъ и т. п. съ 1733 г. (Здѣсь интересенъ Указъ о самозванцѣ Ив. Миницкомъ).

Закончимъ свое обозрѣніе указаніемъ на «Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано въ правительствующемъ сенатѣ по малороссійской экспедиціи. 1786 годъ». Вотъ оглавленіе этихъ 19 частей: 1) о

преждебывшемъ въ Малой Россіи и нынѣшнемъ главномъ правленіи; 2) о среднихъ и нижнихъ малороссійскихъ прежнихъ и нынѣ существующихъ судахъ и ихъ должностяхъ, 3) о апелляціяхъ, 4) о правахъ малороссійскаго народа, 5) о доходахъ малороссійскихъ, 6) о бывшихъ въ Малой Россіи ревизіяхъ, 7) о добрахъ, принадлежащихъ государю, 8) о содержаніи въ Малороссіи полковъ, 9) о преимуществахъ прежде данныхъ малороссійскимъ городамъ и о нынѣшнемъ постановленіи, 10) объ имѣніяхъ и преимуществахъ шляхетскихъ, 11) о козацкихъ вольностяхъ и ихъ имѣніяхъ, 12) о охочекомонныхъ компанейскихъ полкахъ, 13) о чинѣ, преимуществахъ и имѣніяхъ духовныхъ, 14) о малороссійскихъ чиновникахъ, 15) о арматѣ или артиллеріи малороссійской и о бывшихъ тамъ пороховыхъ заводахъ, 16) о простомъ народѣ, 17) о грекахъ, 18) о присоединеніи нѣкоторыхъ мѣстечекъ отъ Малороссіи къ екатеринославскому намѣстничеству, 19) о раскольникахъ, поселившихся въ Малороссіи изъ великороссійскихъ и разныхъ людей.

Этотъ «Экстрактъ» оффиціальнаго происхожденія и напоминаетъ намъ «Экстрактъ о слободскихъ полкахъ» (изданный мною во 2-мъ томѣ «Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьк. и сосѣднихъ курской и воронежской губ.»). Онъ весь состоитъ изъ выписокъ, систематически извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Значительная часть этихъ документовъ намъ извѣстна, но есть и неизвѣстные. Отдѣльныя части «Экстракта» могутъ явиться полезными конспектами при составленіи монографій по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, а въ совокупности своей даютъ хотя краткое, но довольно ясное понятіе о внутреннемъ устройствѣ Малороссіи съ пол. XVII до к. XVIII ст.

Въ заключеніе своей краткой замѣтки приведу два подлинные документы, касающіеся *кіевскаго магистрата* и *ковальскаго цеха.*

1) Въ концѣ сборника, заключающаго въ себѣ привилегіи кіевскаго магистрата, находится слѣдующее извѣстіе о магистратскихъ распорядкахъ: «По давнему обыкновенію, которое оному городу привилегіею отъ короля польскаго Яна Казимира 1649 года апрѣля 3 дня и по жалованнимъ на рангъ войтовскій какъ протчіимъ здѣшнимъ войтамъ, такъ и нынѣшнему войту грамотамъ, а особливо и по праву книги Порядокъ, въ придаткахъ до порядку и артикуловъ

права майдебургскаго, на стр. 30 напечатанному, утверждено ежегодно въ день середопостный въ магистратѣ кіевскомъ публѣчно бываетъ элекція, на которой вольными голосами избираются оного магистрата чиновники, яко то бурмистръ, райца, медовій шафарь, лавникъ, пивній шафарь, инстигаторъ и урядники и по избраніи, въ силѣ означеннаго майдебурскаго права книги Порядка части 1-й, на стр. 14, 23 и 25-й напечатаннаго, всѣ оніе чиновники и урядники въ соборной церквѣ приводятся къ присягѣ и по учиненіи той присяги, бурмистръ и райца чрезъ тотъ годъ содержатъ и управляютъ магистратскую экономію и присутствуютъ у дѣлъ; по окончаніи же того года временемъ бываютъ въ разсмотрѣніи по магистрату кіевскомъ колодничьихъ, челобитческихъ и гражданскихъ дѣлъ, а въ семій паки мѣсто свое засѣдаютъ, а писарь при должности своей безпремѣнно ежегодъ бываетъ, прочіе же вышеписанніе чиновники и урядники ежегодно перемѣняются, должность же ихъ черезъ тотъ годъ состоитъ такова: медовій и пивній шафарь содержатъ мѣсніе бровари и зъ оныхъ въ магистратскіе шинки для продажи производятъ медъ и пиво; лавникъ и инстигаторъ присутствуютъ у судѣ и въ другіе случаючіеся по магистрату кіевскому опредѣляются дѣла; урядники опредѣляются въ кварталъ для произвожденія мелкихъ по магистратской экономіи расходовъ и къ смотрѣнію магистратской ваги, въ шпѣхнѣръ для продажи напитковъ, къ смотрѣнію почты, къ содержанію хлѣбныхъ магистратскихъ мѣръ, къ отводу пріѣзжаючимъ въ Кіевъ армейскихъ полковъ штапъ и оберъ и ундеръ офицерамъ и рядовымъ драгунамъ и солдатамъ квартиръ и покупкѣ для необходимыхъ магистратскихъ потребностей лѣсу, къ заготовленію на почтовыя лошади сѣна, къ сбору куничныхъ денегъ и въ другіе случаючіеся по магистратской экономіи дѣла».

(Экстрактъ привил. кіев. магист. и мѣщанамъ 1769 г., № $\frac{XIII}{84}$).

---

2) *Реестръ записки цеху ковальскаго съ 1753 г. отъ марта мѣсяца числа 15 по мартъ же мѣсяцъ 1754 г., въ которомъ значитъ записка приходовъ и расходовъ разнихъ за цехмистровства пана Прокопа Даниловича чрезъ весь годъ.*

Въ началѣ принялъ отъ цехмистра Прокопа Иванова въ цеховой скринцѣ готовыхъ денегъ 4 р. 10 к.; Степанъ Стельмахъ за молодчество далъ 1 р.; Сава Сидоровъ за ключницство—2 р.; Иванъ

Стельмахъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за молодечество—50 к.; Прокопъ Желѣзнякъ столповаго—1 р.; Никита Усъ—1 р.; да еще онъ же Никита далъ 25 к.; Романъ Филиповъ за молодечество—50 к.; отъ пана Луки Лятошевича проценту—2 р.; Наумъ Николаевъ столповаго и ключництва—1 р. 10 к.; отъ Андрея Винаря за ліохъ принято—10 р.; отъ Ивана Острого Шкляра столповаго—1 р.; Степанъ Стельмахъ столповаго и молодечества—1 р.; Якимъ Андреевъ конвисаръ до скринки далъ 10 р. 50 к.; Степанъ Думницкій молодечества—1 р.; Романъ Коваль за ключництво—1 р.; Андрей Гребенникъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за ключництво—1 р.; Кондратъ Кобецъ далъ 1 р. 20 к.; Григорій Дзвонникъ за ключництво—2 р.; Федоръ Касьяновичъ за вызволокъ хлопця далъ 40 к.; онъ же Касьяновичъ аксамитнаго далъ 50 к.; Никита Носко за ключництво—2 р.; Романъ Филиповъ за ключництво—1 р.; Стефанъ Думнѣцкій за молодечество—50 к., Даніилъ шафарь за вызволокъ хлопця—40 к.; Стефанъ Думнѣцкій за кануництво—1 р.; Гордѣй Сидоровъ за вызволокъ хлопця—40 к.; Никита Усъ за молодечество—50 к.; Романъ Филиповъ коваль за канунництво—1 р.; онъ же Романъ еще за канунництво—1 р.; Прокопъ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Никифоръ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Максимъ Гребенникъ за канунництво 2 р.; Лазарь Гребенникъ за молодечество—1 р; Грыцько Гребенникъ за молодечество—1 р.; Желѣзнякъ, що вновь едналъ цехъ—1 р.; священникъ отецъ Алексѣй далъ—8 р.; Василь Желѣзнякъ—50 к.; Сава Сидоровъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Лазарь Гребенникъ столповыхъ—50 к.; Степанъ Думнѣцкій за ключництво—1 р.; Афанасій Шкляръ столповыхъ—1 р.; Стефанъ Григорьевъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Семенъ Стефановъ такожъ за вызволокъ хлопця—40 к.; Стефанъ Думнѣцкій ключництва—50 к.; Захарко Рымарь далъ 50 к.; Андрей Винарь за ліохъ далъ 10 р.; въ прибелѣ за канунъ на реестрѣ 6 р. 3 к.; Василь Тесля далъ 50 к.; сторожевыхъ денегъ съ братіи—3 р. 25 к.; итого всего 94 р. 83 коп.

Расходъ разный: подъ часъ элекціи на вино и на закуску здержано денегъ 4 р., сторожу бочковому Фомѣ Пальчику задатку дано—1 р.; ему жъ Пальчику еще дано 1 р.; къ страстемъ Христовымъ на расходнія свѣчки и на ставникъ, такожъ маляру за работу и свѣчарницѣ сойшло денегъ—6 р. 50 к.; бондару за набивку бочки подъ ратушъ—4 к., Ивану Волошину за писарство дано 1 р., якъ ходили по элекціи спервоначала до пановъ, на хлѣбъ и на вино сойшло—46 к., подъ часъ праздника Воскресенія Христова на ралецъ до на-

новъ сойшло денегъ 3 р. 60 к.; къ тому жъ празднику до церкви Воведенія сдѣлали прилѣпку, дано денегъ — 72 к.; якъ было въ цеху для осмотру правъ сѣножатнихъ панъ лавникъ Кувѣчинскій и панъ Лукьяновичъ, взято вина квартъ двѣ — 20 к.; якъ ходили до пана писаря, хлѣба за 2 к.; пану Лукьяновичу, что написали въ Глуховъ вѣрующую, дано 50 к.; до пана Кувичинскаго, якъ ходили въ домъ, на вино и на хлѣбъ сдержано — 58 к.; куплено до бочки ведеръ 2, дано 4 к.; отесъ 2 до бочки жъ дано 2 к., якъ былъ панъ лавникъ Кувѣчинскій въ цеху за дѣломъ цеховымъ при сходцѣ, куплено вина квартъ три — 30 к., якъ ездили до полковника Де Боскета съ доношеніемъ, куплено вина, хлѣба и барана всего на 83 к., пану Кувѣчинскому на дорогу въ Глуховъ дано 10 р.; тогда жъ ему куплено въ домъ вина квартъ 8 — 80 коп.; хлѣба за 5 к.; канцеляристѣ Слюсарскому за переписку сѣножатныхъ правъ и за доношеніе писанное до Де Боскета и за протчіе въ томъ его труда дано 1 р., куплено барыло до цеху для потребы дано 7 к., къ празднику Сошествія Св. Духа куплено клечанья и травы за 9 к., за справкою якъ ходили до попадѣ Царяконстантиновской сторони правъ сѣножатнихъ куплено хлѣба за 2 коп.; молодшого якъ нанято до цеху дано задатку — 10 к.; да рубашку жъ ему куплено — дано 10 к.; якъ ходили дозволятись до пановъ собирать штиховое на Коренювщинѣ здержано денегъ 70 к., якъ подавали въ губернскую челобитную за римарскую сѣножать на извозчики и на прочее здержано денегъ 50 к., вина взято квартъ семь — 70 к., пану писарю за выданье правъ сѣножатныхъ дано 2 р., до его жъ хлѣба за $5^1/_2$ к., къ празднику верховныхъ апостолъ Петра и Павла на братерскій обѣдъ куплено поросятъ 4, дано 30 к.; мяса яловичаго за 36 к., свинаго мяса и колбасъ за 66 к., меду прѣснаго квартъ 2 — 28 к., ладану и перцю за 6 к., соли за 1 к., цибули за 1 к., булокъ и ситницъ за 28 к., вина квартъ 4 — 40 к., пива гарцей 4 — 12 коп., круповъ на начинку до поросятъ — $1^1/_2$ коп., сала за 2 к., на молебенъ копѣекъ — 26, звозчику за привозку стравы зъ дому въ цехъ — 2 к., на другій день на снѣданье куплено колбасъ за 6 к., мяса свинаго за 6 к., булокъ за 2 к., вина квартъ три — 30 к., куховарцѣ за труда дано которая готовила кушать — 30 к., звозчику за отвозъ посуды зъ цеху въ домъ дано 2 к., за поправку коляски пана Кувѣчинскаго — 35 к., якъ ѣздили на сѣножать съ братіею на хлѣбъ и на мясо здержано денегъ — 88 к., пива взято гарнца четыре — 12 к., меду гарцей два — 20 к., водки квартъ двѣ — 20 к., вина квартъ три — 30 к., черницъ до вареной горѣлки за 3 к., цибули за 1 к., тудажъ

на сѣножать взято горѣлки ведеръ три по 30 коп. ведро, итого—90 к., якъ отдавали права сѣножатніе въ Глуховъ, на вино сдержано—30 к., потижнику Никитѣ Кошубѣ на дорогу—10 к , якъ пріѣхалъ панъ Кувѣчинскій зъ Глухова, взято на поклонъ вина квартъ пять—50 коп., хлѣба за $2^1/_2$ к., куплено колесъ пару до бочки подъ ратушъ—14 коп., якъ ѣздили на сѣножать римарскую для осмотру граней зъ братіею на звозчики здержано—40 к., на хлѣбъ—4 к., меду гарцей 2—20 к., къ Успенію пресв. Богородицы воску на ставникъ куплено фунтовъ 8 по 22 к. фунтъ да свѣчарницѣ за работу дано 30 к., итого 2 р. 6 к., якъ ездили въ августѣ мѣсяцѣ съ паномъ Кувѣчинскимъ да съ цехмистрами на сѣножать для осмотру границы на звозчики здержано денегъ—23 к., вина квартъ 4—40 к., меду гарнецъ—10 к., водки квартъ 2 по 10 коп. 20 к., хлѣба за 4 к., до пана писаря якъ ездили въ хуторъ сторони сѣножати куплено вина за 66 к., хлѣба за 6 к., звозчику дано 12 к., якъ ходили до пановъ о дозволеніи медъ ситити, сойшло—1 р. 28 к.; къ празднику Козьмы и Демьяна на обѣдъ, на масо, на хлѣбъ и на протчое здержано денегъ—1 р. 70 к., да на другій день къ снѣданью на масо, на колбасы и на хлѣбъ всего—20 к., на панахиду сошло денегъ 85 к., на молебенъ—42 к., до церкви Воведенія на свѣчку куплено воску фунтовъ 14, цѣною фунтъ по 22 к., итого 3 р. 8 к., свѣчарницѣ за работу большой свѣчки—16 к., да за суканье ставника той же свѣчарницѣ—10 к., маляру за малюванье большой свѣчи—25 к., панамарю дано—2 к., до пана Кувѣчинскаго вина куплено квартъ семь—70 к., хлѣба за 3 к., до соборной церкви къ Рождеству Христову на свѣчку куплено воску фунтовъ семь по 18 к. фунтъ, итого 1 р. 26 к., свѣчарницѣ за работу дано 30 к., паламаревѣ—2 к., якъ ходили зъ ральцемъ до пановъ на праздникъ Рождества Христова здержано денегъ 3 р. 60 к., дровъ куплено до грубы въ цехъ за 9 к., священникамъ и чернцямъ Петропавловскимъ и дьякамъ, которые были съ кропиломъ роздано денегъ 35 коп., вина для цехмистровъ взято квартъ 5—50 коп., канцеляристѣ Киселевскому, якъ ехалъ въ Глуховъ, за дѣло цеховое дано 1 р. 95 к., отъ водосвятія якъ пришли на закуску куплено булокъ за 3 к., цехмистру шевскому за оплатку священникамъ, за молебенъ о Козьмѣ Демьяну отдано 10 к., на прощальную сходку взято вина квартъ 5 по 10 коп., итого 50 к., якъ молебенъ былъ о пану войту, взято вина кварту 10 к., Николаю Москаленку за писанье дано 1 р. 50 к., якъ сходка была на Матвѣйчука за сворованье деньги, взято вина квартъ 6 за 60 к., бумаги

куплено за $1^1/_2$ к., звозчику, что привезъ въ цехъ отъ дзвонника дзвонъ, дано 1 к., за бумагу и за оправку книги дано 10 к., сторожу Пальчику еще остальныхъ денегъ дано 3 р., за составленіе книги Москаленку дано 50 к., якъ били бурмистры и цехмистры въ Марка, вина взято квартъ 4 по 14 коп., итого 56 к., да еще квартъ 2 такожъ до высланнихъ якъ ходили—28 к., взято до пана Каневскаго вина квартъ 6—60 к., да булокъ за 3 к., такожъ до пана сотника будучого съ нимъ квартъ 6 вина—60 к., хлѣба за 3 коп., за обмазыванье хаты и за привозъ глины—80 к., за прорубку окна и замощенье лавокъ плотнику дано 20 к., чрезъ справу Матвѣйчика за воровство его 10 р., въ Мини взято будучи зъ цехмистрами и посторонними людьми квартъ вина 9 по 8 к., итого 72 к., въ Тулѣнского въ кушнерскомъ взято, якъ били панове райци Василій Жукъ и Григорій Богдановичъ и протчіе, вина квартъ 11 по 10 к., итого 1 р. 10 к., якъ порахунокъ былъ за рочное правленіе на закуску, на хлѣбъ, на икру да на оселедци здержано денегъ 20 к., да вина квартъ 2—20 к, въ расходѣ всѣхъ денегъ 88 р. $85^1/_2$ коп.; въ недочотѣ остается 5 р. 97 к.

При порахунку сего реестра били ихъ милость панъ шафарь Даніилъ Стефановичъ, панове цехмистры, Федоръ Селивестровичъ, Іоаннъ Бижимъ, Григорій Думницкій, Лука Лятошевичъ, Прокопъ Ивановичъ, въ присутствіи рочного цехмистра пана Андрея Медведя и при бытности его жъ пана Прокопа Даниловича и протчей братіи при сходкѣ въ цеху, якій реестръ зраховавши приходовъ и расходовъ чрезъ ввесь годъ правленія пана Прокопа Даниловича цехмистра признали заслушнимъ и въ несумѣнную твердость для предслѣдуючого времени вышеписанніе персоны подписали. При семъ порахунку былъ шафарь Даніилъ Стефановъ и по его велѣнію сынъ его Демьянъ Даниловъ подписался; къ сему порахунку вмѣсто цехмистровъ Ѳеодора Селивестровича, Іоанна Бижима, Григорія Думницкаго неписьменныхъ по ихъ прошенію Николай Москаленко подписался; засьбы и за Прокопа Иванова, такожъ и Гордѣя Сидорова цехмистровъ Лука Матошевичъ цехмистръ подписался.

Сообщилъ **Д. И. Багалѣй.**

Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. Въ галицко-русскомъ альманахѣ «Зоря Галицкая», изданномъ въ 1860 г. въ честь митрополита Яхимовича, у насъ въ Россіи весьма мало из-

вѣстномъ, находится, между прочимъ, статья Малиновскаго «О лѣтосчисленіи вообще христіанскомъ и русскомъ въ частности», трактующая о возникновеніи юліанскаго и григоріанскаго календарей—и положеніи ихъ въ Галиціи. Въ статьѣ Малиновскаго нѣтъ указаній на тѣ гоненія, которымъ подвергался въ старину въ южной Россіи юліанскій календарь со стороны польско-латинскаго духовенства. Объ этихъ гоненіяхъ подробно говорилъ потомъ Я. Ѳ. Головацкій въ Журн. Минист. Нар. Просвѣщ., и еще подробнѣе Н. Ѳ. Сумцовъ въ статьѣ, напечатанной въ «Кіевской Старинѣ». Любопытной частью статьи Малиновскаго представляются послѣднія шесть страницъ, заключающія въ себѣ хронологическій перечень мѣропріятій галицко-русскихъ властей по сокращенію числа народныхъ праздниковъ. Ни Головацкій, ни г. Сумцовъ не останавливались въ своихъ изслѣдованіяхъ на этихъ мѣропріятіяхъ. Въ виду большаго ихъ значенія въ жизни галицко-русскаго народа и косвеннаго отношенія къ неоднократно возникавшему на страницахъ нашихъ журналовъ вопросу о сокращеніи праздниковъ, краткое извлеченіе ихъ изъ упомянутой выше статьи Малиновскаго представляется не лишеннымъ историческаго и бытоваго интереса.

Въ 1720 г Замойскій соборъ подтвердилъ древнія церковныя постановленія относительно соблюденія постовъ великаго, рождественскаго, спасовскаго и петро-павловскаго; духовенству предоставлено было право освобождать отъ послѣдняго поста вполнѣ или отчасти, «понеже тогда настае жниво»; далѣе, требовалось соблюденіе поста въ день Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (29 августа) и въ среды и пятницы. По постановленію того же собора праздничными днями считались (для краткости буду обозначать ихъ только числами) въ январѣ: 1, 6 и 30; въ февралѣ 2; въ мартѣ 25; въ апрѣлѣ 23; въ маѣ 8 и 9; въ іюнѣ 24 и 29; въ іюлѣ 20 и 25; въ августѣ 6, 15 и 29; въ сентябрѣ 8, 14, 16 (Іосафата) и 26; въ октябрѣ 1; въ ноябрѣ 8 и 21 и въ декабрѣ 6, 9 (пренепорочн. зачатія пресв. Богородицы), 25, 26 и 27. Къ этимъ праздникамъ присоединялись еще подвижные: Воскресеніе Христово, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа, св. Троицы; тѣла Христова (въ четвергъ на первой недѣлѣ всѣхъ святыхъ по Сошествіи Св. Духа) и Состраданія (?) пресв. Богородицы (въ пятницу 2 седмицы по нед. всѣхъ святыхъ). Кромѣ того постановлено праздновать на Волыни день св. муч. Пантелеймона 27-го іюля и въ Литвѣ день св. Романа 2 мая и св. Давида 24 іюля—

уступка мѣстнымъ обычаямъ. Соборъ постановилъ въ «сіи праздничные дни оставляты роботы, пiятыку, плясы, торги и ины мiрски дѣла». Постановленія Замойскаго собора были утверждены папой Бенедиктомъ XIII въ 1724 г.

Въ 1773 г. галицкій губернаторъ Пергенъ потребовалъ сокращенія числа праздниковъ; но епископъ львовскій Левъ Шептицкій отвѣтилъ ему категорическимъ отказомъ, сославшись на то, что «престолъ римскій и правительство польское (ранѣе) ихъ оставило русинамъ».

Въ 1781 г. послѣдовало снова отъ губернатора такое же предложеніе, для устраненія «праздности народа», чтобы «вѣрныи могли свои (?) маетки помножаты», и также безуспѣшно.

Въ 1784 и въ 1786 годахъ губернаторъ предлагалъ перенести празднованіе нѣкоторыхъ праздниковъ на ближайшія къ нимъ воскресенія.

Съ конца 80 годовъ прошлаго столѣтія галицко-русское духовенство въ лицѣ львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго начало поддаваться давленію областныхъ властей, и послѣдовали «курренды» о сокращеніи числа народныхъ праздниковъ. Въ росписаніи тѣхъ дней, которые надлежитъ праздновать, изданномъ львовскимъ уніатскимъ епископомъ въ 1787 г., мы уже не находимъ праздниковъ св. апостола и евангелиста Іоанна 8 мая, перенесенія мощей св. Николая 9 мая, Успенія св. Анны 25 іюля, Іосафата 16 сентября (уніат. празд.), преставленія св. евангелиста Іоанна 26 сентября, Покрова пр. Богородицы 1 октября и непорочн. зачатія пресв. Богородицы 9 декабря; въ замѣнъ этихъ исключенныхъ праздниковъ вставленъ праздникъ вм. Димитрія 25 октября. Праздники Зачатія пр. Дѣвы Маріи и Тѣла Христова перенесены на ближайшія воскресенія.

Въ 1785 году губернаторъ предложилъ уменьшить «острыи и здоровью вредныи численныи посты греческаго каѳолическаго обряда», на основаніи донесенія «циркулярнаго физика», т. е. областнаго врача Петеры, что отъ постовъ увеличиваются болѣзни. Епископъ Бѣлянскій издалъ разрѣшеніе отъ 40 дневнаго поста, кромѣ середы и пятницы, съ добавленіемъ, что мясо разрѣшается ѣсть въ день не болѣе одного раза. Вскорѣ затѣмъ рождественскій постъ былъ сокращенъ на 9 дней, а петровскій и спасовскій совсѣмъ отмѣнены (30-го мая 1788 г.).

Въ 1792 г. тотъ же епископъ Бѣлянскій, по требованію свѣтской власти, предписалъ перенести празднованіе памяти в. мч. Геор-

гія, пр. Иліи и Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи на ближайшія воскресенія, чтобы «народъ въ оныи дни навыкалъ къ работамъ своимъ».

Въ 1816 г. вышло росписаніе праздничныхъ дней, повторяющее росписаніе 1787 г. съ измѣненіями, учиненными въ 1792 г.

Въ 1857 году католическій праздникъ пренепорочнаго зачатія пр. Богородицы выдвинутъ на свое прежнее мѣсто, т. е. на 9 дек.

Вотъ все, что намъ дала статья Малиновскаго; но и то немногое, что здѣсь отмѣчено, характерно для обрисовки галицко-русскаго религіознаго состоянія. Вторженія въ интимную жизнь народа, въ кругъ его вѣрованій, преданій и привычекъ повторяются часто и безцеремонно. Мотивы сокращенія числа праздниковъ рѣдко выставляются на видъ, да и то, что выставлено по этой части, можетъ быть заподозрѣно въ заднихъ мысляхъ. Трудно повѣрить намѣстнику Галиціи графу Пергену, что галицко-русскіе крестьяне небрегутъ о собственныхъ интересахъ, что онъ, Пергенъ, заботится о сокращеніи числа праздничныхъ дней въ году ради помноженія крестьянскихъ маетковъ. Можно подозрѣвать другіе основные мотивы, какъ то: желаніе католическаго духовенства перестроить галицко-русскіе праздники по латинскому образцу и желаніе пановъ впречь крестьянина въ рабочее ярмо.

Предписанія свѣтскихъ и духовныхъ галицко-русскихъ властей, касающіяся праздниковъ, очень туго проникали въ неуступчивую, консервативную галицко-русскую народную среду. Такой авторитетный знатокъ галицко-русскаго края, какъ скончавшійся недавно С. Качала, года три назадъ писалъ въ «Дѣлѣ», что галицкіе русины справляютъ праздники по стародавнимъ привычкамъ, не справляясь утверждены они или не утверждены высшими властями. **Н. С.**

Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. Печатаемый ниже документъ найденъ мною въ числѣ разнаго рода росписокъ и долговыхъ обязательствъ (облѣковъ), выданныхъ въ разное время (съ 1763 по 1788 г.) извѣстнымъ Шираямъ (Михаилу Стефановичу Шираю, подкоморому полка стародубовскаго). Написанный на сложенной въ длину четвертушкѣ желтоватой бумаги, онъ не имѣетъ даты, но качество бумаги и характеръ письма съ несомнѣнною ясностью показываютъ, что реестръ писанъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. и былъ составленъ, по всей вѣроятности, или знаменитымъ старо-

дубскимъ войтомъ Спиридономъ Шираемъ (1681—1708) или его сыномъ Степаномъ. Тѣ движимыя богатства, которыя успѣлъ собрать войтъ Ширай благодаря дѣятельному участію въ торговлѣ пенькою, хлѣбомъ и т. п., дали ему возможность широко пользоваться своими денежными средствами для вліянія, пріобрѣтенія земель и т. д. путемъ отдачи ихъ подъ залогъ недвижимости и за проценты. Длинный рядъ «облѣковъ» Михаила Ширая съ 1763 по 1785 г., «облѣковъ», выданныхъ то старшиною, то козаками, то, наконецъ, посполитыми, и за которые старшина платила около 4%, козаки около 5, а посполитые—до 6% съ обязательствомъ отслуживать и т. п., показываютъ, что родъ Шираевъ былъ банкирскимъ стародубскимъ родомъ, ихъ казна—ссудной кассой для всякаго рода лицъ.

Документъ или реестръ, очевидно, одна изъ страницъ въ дѣятельности ссудной кассы начала XVIII в. Онъ характеренъ для обѣихъ сторонъ, но особенно для обрисовки положенія козаковъ, вѣчно нуждавшихся въ движимомъ имуществѣ, вѣчно обращавшихся за деньгами, выдававшихъ закладныя на свое имущество, терявшихъ его и пополнявшихъ силу и вліяніе старшины. Въ документѣ предъ нами одинъ изъ такихъ нерѣдкихъ типовъ козака XVIII в. Онъ вѣчно въ долгу. «Позичка»—его средство существованія. Онъ беретъ то по 6 таляровъ, то по пяти и болѣе копѣекъ, но не можетъ уплатить долга и отдаетъ всю свою отчину за долгъ. Его зовутъ въ очередь на такъ называвшуюся «канальскую службу». Возвратившись, онъ попадаетъ въ прежнее, даже худшее положеніе и опять обращается къ Шираю. «Позичка» идетъ за «позичкою», она такъ часта, что аккуратный Ширай даже однажды «не упоминаетъ», сколько далъ онъ ему. Чѣмъ и какъ уплатилъ свой новый долгъ козакъ Ворона, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Но выходъ былъ одинъ—подданство.

Сопоставленный съ подобными же документами, выдаваемыми козаками въ XVIII в., настоящій курьезный «реестръ» можетъ послужить новымъ матеріаломъ для характеристики и экономическаго положенія козачества, и той почвы, на которой постепенно выросло крупное землевладѣніе старшины. Съ другой стороны, онъ не лишенъ значенія и интереса съ точки зрѣнія разговорнаго языка начала XVIII в.

Реистръ јакъ много позичалъ Ворона, козакъ, Хромъца Тишка зят, подъ Киевомъ.

Ја двама разамѣ позичил бѣтих таляровъ 6.

Еще позичилъ копѣекъ таляровъ два на кожухъ.

Z Москви прихавши Ворони позичил бѣтий таляръ.

Еще позичил копѣекъ зол. 5.

Еще Ворони позичилъ изъ своимъ тестемъ бѣтих таляровъ два: еденъ вернули, а другий zосталѣ виновати.

Jакъ Ворона z Оленою хотѣлъ позиватися, позичилъ бѣтого таляра, да после сего Ворона позичил едного чирвоного. На якую воронѣну потребу уzявши я у п-на свата копъ подобно двадцать, дал был Воронѣ, которій почекавши назадъ оддалѣ, тилко z тихъ грошей zолотихъ четири на свою потребу обернули, и четири zолотихъ zосталѣ виновати. Усѣхъ давнихъ, Вороною позиченихъ, было грошей бѣтихъ таляровъ 9, чирвоний одинъ, копѣекъ zолотихъ 15. Zа сей више пѣсаний позиченый долгъ доброволне Ворона, ѣдучи на каналную службу, усю отчину мнѣ продал. Чинитъ копъ 28.

Z каналу пришедши рознимѣ часи Ворона, Хромъцовъ зять, позичалъ денегъ: скоро повернувши z каналу, позичилъ копѣекъ zоло 6. Послѣ того позичил Ворона еще копѣекъ zол. 5.

Еще Ворона позичил денегъ копу, іакъ јa вижчалемъ на Коломакъ.

Jакъ с кимсь позивался, щось позичил, да не упомню.

Недавнимѣ часи на запусти позичил zолотий. После того пол zолотого. И еще zолотий. І того копа. При Радку бѣтих рублей два позичил. И еще рубля третяго онъ же позичил бѣтого. И еще при Радку викуплялъ кунтушъ, позичил копѣекъ таляръ.

Тоже Ворона изъ своею женою позичил гривну.

Сообщилъ **И. Лучицкій.**

Новые альбомы д-ра де-ля-Флиза. Два альбома д-ра де-ля-Флиза, принадлежащіе одинъ—А. М. Лазаревскому, другой—кіевскому церковно-археологическому музею, были описаны раньше [1]). Въ настоящее время въ библіотеку В. В. Тарновскаго поступили еще два. Первый изъ нихъ, въ большую четвертку, озаглавленъ такъ: «Медико-топографическое описаніе или физическо-медицинская географія государственныхъ имуществъ сквирскаго округа кіевской губерніи... изданное докторомъ де-ля-Флизе... Мала Чернявка сквирск. у. 1849 г.» Это описаніе составлено по программѣ общаго циркуляра по министерству государственныхъ имуществъ 1842 г. Въ первомъ отдѣлѣ

---

[1]) „Кіевская Старина" 1889 г., іюль.

его опредѣлено пространство сквирскаго округа, число крестьянъ, мѣстоположеніе, климатъ, естественныя произведенія. Во второмъ, описаны господствующія въ округѣ болѣзни, какъ эндемическія, такъ и эпидемическія, тутъ же находятся небольшія статьи о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, занятіяхъ крестьянъ, вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни, степень смертности, способы народнаго лѣченія, далѣе указываются средства, которыя слѣдуетъ употреблять при лѣченіи болѣзней на мѣстѣ, предлагаются также полицейскія и медицинскія мѣры для предупрежденія и устраненія болѣзней.

Третій отдѣлъ заключаетъ болѣзни эпизоотическія. Самую интересную часть этой рукописи представляетъ, слѣдующая далѣе, «Подробная статистика каждой деревни сквирскаго округа съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ натуры, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества». Села, входящія въ сквирскій округъ, распредѣляются по четыремъ уѣздамъ. Именно, въ сквирскомъ—часть с. Малыхъ Ерчиковъ, д. Ксендзовка, часть с. Новоселицы; въ бердичевскомъ—м. Бѣлиловка, с. Дерганька, слобода Юзвинъ, с. Сестреновка, д. Прилипки, х. Котелянецъ, х. Ксендзовка, х. Козловка, часть с. Кикишевки, ч. с. Глуховцы, ч. с. Пиковцы, ч. с. Сахновъ, ч. с. Лосневки, с. Скраглевка; въ липовецкомъ—ч. с. Поповки, д. Плакіевка, с. Должикъ; въ таращанскомъ у.—с Телѣжинцы и с. Клюки. Кромѣ довольно неудачныхъ видовъ каждаго поселка, здѣсь находятся заслуживающія полнаго вниманія иллюминованные рисунки костюмовъ крестьянъ ерчиковскаго, бѣлиловскаго, поповскаго и таращанскаго обществъ.

Другая рукопись представляетъ черновую «Медико-топографическаго описанія кіевскаго округа», принадлежащаго А. М. Лазаревскому. Составъ ея однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится отъ чистовой. Такъ напр., въ чистовой гораздо больше рисунковъ растеній, находятся тамъ также изображенія животныхъ, каковыхъ въ черновой совсѣмъ нѣтъ. Въ свою очередь въ черновой помѣщены вѣдомости: о числѣ государственныхъ крестьянъ, занимающихся ремеслами, о количествѣ болѣвшихъ въ сентябрѣ 1846 г., о числѣ павшаго скота съ 1840 по 1846 гг., не вошедшія въ чистовую.

Что касается «Подробной статистики каждой деревни кіевскаго округа», то здѣсь находятся также историческія и, главнымъ образомъ, археологическія замѣтки и рисунки древнихъ предметовъ, отчасти вошедшія впослѣдствіи въ «Этнографическія описанія» (чер-

ковно-арх. музея),—въ чистовой ихъ нѣтъ. Не попали туда и нѣкоторыя мелкія указанія, большей частью археологическаго характера. Здѣсь мы приводимъ все, что не достаетъ въ чистовой «Медико-топограф. описанія» и въ «Этнографич. описаніи» и что, поэтому, не вошло въ вышеуказанную замѣтку о работахъ д-ра де-ля-Флиза. Придерживаемся порядка подлинниковъ.

Кіевскій уѣздъ.

С. Стрѣтовка. Въ 1806 г. близъ села около Днѣпра нашли кости мамонта. Въ 1827 г. въ Закрытой горѣ найдено 202 золотыхъ червонныхъ съ изображеніемъ короля Сигизмунда; они были отданы въ церковь, но впослѣдствіи отобраны въ казну.

С. Щучинка. Когда ксендзы владѣли симъ селеніемъ, копали могилу, гдѣ нашли желѣзный гробъ съ попеломъ (sic).

Д. Новоселица. Около деревни находится пять могилъ, изъ нихъ одна называется Довга, а другая Роскопаная.

М. Триполье. Приложенъ рисунокъ найденнаго здѣсь сломаннаго мѣднаго копья или стрѣлы и рисунокъ древней урны (въ «Этн. опис.» урна эта значится найденной въ с. Цесарской Слободѣ черкасск. у.).

Д. Софійская Борщаговка. Возлѣ деревни есть двѣ могилы, изъ которыхъ одна называется Роскопана.

С. Бѣличи. Приложено факсимиле предисловія евангелія кіевской печати 1695 г., принадлежащаго мѣстной церкви.

С. Желяне. Въ 1843 г. крестьянинъ нашелъ въ землѣ 13 фунтовъ серебряныхъ гривниковъ (sic) съ изображеніемъ царя (sic) Ярослава, которые отдалъ въ церковь [1]).

Д. Жорновка. На полѣ, около деревни, находятся двѣ могилы, называемыя Хмеленко.

С. Лютежъ. Приложены надписи со старинныхъ иконъ мѣстной церкви (вошли въ «Этн. опис.»).

С. Великая Бугаевка. Приложенъ планъ находящагося возлѣ села старинного укрѣпленія, называемаго Городокъ. Средина его вымощена кирпичемъ на 3 (?) аршина глубины.

Васильковскій уѣздъ.

М. Фастовъ. Около мѣстечка находятся 4 древнія большія могилы.

---

[1]) Это были шестиугольныя гривны кіевскаго типа безъ всякихъ изображеній, найдено ихъ 20 штукъ.—Н. Б.

С. Котлубица. Приложенъ снимокъ древняго креста, найденнаго въ селѣ, въ 1846 г. (вошелъ въ «Этн. опис.»).

Д. Сосновка. Въ 1820 г. нашли около деревни кости мамонта.

Д. Дмитровка. Приложенъ рисунокъ древняго мѣднаго образка, найденнаго тамъ въ 1845 г. (вошелъ въ «Этн. опис.») и рисунокъ маленькаго крестика изъ цвѣтнаго камня (рисунка въ «Этн. опис.» нѣтъ).

С. Дорошинка. Въ лѣсу находятся 3 большія древнія могилы.

Радомысльскій уѣздъ.

Д. Старые Шепеличи. Приложенъ планъ находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ села стариннаго городища, почти квадратной формы.

За описаніемъ шепелическаго общества помѣщенъ рисунокъ, изображающій колтунъ у крестьянъ шепелическаго, варовическаго и максимовическаго обществъ.

Въ концѣ этого альбома находится таблица снимковъ разныхъ монетъ, по большей части польскихъ, найденныхъ въ районѣ кіевскаго округа. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія серебряная римская монета съ надписью DIVA FAVSTINA, найденная въ м. Трипольѣ.

Эти двѣ рукописи являются новымъ свидѣтельствомъ громаднаго трудолюбія д-ра де-ля-Флиза.

Н. Б.

Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. Въ тяжелые дни южно-русскаго народа XIV—XVII вѣка многіе уведены были татарами и проданы въ рабство. Во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, разсѣяны были южно-руссы—рабы. Особенно тягостно было положеніе невольниковъ гребцовъ на галерахъ. Гребцы сидѣли прикованные. Галерный приставъ ударами кнута заставлялъ ихъ приводить въ движеніе тяжелыя весла. Волны хлестали ихъ во всякую погоду. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода галеры. Они не знали отдыха, даже въ праздники, не могли протянуться, перемѣнить мѣсто. Когда корабль входилъ въ гавань для поправокъ или для того, чтобы запастись съѣстными припасами, тогда позволялось нѣсколькимъ каторжникамъ изъ родовитыхъ и знатныхъ козаковъ работать въ гавани надъ земляными и очистительными работами. Въ невольницкихъ плачахъ «кайданы руки-ноги позъидали; сирая сириця

до жовтои кости тило козацькое, проидала». Невольники проклинають «землю турецкую, виру басурманскую», и просять Бога «вызволить ихъ на святорусскій берегъ, на край веселый, межъ народъ хрещеный».

Всякая подробность, рисующая положеніе невольниковъ изъ южноруссовъ, представляется, несомнѣнно, весьма цѣнной, и потому мы считаемъ нелишнимъ указать на два любопытныхъ рисунка въ превосходномъ сочиненіи Lacroix, Vie militaire et religieuse du Moyen âge et á l'époque de la Renaissance» 1873 г. на стр. 93. На одномъ рисункѣ изображенъ солдатъ съ галеры XVI в., на другомъ рабъ-гребецъ (rameur) XVI в. Рисунки взяты изъ книги Cesare Vecelios, «Degli habiti antichi» 1590 г., Они отвѣчаютъ по времени возникновенію лучшихъ малорусскихъ историческихъ думъ. Въ фигурѣ раба мы видимъ типичнаго малоросса. Мужественное и добродушное лицо съ выразительными глазами, прямымъ носомъ, безъ бороды и бакенбардъ, съ густыми закрученными къ щекамъ усами. На головѣ раба небольшая шапка, слегка съуживающаяся къ верху, какія и теперь малороссы носятъ зимой (въ родѣ еломка). Свита или кобенякъ съ рукавами средней ширины спускается ниже колѣнъ, съ двумя тесемочными застежками на груди и съ башлыкомъ, или видлогой, спускающимся въ видѣ мѣшка на спину. На ногахъ своеобразная обувь, въ родѣ башмаковъ, съ открытыми пальцами. Отъ щиколотокъ ногъ къ поясу идутъ двѣ длинныя цѣпи, служившія, вѣроятно, для прикрѣпленія раба къ галерѣ, но не мѣшавшія полному шагу по землѣ. Подъ правой рукой рабъ держитъ большой боченокъ съ чопикомъ. Фигура галернаго стражника (какимъ былъ ляхъ Бутурлакъ украинской думы) не имѣетъ опредѣленнаго національнаго обличья: шапка на головѣ съ перомъ; короткій кафтанъ, плотно охватывающій грудь и руки; широкіе штаны съ подвязками на колѣняхъ, на ногахъ башмаки съ завязками спереди, причемъ вся ступня закрыта; на правомъ боку короткій кинжалъ; на лѣвомъ длинный прямой мечъ.

Н. С.

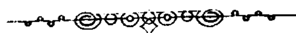
Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 году. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г. командированъ былъ придворный пѣвчій Степанъ Андріевскій «въ Кіевъ и въ Малороссію для сыскиванія и набору какъ при монастыряхъ, такъ при домѣхъ

архіерейскихъ, архимандричьихъ, въ малороссійскихъ полкахъ и въ протчихъ мѣстахъ, и привозу ко двору е. и. в. малыхъ пѣвчихъ, гдѣ и какихъ онъ по способности голосовъ провѣдать и выбрать можетъ». При немъ состоялъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка гренадеръ Морозовъ. Указами изъ кабинета, е. и. в. въ кіевскую генеральную губернскую и въ генеральную войсковую канцеляріи предписывалось оказывать Андріевскому всяческое вспоможеніе и производить, по требованіямъ его, на счетъ кабинета изъ суммъ названныхъ канцелярій необходимые расходы. Набранныхъ пѣвчихъ Андріевскій долженъ былъ представлять въ эти канцеляріи, которыя, «осмотря, ежели изъ нихъ нѣкоторые, по неимуществу своему, явятся недостаточными въ платьѣ, тѣмъ сдѣлавъ потребную одежду», должны были отправлять всѣхъ вмѣстѣ или по нѣсколько человѣкъ ко двору съ надежными провожатыми.

Андріевскій былъ въ Кіевѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ это видно изъ доношеній его въ кіев. губ. канц. отъ 14, 16, 18 и 30 апрѣля. Прежде всего онъ нашелъ и представилъ двухъ человѣкъ пѣвчихъ Ивана Середу и Ивана Новомлинскаго, которымъ и просилъ сдѣлать «платье малороссійское т. е. верхнихъ зеленыхъ два и споднихъ красныхъ два, кушаковъ два, штановъ двое, сапоговъ двое и шапокъ двое». Они были отправлены съ нарочнымъ рейтаромъ 29 апрѣля въ Петербургъ, гдѣ и сданы 12-го іюня полковнику и «уставщику пѣвческой капелы» Марку Ѳедоровичу Полторацкому. Затѣмъ для набираемыхъ мальчиковъ отведена была магистратомъ на Подолѣ особая квартира и назначенъ надзиратель. Когда набралось ихъ 13 человѣкъ, они были отправлены въ Глуховъ, «во опредѣленную тамо для обученія оныхъ пѣвчихъ квартиру», для чего было куплено 7 кибитокъ, а для препровожденія ихъ командированы были два рейтара. Въ заключеніе былъ еще отысканъ и отправленъ отдѣльно въ Глуховъ одинъ «тенористой».

Изъ Кіева для сопровожденія Андріевскаго по Малороссіи данъ былъ особый капралъ. Всего изъ суммъ кіев. губ. канц., по требованіямъ Андріевскаго, израсходовано 342 р. 8 к., въ томъ числѣ на собственные его разъѣзды по Малороссіи на руки ему выдано 200 р., да на прогоны капралу 30 р.

А. А.



Библіографія.

И. Каманинъ. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. (Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II. Два выпуска. Кіевъ, 1890) Стр. 240 + 1045 + IV Ц 4 руб.

Собственно переписи или т. наз. тарифы, составленные между 1765 и 1791 г. для взиманія «поголовной» подати съ евреевъ русскихъ воеводствъ Польши, занимаютъ въ настоящемъ томѣ «Архива» 729 стр, указатель личныхъ и географическихъ именъ—болѣе 300 стр.; предисловіе редактора всего тома, И. М. Каманина—234 стр. Если взять въ разсчетъ, что самыя переписи были вызваны обстоятельствомъ второстепенной важности—желаніемъ поднять доходность еврейскаго «поголовнаго»—и обнимаютъ всего четверть столѣтія, то нельзя не порадоваться извѣстной роскоши, которою обставлено дѣло изученія прошлаго нашего края даже по вопросамъ второстепеннымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Недостатокъ ученыхъ силъ, но особенно матеріальныхъ средствъ тормозитъ изученіе даже важнѣйшихъ сторонъ нашего историческаго бытія, и груды матеріаловъ высокаго интереса лежатъ нетронутыми въ архивахъ, ожидая любознательныхъ изслѣдователей. Экономическая исторія края не только не изучена всесторонне по документамъ, но ея нѣтъ даже въ связномъ наброскѣ.

Г. Каманинъ сдѣлалъ попытку открыть уголокъ завѣсы этой таинственной экономики прошлаго. Въ старой Польшѣ нерѣдко слышались жалобы на эксплуатацію евреями народной массы. Для провѣрки справедливости этихъ жалобъ авторъ собралъ статистическія данныя о евреяхъ и постарался сдѣлать изъ нихъ посильные выводы по интересующему его вопросу. По мнѣнію автора, опубликованныя имъ данныя «важны, какъ выраженіе результата отношенія польскаго общества къ еврейскому вопросу въ теченіи всего времени политическаго существованія Польши» (пред., стр. 230).

Нисколько не отрицая всей важности сводки цифровыхъ данныхъ, способныхъ болѣе или менѣе точно установить размѣръ и характеръ общественныхъ явленій, мы думаемъ, что авторъ приписываетъ опубликованнымъ нынѣ матеріаламъ значеніе имъ несвойственное, такое, какого они отнюдь не могутъ имѣть уже по самымъ условіямъ своего возникновенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляютъ собою, въ статистическомъ смыслѣ, переписи еврейскаго населенія, занесенныя въ гродскія книги послѣдней трети XVIII в.? Перечисленіе еврейскихъ «головъ» для взиманія «поголовнаго». Каждая «голова», занесенная въ тарифъ поименно или въ видѣ голой цифры, представляетъ тѣ два или три «злотыхъ польскихъ», которые имѣли поступить въ государственную казну. Такъ какъ число этихъ злотыхъ извѣстно съ точностью для всей территоріи Польши въ эпоху кор. Станислава-Августа (см. книгу Т. Корзона, Wewnętr. dzieje Polski za Stan. Aug., т. III, стр. 111, 119 сл., 146, 158 сл.; т. IV, стр. 119. Данныя съ 1 сент. 1786 г. также въ «Relacyi z examinu kom. skarbu koron.» каменецъ-подольскаго каштеляна Морскаго, напеч. въ тип. Дюфура въ 1791 г.), то казалось-бы, что вопросъ о количествѣ еврейскаго населенія не встрѣчается съ какими либо особыми затрудненіями. Тѣмъ не менѣе, историкъ Корзонъ, съ поразительнымъ трудолюбіемъ изучившій внутреннюю жизнь Польши 1764—1794 г., призналъ невозможнымъ опредѣлить число евреевъ по суммѣ «поголовнаго». Еще на сеймѣ 1784 г. воевода познанскій Сулковскій заявилъ, что основанныя на тарифахъ «поголовнаго» статистическія исчисленія очевидно ошибочны, что̀ слѣдуетъ приписать «лукавству этого народа (евреевъ) и неаккуратности, чтобъ не сказать болѣе, люстраторовъ» (Korzon, т. I, стр. 164). Неточность еврейскихъ люстрацій была въ свое время фактомъ общеизвѣстнымъ. Чтобы исправить дѣло, сеймъ увеличилъ вознагражденіе люстраторамъ за каждую «открытую» еврейскую «голову», но пользы было мало отъ такой мѣры. Укрывательство евреевъ отъ «поголовнаго» было очевидно, но ничто не помогало. Въ 1790 году подскарбій Коссовскій предлагалъ даже объявить евреямъ, что люстрація не будетъ повторяться въ теченіи 20 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ трехъ), чтобы заохотить евреевъ не уклоняться отъ регистраціи (сессія 252,—23 апр. 1790 г.),—своего рода крикъ отчаянія въ виду безуспѣшности всѣхъ усилій. Въ помянутомъ отчетѣ посла Морскаго (стр. 7 и 8) прямо заявляется, что хотя «поголовное» за 1787 годъ поднялось нѣсколько, но люстрація евреевъ произведена неудовлетво-

рительно и должна быть лучше организована, «дабы люстраторы изъ личныхъ выгодъ не утаивали еврейскихъ головъ и за подкупность подвергались строгому наказанію». Въ этомъ смыслѣ предполагалось представить сейму особый проектъ. Хотя люстраторамъ, по закону 1775 г., выплачено по 3 гр. съ каждой головы, но, поясняетъ Морскій далѣе, необходимо упорядоченіе люстрацій, «aby lustratorowie wiernieysi byli». (Ib., стр. 20).

Если припомнить то анархическое состояніе финансовой техники, которымъ хронически страдала историческая Польша, не исключая періода, обнимаемаго книгою г. Каманина, то невольно думается, что люстраціи евреевъ 1764—1791 г.г. не имѣютъ ровно никакого значенія въ статистическомъ смыслѣ. До такой степени въ свое время никто не вѣрилъ этимъ люстраціямъ, что пинскій посолъ Бутримовичъ, авторъ проекта еврейской реформы и членъ депутаціи, назначенной сеймомъ для разработки этого вопроса, считалъ, что евреевъ въ Польшѣ должно быть не менѣе милліона, а посолъ Езерскій, каштелянъ луковскій и ближайшій сотрудникъ Бутримовича по еврейскому вопросу—не менѣе трехъ милліоновъ. (См. Dziennik czynności Seymu Glównego Ordynaryinego Warsz. etc., 402 сессія, 18 марта 1791). Между тѣмъ, и Бутримовичу, и Езерскому люстраціи были извѣстны, очевидно, ближе, нежели позднѣйшимъ изслѣдователямъ, имѣющимъ дѣло съ голыми актами. Г. Каманинъ, повидимому, склоненъ приписывать значеніе извѣстнымъ таблицамъ Мошинскаго (стр. 215). По нашему мнѣнію, это простое недоразумѣніе: Мошинскій въ своихъ статистическихъ выкладкахъ руководствовался податными списками и потому число евреевъ въ коронныхъ земляхъ показалъ въ 220,000, примѣнительно къ суммѣ поголовнаго въ 1717 году (Korzon, т. I, стр. 164). Что Мошинскій основывался на тарифахъ, видно изъ преній сейма 19 апрѣля 1790 г. (сессія 249). Слѣдуетъ припомнить по этому поводу, что при обсужденіи проекта всеобщей люстраціи въ засѣданіи 15 апрѣля 1790 года сеймовый маршалъ откровенно заявилъ, что, по общему мнѣнію, «государство обманываютъ» (сессія 247).

Поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Каманинъ, оперируя надъ цифрами люстрацій 1765—1791 г., отнесся къ нимъ съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ, котораго онѣ, въ дѣйствительности, не заслуживаютъ. Авторъ полагаетъ, что учрежденіе скарбовой экономической коммиссіи 1764 года имѣло въ этомъ случаѣ благодѣтельное значеніе, упорядочивъ дѣло собиранія статистическихъ данныхъ, отчего и еврейскія

переписи имѣютъ отнынѣ «всѣ признаки большей или меньшей достовѣрности» (стр. 7 и 9).

Намъ кажется, что если этимъ переписямъ не вѣрили даже современники, то и нынѣ не подобаетъ имъ вѣрить. Дѣятельность скарбовой коммиссіи безспорно имѣла свои хорошія стороры, но «дѣло собиранія статистическихъ данныхъ» и «всесторонняго изученія страны въ экономическомъ отношеніи» находилось въ самомъ жалкомъ положеніи вплоть до окончательнаго раздѣла Польши. Всѣ усилія въ этомъ направленіи привели лишь къ сознанію существовавшихъ неустройствъ и финансовой безурядицы, не больше. Припомнимъ, какихъ усилій стоило историку Корзону установить самыя основныя статистическія данныя относительно населенности Польши конца прошлаго вѣка. Если-бы г. Каманинъ ознакомился съ классическимъ трудомъ Корзона, то, безъ сомнѣнія, отнесся-бы нѣсколько болѣе скептически къ цѣнности опубликованныхъ нынѣ матеріаловъ. Довѣріе автора къ люстраціямъ доходитъ иногда до явныхъ увлеченій. По люстраціи 1789 г., напр., выяснилось, что у житомирскихъ евреевъ оказался большій % женскаго населенія сравнительно съ христіанами. Г. Каманинъ по этому поводу задается вопросомъ: не подтверждаетъ-ли это явленіе замѣчанія нѣкоторыхъ путешественниковъ о большемъ числѣ рожденій дѣтей женскаго пола у восточныхъ народовъ? (стр. 220 пред.).

Если вѣрить даннымъ люстрацій хотя бы 1790 года для брацлавскаго староства или 1791 г. для житомирскаго повѣта (акты, стр. 665- 697), то пришлось-бы установить особые законы рождаемости чуть-ли не для каждаго кагала. Указанное г. Каманинымъ явленіе объясняется, на нашъ взглядъ, гораздо проще, а именно, полною негодностью люстрацій, какъ статистическаго документа. Для иллюстраціи можно указать хотя бы на такой фактъ. Въ 1860 г. минская казенная палата, по распоряженію министерства финансовъ, составила таблицу населенія губерніи по возрастамъ и сословіямъ, по даннымъ 10-й ревизіи; мѣщанъ—христіанъ оказалось 15,999, евреевъ 32,458; у первыхъ оказалось мальчиковъ до 5 лѣтняго возраста 1961, у вторыхъ 645, т. е. у христіанъ было мальчиковъ болѣе 12%, у евреевъ—менѣе 2%. Нѣсколько ранѣе, по гродненской губ. еврейскихъ мальчиковъ былъ исчислено также 2%, вмѣсто обычныхъ 10—13%. Надо думать, что статистическіе законы рождаемости не играли и здѣсь особой роли.

Опубликованные подъ редакціей г. Каманина тарифы крайне неполны и составлены по самымъ разнообразнымъ системамъ: въ

нѣкоторыхъ, еврейскія «головы» приведены огуломъ въ общихъ цифрахъ, въ другихъ—перечислены поименно, съ указаніемъ занятій; возрастный составъ населенія нигдѣ не указанъ съ точностью; изрѣдка выдѣлены малолѣтніе, съ указаніемъ пола. При этихъ условіяхъ, сравненіе тарифовъ различныхъ годовъ уполномочивало бы развѣ на самые элементарные выводы, главнымъ образомъ въ смыслѣ доказательства негодности люстрацій. Но такъ какъ негодность эта уже современниками была откровенно сознана, то излишне было-бы долѣе останавливаться на этомъ второстепенномъ вопросѣ. Намъ кажется, что публикованіе тарифовъ по способу, усвоенному г. Каманинымъ, представляетъ большія неудобства. Въ самомъ дѣлѣ, для чего перепечатывать тарифы цѣликомъ, съ безконечнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же обычныхъ формулъ? Для характеристики внѣшней формы актовъ, достаточно было бы привести, въ видѣ образца, одинъ-два изъ нихъ; затѣмъ, небезполезно было бы оставить тѣ тарифы, гдѣ «головы» приведены съ указаніемъ занятій, хотя и въ этомъ случаѣ можно-бы ограничиться сводными табличками; всѣ остальные акты могли бы быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, сведены въ таблицы весьма элементарныя по конструкціи, и читателю гораздо легче было бы оріентироваться въ такой сводкѣ, незагроможденной безполезнымъ балластомъ. Попытка въ этомъ родѣ и сдѣлана г. Каманинымъ на стр. 235—239 предисловія. Если бы приведенныя въ таблицахъ цифры заслуживали довѣрія, то слѣдовало бы поблагодарить автора за эту короткую сводку данныхъ. Но мы вправѣ сомнѣваться въ значеніи этихъ цифръ. Сомнѣнія наши какъ нельзя болѣе подтверждаются содержаніемъ опубликованныхъ данныхъ. Въ переписи 1784 г., между прочимъ, указано число «открытыхъ» вновь евреевъ, уклонявшихся отъ регистраціи. По одному летичевскому повѣту оказалось укрывающихся болѣе 11% общаго еврейскаго населенія округа, въ луцкомъ—болѣе 6%, во владимірскомъ—болѣе 5%. Г. Каманинъ заключаетъ отсюда, что «регистраторы строго относились къ своей обязанности и что составленныя ими переписки евреевъ имѣютъ большую точность, а для статистики это главнѣйшее условіе, и вполнѣ заслуживаютъ довѣріе» (стр. 143 пред.). Трудно согласиться съ такимъ заключеніемъ, въ виду печатныхъ протоколовъ засѣданій 4-лѣтняго сейма и заявленій посла Морскаго. Но согласимся на сей разъ съ выводомъ автора: что-же остается намъ думать о всѣхъ прочихъ люстраціяхъ? Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, хотя от-

вѣтъ такой, на нашъ взглядъ, совершенно необходимъ по самому существу статистическаго изслѣдованія, предпринятаго авторомъ. Если другія люстраціи, какъ должно полагать, довѣрія не заслуживаютъ, чѣмъ нарушается главнѣйшее условіе статистики, то трудно понять, почему авторъ оперируетъ въ предисловіи надъ цифрами люстрацій и дѣлаетъ на основаніи ихъ самые разнообразные выводы о разселеніи евреевъ по округамъ, о передвиженіяхъ евреевъ, о движеніи населенія во времени и т. д. Г. Каманинъ, принимая данныя люстрацій на вѣру, стремится лишь подыскать причины устанавливаемыхъ цифрами перемѣнъ, для чего, какъ онъ выражается, сопоставляетъ эти цифры «съ данными о состояніи культуры въ государствѣ въ избранный періодъ времени» или съ «политико-экономическимъ положеніемъ края» (стр. 2 и 45 пред.). Эта часть труда г. Каманина была бы весьма поучительна, если бы можно было вѣрить даннымъ тарифовъ. Разъ что вѣры такой не можетъ быть, всѣ объясненія автора являются лишь иллюстраціей фактовъ, самое существованіе которыхъ ничѣмъ, въ сущности, не установлено. Ученый изслѣдователь, при такихъ условіяхъ, ставитъ себя въ положеніе крайне невыгодное, такъ какъ находится въ зависимости отъ люстратора, аккуратность, умѣніе и добросовѣстность котораго болѣе чѣмъ сомнительны. Вниманіе г. Каманина было привлечено рѣзкими колебаніями въ цифрахъ переписей за различные годы. Авторъ подыскиваетъ для этихъ цифровыхъ, т. е. бумажныхъ, колебаній самыя разнообразныя объясненія. На первомъ планѣ стоитъ тяжесть крестьянскихъ повинностей. Гдѣ эта тяжесть значительнѣе, туда и стремятся евреи. Если они туда почему-либо не стремятся, авторъ отыскиваетъ другія причины: развитіе торговли, политическія обстоятельства, реформа городовъ, торговые трактаты съ иностранными государствами, закрытіе границы, передвиженія войскъ, политическія обстоятельства и даже свиданіе монарховъ въ Каневѣ предполагаются могущими имѣть вліяніе на передвиженія евреевъ. Никто и никогда не сомнѣвался, что всѣ элементы общественной жизни находятся въ непрестанномъ взаимодѣйствіи и что никакое явленіе ея не можетъ быть объяснено удовлетворительно въ его чистомъ, изолированномъ видѣ; но кажется трудно допустить, чтобы частныя реформы, въ родѣ реформы городской, тотчасъ же сказывались на распредѣленіи населенія, хотя бы и подвижнаго, и торговаго, какимъ были польскіе евреи по преимуществу. Между тѣмъ, если вѣрить нашему автору, оказывается напр., что «надежды (польскаго) прави-

тельства на благодѣтельность мѣропріятій относительно городовъ и королевскихъ имѣній возбуждаютъ, надо думать, и надежды евреевъ на усиленіе тяжести крестьянскихъ повинностей, на возвышеніе благосостоянія городовъ и способствуютъ увеличенію количества евреевъ то въ селахъ, то въ городахъ» (Стр. 207 сл.). При всемъ тамъ, «количество евреевъ всегда прямо пропорціонально плотности христіанскаго населенія» (стр. 233). Если къ этому прибавить, что плотность христіанскаго населенія остается неизвѣстною, то получится порочный кругъ, изъ котораго не можетъ быть выхода, такъ какъ ключъ унесенъ въ могилу польскими люстраторами, утверждавшими за присягою присяжныя-же показанія представителей еврейскихъ кагаловъ и обманывавшими государство, если вѣрить сеймовому маршалу.

Считая ошибочнымъ исходный пунктъ работы г. Каманина, полагаемъ излишнимъ приводить здѣсь основныя положенія автора и слѣдить за пріемами, путемъ которыхъ положенія эти добыты. По нашему мнѣнію, всѣ тѣ сложныя причины, которыя указаны въ объясненіи цифръ люстрацій, ничего не поясняютъ, такъ какъ пояснять нечего, да и причины эти избираются автором по каждому случаю безъ достаточныхъ основаній. Не можетъ однако-же не указать здѣсь на то, что нѣкоторые тезисы автора прямо противорѣчатъ содержанію люстрацій. Такъ, тезисъ 10-й гласитъ: «Исключительной профессіей евреевъ въ селахъ было шинкарство и арендаторство» (стр. 233 пред.). Это невѣрно. Прежде всего, профессіи евреевъ указаны лишь въ немногихъ люстраціяхъ, а гдѣ профессіи указаны, тамъ находимъ «винниковъ», «портныхъ», «фурмановъ», «кухарокъ», вообще прислуги «рѣзниковъ», «мытниковъ», «инспекторовъ», стекольщиковъ, пекарей, учителей, мирошниковъ, выдойниковъ, кушнировъ, торговцевъ и т. п. Особенно часто встрѣчаются винники, слѣд. чернорабочіе на винокурняхъ (ср. акты, стр. 14—21, 26 сл., 29—53, 116—173). Не можемъ понять вывода автора, что разселеніе евреевъ было прямо пропорціонально состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей (стр. 131 пред.), такъ какъ промышленность и торговля сосредоточивались преимущественно въ рукахъ евреевъ, арендныя же отношенія зависѣли не отъ евреевъ, а отъ помѣщиковъ: вмѣсто одного арендатора не могло явиться двухъ, какъ бы ни усиливались крестьянскія повинности; послѣднія усиливались постепенно, а населеніе еврейское колеблется въ люстраціяхъ постоянно въ ту и дру-

тую сторону. Не можемъ согласиться съ тѣмъ пріемомъ автора, въ силу котораго данныя люстраціи Житомира оказались исходнымъ пунктомъ для характеристики всего вообще городскаго населенія края (стр. 219 — 224): по нашему мнѣнію, такой пріемъ невозможенъ. Если для другихъ городовъ не имѣется такихъ подробныхъ данныхъ, какъ для Житомира, то отсюда еще не слѣдуетъ, что Житомиръ представлялъ собою средній типъ города въ краѣ. Отчего авторъ не избралъ Овручъ?

Г. Каманинъ, какъ сказано, задался цѣлью провѣрить, путемъ статистическихъ данныхъ, справедливость постоянныхъ жалобъ на евреевъ, которые, по его мнѣнію, «были одною изъ главныхъ, хотя и не единственною, причиною внутренняго разложенія польскаго государства“ (стр. 45). Если послѣднее положеніе вѣрно, то, кажется, и не стоило задаваться провѣркою того, что очевидно. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ чемъ собственно заключались эти жалобы и чѣмъ онѣ вызывались, хотя богатыя данныя по этому вопросу сведены въ трудѣ' В. Смоленскаго „Stan i Sprawa żydów polskich въ XVIII w ». (Warsz., 1876), не поясняетъ, какимъ образомъ данныя люстрацій, весьма лаконическія, скудныя и очевидно ничтожныя въ статистическомъ смыслѣ, могутъ служить предположенной цѣли. Г. Каманинымъ вскользь упомянуты четыре проекта еврейской реформы, клонившіеся къ ограниченію правъ евреевъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ было бы весьма умѣстно разсказать судьбу проекта пинскаго посла Бутримовича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и толковыхъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма. Бутримовичъ стремился слить христіанъ и евреевъ въ одинъ народъ путемъ взаимныхъ уступокъ, включить евреевъ въ общегосударственное тѣло путемъ реформы кагаловъ, путемъ общихъ судебныхъ учрежденій и помощью образованія. 8 дек. 1789 года отпечатанный проектъ былъ розданъ посламъ и врученъ королю, съ просьбою оказать свое содѣйствіе. Немалыхъ усилій стоило Бутримовичу и его друзьямъ добиться учрежденія коммиссіи для разработки вопроса: даже для этого пришлось выдержать глухую оппозицію въ сеймѣ, такъ какъ ораторы противной партіи находили это дѣло второстепеннымъ. Брацлавскій посолъ Холоневскій 16 авг. 1790 г. прямо объявилъ, что не допуститъ до обсужденія проекта въ сеймѣ, такъ какъ онъ составленъ безъ участія брацлавскаго воеводства: пока всѣ не обсудятъ и не подпишутъ проекта, нельзя его читать въ сеймѣ. Споръ возобновляется въ слѣдующемъ засѣданіи. По словамъ Холоневскаго, въ

проектѣ нашли отраженіе лишь желанія литовскихъ провинцій, которыя не соотвѣтствуютъ стремленіямъ провинцій коронныхъ. Въ засѣданіи 1 марта 1791 г., при обсужденіи городской реформы, опять было обращено вниманіе на то, что объ евреяхъ какъ бы забыли, ссылаясь на какой то проектъ, который лежитъ подъ спудомъ. Вавжецкій, посолъ брацлавскій, потребовалъ, чтобы проектъ коммиссіи былъ напечатанъ и предварительно обсужденъ при участіи всѣхъ. Езерскій объяснилъ, что коммиссія уже окончила работу, но «воеводства русскія противятся этому проекту, заявляя, что не могутъ обойтись безъ евреевъ (mówiąc iż bez żydow obeyść się nie mogą)». Езерскій добавилъ, что благодаря еврейской реформѣ Польша станетъ вдвое богаче: если 500 тыс. земледѣльцевъ кормятъ стольких дармоѣдовъ (próżniaków), то что же будетъ, если и эти будутъ вынуждены взяться за работу? (См. Dziennik Czynności etc., сессія 396). Извѣстно, однако, что реформа не состоялась.

Такимъ образомъ, въ свое время вопросъ былъ поставленъ ясно, и именно русскія воеводства, т. е. конечно сеймовые послы отъ этихъ воеводствъ, всячески старались затормозить дѣло реформы. Такъ какъ книга г. Каманина посвящена евреямъ русскихъ воеводствъ старой Польши, то естественнѣе всего было бы поискать въ ней отвѣта на немаловажный вопросъ, отчего именно шляхетство этихъ воеводствъ горой стояло за сохраненіе statu quo относительно евреевъ. Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ никакихъ указаній по этому поводу, и такимъ образомъ опытъ примѣненія статистическихъ данныхъ къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ оказывается недостаточнымъ и въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться, что именно здѣсь ist der Hund begraben и потому, въ методологическомъ отношеніи, было бы всего цѣлесообразнѣе начать изслѣдованіе болѣзни именно отсюда. Будемъ надѣяться, что трудолюбивому автору удастся въ будущемъ разъяснить путемъ архивныхъ изысканій (отчасти обѣщанныхъ имъ—стр. 214) это темное и поистинѣ прискорбное дѣло.

Приведенная выше справка изъ протоколовъ четырехлѣтняго сейма тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что евреи никогда не пользовались сочувствіемъ польской шляхты, а наоборотъ всегда служили для послѣдней предметомъ насмѣшки, презрѣнія или фискальной эксплуатаціи. Лишь только заходила на сеймикахъ рѣчь о пожертвованіяхъ на защиту отечества, тотчасъ указывали на евреевъ, какъ на первый и обильнѣйшій источникъ. «Поголовное» казалось

недостаточнымъ, такъ какъ жиды, по словамъ правившей шляхты, извлекаютъ огромные доходы изъ страны, а пользы отъ нихъ государству никакой. Въ инструкціяхъ посламъ встрѣчаются требованія новыхъ платежей отъ евреевъ, подъ угрозой изгнанія и конфискаціи имущества. Евреи считались причиною всѣхъ несчастій Рѣчи Посполитой. Послѣ каждаго возвышенія налога, наступали новыя требованія. Возвышеніе «поголовнаго» — обычный лозунгъ, съ которымъ являлись послы на сеймъ. Но и евреи не дремали: они умѣли находить себѣ «патроцинію на сеймѣ», вельможныхъ покровителей, которые брали подъ свои крылья «невѣрный народъ», очевидно, не безвозмездно. Постоянно толковала шляхта о воспрещеніи евреямъ брать на откупъ таможенные сборы, занимать должности скарбовыя и т. п. Были проекты выселенія евреевъ изъ деревень въ города, для лучшаго контроля за ними въ дѣлѣ податей; не прочь была шляхта и отъ конечнаго exilium евреевъ, такъ какъ они оскорбляютъ «majestat boski» и позволяютъ себѣ святотатство, выкрадывая евхаристію (A. Pawinski, Rządy seymikowe w Polsce 1572—1795. Warsz., 1888. Стр. 99 сл.). Въ то время, какъ татары мирно уживались въ Польшѣ, евреи возбуждали противъ себя безконечныя жалобы и злобу, которая и прорывалась въ удобную минуту. Евреямъ шляхта приписывала и козацкія войны, и коліивщину, уходъ денегъ заграницу, подделку векселей, фальсификацію гербовой бумаги, порчу монеты, утѣсненіе крестьянъ посредствомъ шинкарства, бездѣльничество и т. д. Мѣщане вѣчно жалуются на конкурренцію евреевъ, на разореніе цеховъ. Скарбовая коммиссія воспрещаетъ чиновникамъ пользоваться услугами евреевъ, кредитовать ихъ. Великопольскія воеводства даже воспретили у себя отдачу евреямъ шинковъ въ аренду (Korzon., op. c., т. I, стр. 230 сл.). При такихъ условіяхъ, и евреи чувствовали себя въ Польшѣ чужими людьми, пришельцами. Судьба Рѣчи Посполитой мало интересовала ихъ, и даже болѣе проницательные изъ евреевъ относились къ никнувшему государству съ глубокимъ равнодушіемъ. Масса еврейская, вообще говоря, находилась въ Польшѣ въ самомъ бѣдственномъ матеріальномъ состояніи (Korzon, т. I, стр. 234). Если арендаторы имѣній и шинкари пользовались сравнительнымъ достаткомъ, то лишь въ качествѣ панскихъ слугъ и приспѣшниковъ. Трудъ страны поглощался привилегированнымъ классомъ непроизводительно, и трудящееся населеніе не получало взамѣнъ никакихъ осязательныхъ, матеріальныхъ или духовныхъ благъ. Въ средѣ сосѣднихъ государствъ Польша не устояла благодаря

такой внутренней экономикѣ, а для реформы не хватило уже времени и силъ.

Такъ представляется намъ это дѣло, и потому мы не можемъ согласиться съ г. Каманинымъ, что евреи были одною изъ главныхъ причинъ внутренняго разложенія польскаго государства. Намъ кажется, что и опубликованные нынѣ тарифы нисколько не служатъ опорою такой догадки.

Хотя мы не можемъ присоединиться ни къ одному изъ положеній, высказанныхъ г. Каманинымъ въ предисловіи къ актамъ, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить здѣсь добросовѣстныхъ усилій автора разъяснить темный вопросъ. Ошибки въ дѣлѣ новомъ и сложномъ неизбѣжны, особенно на первыхъ порахъ, но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Заслуга г. Каманина уже въ томъ, что онъ рѣшился приступить къ разборкѣ матеріаловъ сухихъ, черствыхъ и не поддающихся правильному сравненію. Легко понять нѣкоторое увлеченіе автора своимъ матеріаломъ. Если когда-либо въ будущемъ понадобится новое изданіе труда г. Каманина, то, по нашему мнѣнію, придется сдѣлать въ немъ множество передѣлокъ и сокращеній — не станемъ указывать ихъ здѣсь подробно, — а указатель именъ можно будетъ выбросить безъ всякаго ущерба для дѣла.

Замѣтимъ въ заключеніе, что у многихъ авторовъ, публикующихъ архивные матеріалы, встрѣчается крупный недостатокъ: они забываютъ или не знаютъ всего что̀ сдѣлано по тому же вопросу ранѣе. Такое положеніе дѣла не можетъ приносить пользы наукѣ, которая нерѣдко загромождается книгами, основанными на чистомъ недоразумѣніи. Лишь всестороннее изученіе исторіи каждаго вопроса можетъ внушить изслѣдователю необходимую осторожность въ выборѣ матеріаловъ для опубликованія и въ оцѣнкѣ ихъ относительнаго значенія. Въ особенности это должно сказать о матеріалахъ статистическаго характера, изученіе которыхъ требуетъ иногда весьма сложныхъ пріемовъ.

Н. М.

В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. С.-Петербургъ. 1889 г.

Вопросъ о реформахъ, задумывавшихся въ Польшѣ въ XVIII в., представляетъ большой научный интересъ въ историческомъ отношеніи. Отъ изученія причинъ неуспѣха ихъ зависитъ въ значитель-

ной степени выясненіе факта паденія Рѣчи Посполитой. Знакомясь съ попытками Польши реформировать въ прошломъ столѣтіи внутренній строй своего государства, невольно припоминаешь подобныя же попытки съ ея стороны въ другую, болѣе блестящую эпоху ея существованія, а именно въ XVI в. Но какъ и въ моментъ процвѣтанія Польши, такъ и ея полнаго упадка, поражаешься неспособностью этого государства произвести у себя необходимыя реформы. Причины указаннаго явленія въ общемъ понятны: онѣ коренились въ безсиліи королевской власти и въ шляхетскомъ строѣ Польши. Но во всѣхъ своихъ деталяхъ причины политической слабости и неустойчивости бывшей Рѣчи Посполитой будутъ выяснены лишь тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ стороны ея внутренней организаціи и жизни, а также будутъ изучены попытки произвести реформы въ государственномъ и общественномъ строѣ.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не порадоваться появленію труда г. Мякотина. Не нужно однако ждать отъ его сочиненія какихъ-либо особенно новыхъ данныхъ и выводовъ, а также изслѣдованія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ наканунѣ ея паденія на основаніи архивныхъ источниковъ; напротивъ, авторъ не всегда даже имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться и со всѣмъ печатнымъ матеріаломъ (впрочемъ, пробѣлы въ этомъ отношеніи не особенно значительны и восполнены при помощи другихъ достойныхъ довѣрія трудовъ). Но важность и полезность труда г. Мякотина основывается главнымъ образомъ на чрезвычайно добросовѣстномъ изученіи источниковъ и литературы предмета, на умѣломъ и критическомъ обращеніи съ послѣдними, а также на лишенномъ всякой тенденціи стремленіи рѣшить вопросъ, «могла ли польская Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса и только чисто внѣшнія враждебныя обстоятельства помѣшали ей въ этомъ, или же нельзя было разсчитывать на благопріятное рѣшеніе этой задачи силами самой Польши». Ознакомившись съ книгою г. Мякотина, нельзя не признать вполнѣ справедливыми тѣхъ словъ его предисловія, гдѣ онъ говоритъ, что «приступалъ къ этому труду съ искреннимъ желаніемъ узнать и передать одну истину»...

Трудъ г. Мякотина распадается на три главныя части, которымъ соотвѣтствуетъ такое же количество главъ. Въ первой главѣ онъ рисуетъ положеніе польскихъ крестьянъ въ XVIII в., въ моментъ раздѣловъ Польши, и предпосылаетъ этому очеркъ ихъ исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Вторая глава посвящена публицистикѣ по

крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ, а третья и послѣдняя трактуетъ о «мѣрахъ частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ по крестьянскому вопросу». Сверхъ того авторъ даетъ въ началѣ своего труда тщательно составленную библіографію крестьянскаго вопроса въ эпоху раздѣловъ Польши.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что закрѣпощеніе крестьянъ въ Польшѣ пошло быстрыми шагами въ концѣ XV в. Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ это время почти во всей Европѣ. Положеніе крестьянъ въ Рѣчи Посполитой въ XVI в. было уже очень тяжелое. Правда, на протестантскихъ синодахъ въ разгаръ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ поднимался иногда вопросъ объ облегченіи положенія крестьянъ, но это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Шляхта, которая въ XVI в. теряетъ все болѣе и болѣе охоту къ занятіямъ военнымъ дѣломъ, обращается теперь къ земледѣлію, а потому заинтересована въ закрѣпощеніи крестьянина и увеличеніи панщины.

Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался для своего очерка положенія крестьянъ въ Польшѣ до XVIII в. превосходнымъ трудомъ А. И. Павинскаго «Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym opisana» (Zródła Dziejowe, t. XII, XIII, XIV, XV). Тутъ онъ могъ бы найти богатый матеріалъ для себя. Относительно же положенія крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ автору доставило бы много чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній и данныхъ четырехтомное сочиненіе Korytkowsk'аго «Prałaci i kanonicy katedry gnieźnieńskiej». Напрасно думаетъ г. Мякотинъ, что барщина въ этихъ имѣніяхъ была болѣе легкою, нежели въ шляхетскихъ. Притомъ вообще при изученіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ должно обращать серьезное вниманіе на крѣпостныхъ духовенства, такъ какъ ему принадлежало громадное количество земли. Есть свидѣтельства, что во второй половинѣ XVII в. въ рукахъ духовенства находилось 308,550 деревень, въ то время какъ у короля и у шляхты было въ то же время будто всего 90,000. Если это вѣрно, то судьба громадной массы крестьянъ зависѣла отъ духовенства. Для положенія крѣпостнаго населенія Польши въ XVI и XVII вв., кромѣ вышеуказанныхъ нами сочиненій, авторъ нашелъ бы также не одно цѣнное указаніе въ «Materyały do dziejów rolnictwa w Polsce въ XVI i XVII wieku». Warszawa. 1876 (Biblioteka Ordynacyi Krasińskich).

О литовскихъ крестьянахъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи не имѣетъ возможности почти ничего сказать, такъ какъ этотъ вопросъ

совершенно не разработанъ. «Въ Литвѣ», пишетъ г. Мякотинъ, «гдѣ массу населенія составляло бѣлорусское племя, угнетеніе крестьянъ было нисколько не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ въ собственной Польшѣ, чему содѣйствовалъ въ значительной степени и утвердившійся здѣсь феодальный строй». Относительно термина *феодальный строй* мы не можемъ не обратить вниманія автора на то, что строй Литвы не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ строемъ, который въ исторической наукѣ обозначается словомъ феодальный. О южно-русскихъ крестьянахъ въ указанную эпоху авторъ говоритъ лишь въ общихъ выраженіяхъ.

Очеркъ положенія крестьянъ въ Польшѣ наканунѣ ея раздѣловъ сдѣланъ авторомъ довольно обстоятельно. Онъ исчерпалъ почти всѣ имѣющіеся по этому вопросу печатные источники и литературу. Интересно приведенное имъ свидѣтельство одного русскаго путешественника (Мертваго), проѣзжавшаго въ 1789 году по бывшимъ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, относительно крестьянъ, такъ какъ оно вполнѣ подтверждаетъ ту картину ихъ быта и положенія, которую рисовали польскіе публицисты въ своихъ сочиненіяхъ. Что же касается того, будто вслѣдствіе панскаго гнета эмиграція крестьянъ въ сосѣднія государства, а въ особенности въ Пруссію, приняла чрезвычайно большіе размѣры, то въ этомъ отношеніи нельзя вполнѣ согласиться съ авторомъ. Въ нѣмецкой литературѣ чрезвычайно обстоятельно разработана исторія колонизаціи Пруссіи. Въ сочиненіи, напр., Beheim-Schwarzbach'a Hohenzollernsche Colonisationen находятся подробныя свѣдѣнія объ эмиграціи изъ Польши и даже есть не мало статистическихъ данныхъ. Упомянутое изслѣдованіе указываетъ, что значительная часть переселенцевъ изъ Польши была нѣмецкой народности, а слѣдовательно не крестьяне. Такимъ образомъ эмиграція послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ Пруссію, была не особенно значительна.

На волненіяхъ южно-русскихъ крестьянъ въ XVIII в., вызванныхъ гнетомъ польской шляхты, авторъ не останавливается. Онъ говоритъ лишь о движеніи ихъ въ 1768 году; но довольно богатый матеріалъ по этому вопросу, повидимому, ему почти неизвѣстенъ, а вслѣдствіе этого и очеркъ «коліивщины» страдаетъ многими неточностями.

Вторая глава разбираемаго нами сочиненія, какъ мы уже упоминали выше, посвящена публицистикѣ по крестьянскому вопросу. Нельзя не отдать справедливости автору, что она написана живо и

хорошо. Понятно, что такъ какъ г. Мякотинъ не могъ имѣть подъ руками всей публицистической литературы, какъ онъ самъ на это указалъ на стр. 12 своей книги, то онъ не всегда свободенъ отъ неточностей и нѣкоторыхъ промаховъ. Въ одномъ только, главнымъ образомъ, можно упрекнуть автора, а именно, въ томъ, что, говоря о нарожденіи крестьянскаго вопроса въ публицистической литературѣ, имъ упущенъ изъ виду вышедшій въ 1733 году «Свободный голосъ» Станислава Лещинскаго, въ которомъ послѣдній ратовалъ, между прочимъ, за свободный переходъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое или, говоря иначе, за уничтоженіе прикрѣпленія къ землѣ.

Послѣдняя глава посвящена очерку попытокъ отдѣльныхъ лицъ облегчить поселеніе сельскаго населенія въ своихъ имѣніяхъ, а также подробному разсмотрѣнію обсужденія вопроса о крестьянской реформѣ на сеймахъ. Переходя такимъ образомъ отъ публицистики къ дѣйствительной жизни, г. Мякотинъ убѣждается совершенно справедливо въ томъ, что Польша едва ли была бы способна сама произвести крестьянскую реформу. Онъ говоритъ, заканчивая свой трудъ, что «причина неуспѣха этой попытки (освободить крестьянъ), неуспѣха, погубившаго Польшу, лежитъ, однако, не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ противодѣйствіи шляхты, длившемся все послѣднее время существованія Рѣчи Посполитой, и хотя ослабѣвавшемъ, но слишкомъ медленно, для того, чтобы эта шляхта добровольно могла рѣшиться на коренную реформу крестьянскихъ отношеній. Шляхта не съумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки».

Н. Любовичъ.

Сочиненія Гоголя, изданныя подъ редакціей Тихонравова, V т. Москва. 1889—90 г.

Это изданіе Гоголя—десятое по счету и первое строго критическое. Изъ прежнихъ изданій тщательныхъ существуетъ два: одно, начатое самимъ Гоголемъ, долго лежавшее подъ спудомъ, вслѣдствіе опалы, постигшей его сочиненія, и оконченное племянникомъ его Трушковскимъ, другое—извѣстное изданіе Кулиша, самое изящное до сихъ поръ и единственное, заключающее въ себѣ письма Гоголя. Всѣ другія переполнены опечатками, искаженіями текста и пропусками и совершенно чужды всякихъ попытокъ къ обработкѣ и полнотѣ. По

приглашенiю книжной фирмы Салаевыхъ, нынѣшняго собственника сочиненiй Гоголя, проф. Тихонравовъ предпринялъ теперь пересмотръ его сочиненiй, по авторскимъ изданiямъ и подлиннымъ рукописямъ, чтобы установить основной ихъ текстъ и соединить въ возможной полнотѣ.

Установленный такимъ образомъ несомнѣнный основной текстъ снабженъ ссылками на варiанты, которые приводятся въ примѣчанiяхъ, причемъ цитуются разночтенiя, какъ происшедшiя отъ разновременныхъ передѣлокъ самого Гоголя, такъ и отъ «поправокъ» редакторовъ разныхъ изданiй, до цензурныхъ измѣненiй включительно. Предшествующiя разночтенiямъ примѣчанiя служатъ объяснительнымъ введенiемъ къ этому матерiалу. Главная цѣль ихъ «опредѣлить хронологическую дату каждаго произведенiя Гоголя и указать, гдѣ возможно, первоначальную выработку отдѣльныхъ печатныхъ сочиненiй поэта и тѣ позднѣйшiя переработки, которымъ подвергались нѣкоторыя изъ нихъ и выяснить въ какое время и при какихъ условiяхъ совершались эти переработки». Насколько кропотлива и тщательна эта египетская работа, видно ужъ изъ того, что въ первомъ и третьемъ томахъ примѣчанiя эти обнимаютъ третью часть книгъ, въ другихъ томахъ ихъ меньше, но въ общемъ занимаютъ они 876 страницъ мелкаго шрифта.

Новостями десятаго изданiя, кромѣ провѣрки текста, являются вновь отысканные отрывки и сочиненiя, не печатавшiяся въ прежнихъ собранiяхъ. Таковы во второмъ томѣ: отрывки изъ первоначальной редакцiи повѣсти «Шинель» и переводъ итальянской комедiи Жиро «Дядько въ затруднительномъ положенiи»[1], въ третьемъ—варiанты перваго тома «Мертвыхъ Душъ», съ «Повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ» въ двухъ редакцiяхъ, въ томъ числѣ одной, зачеркнутой цензурой, въ четвертомъ—недавно отысканное, большое письмо къ Жуковскому объ искусствѣ, «Размышленiя о божественной литургiи», прежде въ сочиненiяхъ не печатавшiеся, и одна, почти заново написанная, глава второй части «Мертвыхъ Душъ», въ пятомъ—мелкiе отрывки и наброски завѣдомо принадлежащiе Гоголю, но опускавшiеся также прежними издателями. Включены таже въ текстъ всѣ измѣненныя или исключенныя старинною цензурою мѣста. Въ шестомъ томѣ, еще не вышедшемъ, г. Тихонравовъ обѣщаетъ помѣстить

[1]) Изданный раньше С. И. Пономаревымъ въ „Извѣстiяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института“.

матеріалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ, совершенно новый, именно: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, всѣ тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ, (напр. «Учебная книга словесности»), первоначальныя редакціи «Женитьбы», «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ Душъ», со всѣми данными, объясняющими исторію выработки этихъ произведеній, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ сочиненій. Многое изъ этого имѣетъ, конечно, только біографическій интересъ, но онъ важенъ, когда дѣло идетъ о писателѣ такого значенія, какъ Гоголь. Въ виду педантической кропотливости редактора, отмѣтимъ пропускъ, правда совершенно маловажный, двухъ печатныхъ работъ самой ранней поры писательства Гоголя: перевода статьи «О торговлѣ русскихъ въ XVII в.» изъ «Сѣвернаго Архива» и статейки «Полтава», изъ «Отечественныхъ Записокъ», подправленной Свиньинымъ, но приписываемой Гоголю.

Значительная доля интереса этого изданія лежитъ въ примѣчаніяхъ редактора, которыя даютъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ. Въ нихъ не только исторія гоголевскаго текста, но и библіологическая и литературная исторія каждаго сборника сочиненій поэта и многихъ произведеній отдѣльно. Этюды эти такъ тщательны, что, послѣ цѣлой литературы, уже существующей о Гоголѣ, вносятъ немало новыхъ данныхъ въ изученіе его творчества. Отмѣтимъ то главнѣйшее, что открыто и доказано г. Тихонравовымъ въ этихъ этюдахъ.

Въ примѣчаніяхъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки» самый обширный очеркъ посвященъ маленькому разсказу «Вечеръ накануне Ивана Купала». Вслѣдъ за Надеждинымъ, г Тихонравовъ отмѣчаетъ сходство этого разсказа въ фабулѣ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ повѣстью Людвига Тика «Liebeszauber», появившейся въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Галатея». Что касается мотива разсказа, то и у Тика, и у Гоголя онъ взятъ изъ народныхъ повѣрій и очевидно принадлежитъ къ разряду бродячихъ новеллъ, судьбами которыхъ усердно занимается теперь новая школа фольклора. Первоначальный текстъ Гоголя появился до напечатанія повѣсти Тика въ «Галатеѣ», а ознакомиться въ подлинникѣ съ нею Гоголь едва ли могъ по слабому знанію тогда нѣмецкаго языка. Доказательствомъ этому можетъ служить и то, что онъ ввелъ въ свой разсказъ нѣкоторыя подробности изъ повѣсти Тика только *послѣ* появленія ея перевода въ русскомъ журналѣ. Подробности эти, впрочемъ, незначительны. Обстоятельно анализировавъ это почти случайное совпаденіе, г. Ти-

хонравовъ не разсмотрѣлъ нѣкоторыхъ точекъ соприкосновенія, между двумя повѣстями «Миргорода»: «Віемъ» и «Ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» и произведеніями Нарѣжнаго. Конечно сходство это не болѣе сходства ученическаго рисунка съ произведеньемъ мастера, но картины бурсацкой жизни въ «Віѣ» несомнѣнно навѣяны изображеніемъ переяславской бурсы у Нарѣжнаго, а мотивъ «Ссоры» тотъ же, что въ «Двухъ Иванахъ или страсти къ тяжбамъ» (1825 г.). Касательно этихъ двухъ-трехъ случаевъ «заимствованія», скажемъ, что въ художественномъ творчествѣ несомнѣнно слѣдуетъ признать «право сильнаго», хотя и въ особомъ значеніи. Тотъ художникъ является собственникомъ и творцомъ извѣстнаго мотива, характера или положенія, кто сильнѣе всѣхъ его выразитъ и запечатлѣетъ въ словѣ. И литературная исторія давно освятила это право. Она помнитъ геніальныхъ силачей, создавшихъ яркіе образы и только въ качествѣ исторической справки вспоминаетъ о писателяхъ, давшихъ тотъ или другой мотивъ и остановившихся на однихъ добрыхъ намѣреніяхъ Въ области этнографической малороссійской литературы не отмѣчены г. Тихонравовымъ народныя преданія, имѣющія аналогію съ сюжетомъ «Вія».

Чрезвычайно любопытенъ обширный этюдъ, относящійся къ «Тарасу Бульбѣ». Эта повѣсть, первоначально появившаяся въ «Миргородѣ» въ 1835 году, была радикально передѣлана къ первому изданію сочиненій Гоголя, вышедшему въ 1842 г. Послѣдняя передѣлка ея, урывками, конечно, параллельно съ передѣлками другихъ сочиненій, производилась въ теченіи трехъ лѣтъ. Она началась въ 1839 году, когда съ особой силой вдохновенье охватило Гоголя. «Занимаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариною», пишетъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ того времени»; передо мной выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается». Результатомъ этого душевнаго подъема была не одна передѣлка «Тараса Бульбы». Въ то время Гоголемъ написана была запорожская трагедія «Выбритый Усъ», уничтоженная впослѣдствіи кажется подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отзыва Жуковскаго. Начало этой трагедіи слышалъ въ чтеніи Гоголя одинъ изъ пріятелей его, Пановъ, сообщившій о ней въ письмѣ слѣдующее: «Дѣйствіе въ Малороссіи Въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя

онъ уже написалъ и прочелъ мнѣ, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько въ дѣйствіи, сколько въ словахъ, теперь уже совершенство». Трагедія не появилась, а передѣлка «Бульбы» внесла существенную разницу не только въ подробности, но и въ тонъ повѣсти, послѣднія главы ея отличаются уже тѣмъ дидактическимъ настроеніемъ, которое съ тѣхъ поръ появилось въ произведеніяхъ и письмахъ Гоголя.

Историческими источниками «Тараса Бульбы», какъ видно изъ анализа этой стороны повѣсти, были: «Описаніе Украины» Боплана, «Лѣтописецъ малой Россіи», изданный Туманскимъ [1]), «Исторія Русовъ», обращавшаяся тогда еще въ рукописи, пѣсни и думы въ сборникахъ Максимовича, Лукашевича и собственномъ рукописномъ, Стрыйковскій, «Исторія о козакахъ запорожскихъ» кн. Мышецкаго, изданная только въ 1847 г., но рукопись которой была у Гоголя и «Annales de la Petite Russie» Шерера, куда рукопись кн. Мышецкаго вошла цѣликомъ съ перестановкою лишь отдѣльныхъ ея главъ [2]). Эти произведенія настолько лишь могутъ быть названы источниками «Бульбы», насколько всякій научный трудъ можетъ быть источникомъ для труда художественнаго. Это источники свѣдѣній Гоголя. Самыми важными источниками онъ считалъ народныя пѣсни, къ которымъ обращался особенно охотно.

Судьба повѣсти «Носъ», довольно своеобразна. Оригинальность ея темы вызвала необходимость множества передѣлокъ и перемѣнъ. Въ первоначальной рукописи, напримѣръ, носъ маіора Ковалева заходилъ въ Казанскій соборъ. По цензурнымъ соображеніямъ Гоголь перевелъ его потомъ въ католическую церковь и, наконецъ, такъ какъ ему непремѣнно надо было показаться въ толпѣ, носъ появился въ гостинномъ дворѣ. Московскіе педанты, изъ друзей Гоголя, забраковали «Носъ» за тривіальность и только Пушкинъ, съ его чистымъ вкусомъ, оцѣнилъ эту шутку и далъ ей мѣсто въ «Современникѣ».

---

[1]) „Россійскій магазинъ" 1793 г. № 2.

[2]) Параллель этой перестановки указана у Тихонравова. Отмѣтимъ, въ свою очередь, мало извѣстную и крайне рѣдкую нѣмецкую передѣлку самого Шерера, сдѣланную нѣкіимъ Карломъ Гамерсдёрферомъ и изданную въ Лейпцигѣ въ 1789 году подъ заглавіемъ „Gechichte der Ukrainichen und Saporogichen Kasaken, nebst einigen nachrichten von der Verfassung und den Sitten derselben". Гамерсдёрферъ измѣнилъ планъ Шереровой книги, дополнилъ ее географическими и топографическими примѣчаніями, но сохранилъ основный текстъ, признавъ его болѣе содержательнымъ, чѣмъ краткія свѣдѣнія о запорожцахъ, извѣстныя до тѣхъ поръ въ Германіи изъ поверхностныхъ сочиненій Мюллера и Бюшинга.

Изъ записокъ С. Аксакова извѣстно уже, что отрывокъ «Римъ» есть часть начатой Гоголемъ повѣсти «Анунціата» въ измѣненномъ видѣ. Взгляды героя повѣсти, римскаго князя, вызвали замѣчанія Бѣлинскаго, на которыя, въ одномъ изъ писемъ, Гоголь даетъ чрезвычайно поучительный отвѣтъ: «Бѣлинскій смѣшенъ. И я могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Идея романа состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. И по началу можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣнія производитъ строющійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность». «Ревизору» г. Тихонравовъ удѣлилъ много страницъ «примѣчаній». Еще раньше имъ изданъ былъ отдѣльною книгою тотъ текстъ знаменитой комедіи, по какому она выполняется на сценѣ. Кромѣ окончательнаго текста печатныхъ изданій имъ же добытъ первоначальный текстъ, который будетъ помѣщенъ въ шестомъ томѣ. «Развязка Ревизора», написанная Гоголемъ въ 1846 г. и напечатанная въ первый разъ только въ 1856, печатается теперь по послѣднему, окончательному списку, сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева. Но особенно интересны матеріалы, относящіеся къ «Драматическимъ отрывкамъ». Уцѣлѣвшими страницами цѣлаго, связнаго текста и письмами друзей Гоголя, выясняется несомнѣнно, что пьесы «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ» суть переработанные эпизоды одного и того же произведенія, комедіи «Владиміръ третьей степени», которую Гоголь писалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Несоотвѣтствіе ея темы съ условіями цензуры и обширность плана, которымъ задался авторъ были, кажется, причиною того, что въ печати изъ пьесы появились только отрывки, послужившіе впослѣдствіи многимъ писателямъ образцами бытовыхъ картинокъ и сценъ. Комментаріи къ «Мертвымъ душамъ», содержащіе хронологію текста и исторію его выработки слишкомъ обширны, чтобъ можно было касаться ихъ въ маленькой замѣткѣ. Въ «Перепискѣ съ друзьями» разъясняются мотивы и обстоятельства, вызвавшіе то или другое письмо. Послѣдній изъ вышедшихъ томовъ— пятый содержитъ въ себѣ «Юношескіе опыты», «Арабески», а также варіантъ «Тараса Бульбы», журнальныя рецензіи и отрывки изъ рукописей.

Редактированное г. Тихонравовымъ изданіе послужитъ безспорно цѣннымъ подспорьемъ для изученія творчества Гоголя и вполнѣ отвѣ-

чаетъ требованьямъ историческаго изданія. Но параллельно съ нимъ необходимо общедоступное изданіе очищеннаго отъ разныхъ наслоеній несомнѣннаго текста Гоголя. Цифры, испещряющія текстъ всегда нѣсколько досадны, въ особенности въ произведеніяхъ художественныхъ. Хотя цѣна новаго изданія сравнительно не особенно высока (8 р. 50 к.), но для новыхъ слоевъ читающей публики, образовавшихся въ Россіи, необходимо собранье дешевое. Теперь такія изданія великихъ писателей появляются только съ окончаніемъ авторскихъ правъ, когда на арену жадно бросается спекуляція, доказывающая своей сатурналіей, что дешевыя книги возможны и у насъ. Къ десятому изданію Гоголя приложено два портрета (по Венеціанову и Мамонову), снимки съ рукописей разныхъ годовъ, копія обложки «Мертвыхъ Душъ», рисованной Гоголемъ и рисунки водяныхъ знаковъ на бумагахъ его рукописей. Портреты гравированы на стали у Брокгауза, съ тою аккуратностью, но съ тою и шаблонностью, которыя характеризуютъ работы анонимныхъ граверовъ его мастерской. Мы предпочитаемъ старинныя литографіи, съ которыхъ они сдѣланы, болѣе индивидуальныя и, вѣроятно, болѣе и схожія. Переходу права собственности на сочиненія Гоголя въ руки предпріимчивой московской фирмы нельзя не порадоваться: изданія наслѣдниковъ были страшно небрежны, а въ послѣдніе годы дѣло дошло до такого невѣроятнаго факта, что даже и эти изданія стали библіографическою рѣдкостью.

Г.

Повѣсти и разсказы Грицька Основьяненка. Т. IV. Харьковъ. 1890 г. Стр. 515.

Настоящимъ томомъ продолжается изданіе полнаго собранія сочиненій Квитки, перваго со времени появленія ихъ въ печати (затѣянное при жизни автора не состоялось). Четвертый томъ содержитъ въ себѣ бытовыя русскія повѣсти и историческія замѣтки. Въ свое время все это печаталось въ журналахъ то петербургскихъ, то московскихъ, въ альманахахъ и газетахъ, и, какъ разбросанное повсюду, пропускалось даже критикой. Для современной публики огромное большинство Квиткиныхъ повѣстей является совершенной новостью. Писательскій обликъ его, по мѣрѣ продолженія этого изданія, становится болѣе доступнымъ общему суду.

Послѣ мелкихъ «пробъ пера», Квитка началъ свое писательское поприще украинскими повѣстями, въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Онъ былъ первымъ авторомъ, выступившимъ въ повѣствовательномъ родѣ на малороссійскомъ языкѣ, не имѣя предшественниковъ. Выступивъ такимъ образомъ по свободному почину и создавъ малороссійскую народную повѣсть, онъ слушался лучшихъ и сильнѣйшихъ сторонъ своей творческой натуры и въ этихъ произведеніяхъ, то наивныхъ, то трогательныхъ, то шутливыхъ, гдѣ его духовный складъ находилъ такія вѣрныя краски въ красотахъ простонароднаго языка, онъ запечатлѣлъ лучшія черты своего таланта. Разсматривая его историческія повѣсти («Кіев. Стар.» 1889 г., № 10), мы видѣли какъ много хорошихъ авторскихъ свойствъ удерживалось еще и въ этихъ изображеніяхъ фигуръ и типовъ прошлаго, несмотря на перемѣну языка и отчасти манеры. Такія произведенія какъ «Панна Сотниковна», «Преданія о Гаркушѣ», «Головатый» еще вполнѣ достойны подписи украинскаго новеллиста. Съ конца тридцатыхъ годовъ Квитка берется за романъ и повѣсть изъ жизни культурныхъ классовъ и становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ столичныхъ изданій. Подстрекаемый журналистами и легкими успѣхами на поприщѣ торопливой работы и неприхотливаго юмора, онъ даетъ, одно за другимъ, цѣлый рядъ произведеній, гдѣ прежній талантъ его блещетъ только мѣстами, сбивается болѣе и болѣе на карикатуру. Принадлежа къ авторамъ пишущимъ легко и много, онъ не вынашиваетъ своихъ произведеній, не силится дать своимъ образамъ самую сжатую, законченную и совершенную форму, а пишетъ какъ пишется, разсчитывая, что то, что должно бы быть ярко и сильно сказано въ немногихъ сосредоточенныхъ произведеніяхъ, скажется постепенно и по частямъ въ цѣломъ рядѣ ихъ. Отсюда—эта вереница повѣстей и романовъ растянутыхъ, неровныхъ, гдѣ, на ряду съ страницами превосходными, встрѣчается масса ненужнаго, скучныхъ подробностей и невыносимаго шаржа. И несмотря на это Квитка остается авторомъ поучительнымъ, интереснымъ, талантливымъ. И досадно становится, что онъ такъ не щадилъ своего дарованья, такъ разбрасывался и такъ угождалъ духу времени и тому, что Пушкинъ называетъ въ обществѣ «чернью». На поприще романиста Квитка выступилъ поздно и печатался, правда непрерывно, съ небольшимъ всего лишь десять лѣтъ. Собранныя теперь его повѣсти и разсказы относятся къ самому разгару его участія въ журналахъ: «Современникѣ» Плетнева, «Москвитянинѣ», «Литературной Газетѣ» и другихъ.

Повѣсть «Ганнуся» первоначально была, кажется, писана по малороссійски. Погодинъ перевелъ ее и напечаталъ въ «Москвитя-

нинѣ» безъ имени автора, послѣ чего она издана была въ передѣлкѣ. Это романическая исторія дѣвочки, покинутой матерью вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, выросшей въ Харьковѣ въ бѣдной, рабочей средѣ. Мать разыскиваетъ ее потомъ и находитъ насилу. Бытовыя картины, которыя нашли бы себѣ мѣсто въ повѣсти, будь она разсказана по малороссійски, отсутствуютъ, вслѣдствіе того, что авторъ видимо принаровляется къ шаблонному типу журнальныхъ разсказовъ, съ завлекательнымъ заглавіемъ главъ, съ обращеніями къ «прекраснымъ читательницамъ» и т. п. Реальною осталась лишь картинка посѣщенія деревенской колдуньи, «вѣдьмы». «Ложныя понятія» —очень странная, дидактическая повѣсть, начинающаяся каррикатурой и кончающаяся трагедіей. Пантелеймонъ Стовбырь изъ зажиточныхъ крестьянъ перечисляется въ мѣщане, а потомъ въ купцы, поставивъ себѣ задачею жизни отстать отъ всего «низкаго», что напоминало бы его прежнюю жизнь. Знакомство съ купцами и подъячими, вѣчныя угощенія ихъ, праздность и жизнь не по средствамъ приводятъ его къ нищетѣ. Это—первая жертва ложныхъ понятій. Племянникъ его, Емельянъ, переименовавшій себя въ Эмиля, сынъ богатой сестры, попадаетъ въ Харьковъ и становится какимъ то ходульнымъ романтикомъ въ духѣ Марлинскаго. Онъ влюбляется въ дочь Стовбыря и когда та не соглашается отдаться ему, убиваетъ себя, принявъ яду. Лица повѣсти крайне вычурны. Эмиль—какая то странная смѣсь романтика съ нигилистомъ, Настуся—обыкновенная простушка,—въ концѣ повѣсти становится экзальтированной подвижницей. Она идетъ въ монастырь, что даетъ поводъ изобразить съ большими подробностями картину постриженья въ монахини. Возможно, что повѣсть внушена какимъ нибудь дѣйствительнымъ событіемъ этого рода. О романическихъ самоубійствахъ въ Харьковѣ тридцатыхъ годовъ говорилось когда то и въ нашемъ журналѣ, въ статейкѣ «Харьковскій Вертеръ» («Кіевск. Стар.», 1883 г. № 5). «Добрый панъ», тоже нравоучительный разсказецъ. Молодой помѣщикъ, весельчакъ, вслѣдствіе неудачной любви, дѣлается монахомъ, но потомъ оставляетъ монастырь и живетъ въ мірѣ, дѣлая добро ближнимъ, чѣмъ снискиваетъ названіе «добраго пана». «Ты былъ бы монахъ полезный для себя только, разсуждаетъ онъ. Въ вертоградѣ Христовомъ, въ мірѣ семъ, нужно работать для всѣхъ. Не думай лишь только о себѣ, будь полезенъ ближнимъ.» Эти прекрасныя мысли были бы гораздо убѣдительнѣе, если бы разсказъ былъ написанъ живѣе и не такъ блѣдно. Самъ Квитка въ молодости по-

ступилъ было въ Куряжскій монастырь, но вышелъ оттуда, такъ что въ своемъ разсказѣ онъ несомнѣнно выразилъ субъективныя воззрѣнія.

«Украинскіе дипломаты» воспроизводятъ въ повѣсти сюжетъ «Деньщика-Шельменка», написаннаго въ одинъ и тотъ же 1840 годъ. Помѣщики, забавляющіеся рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ по газетамъ, которыя читаютъ за цѣлый годъ разомъ, или сидя за «своимъ бюро», — это и есть дипломаты. Изъ подъ носа ихъ лукавый деньщикъ Шельменко, дипломатъ другой школы, выкрадываетъ дочку-невѣсту и устраиваетъ бракъ ея съ своимъ бариномъ-офицеромъ. Въ повѣсти всѣ эти лица каррикатурны до неправдоподобія, комедія «Шельменко-деньщикъ» неизмѣримо выше. Это живая и веселая вещь, только мѣстами сбивающаяся на шаржъ, но свободная отъ длиннотъ, какими изобилуетъ повѣсть. Шельменко въ «Дипломатахъ» лицо второстепенное. Въ комедіи онъ выдвинутъ на первый планъ и говоритъ типичнымъ малороссійскимъ языкомъ, а не ломаннымъ русскимъ, какъ въ повѣсти. «Дипломаты» комедіи наскучаютъ менѣе повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, въ обрисовкѣ ихъ сохранены лучшіе комическіе штрихи. Дѣйствіе идетъ живо и естественно. У Квитки былъ несомнѣнный сценическій нервъ и лучшая изъ пьесъ его «Сватанне на Гончаривци», по живости и искусному развитію интриги, можетъ быть названа произведеніемъ образцовымъ. Часто въ повѣстяхъ и романахъ своихъ Квитка прерываетъ разсказъ и даетъ сцены въ лицахъ, что говоритъ о сродности его таланту драматической формы. Въ комедіи этого названія, Шельменко, этотъ украинскій Фигаро, возвышается до типа. Пьеса эта всегда пользовалась успѣхомъ и дала прекрасный сценическій матеріалъ такимъ артистамъ, какъ Соленикъ, Щепкинъ и Кропивницкій. Повѣсть же «Дипломаты», въ ряду другихъ произведеній Квитки, слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ слабыхъ.

Очеркъ «Ярмарка» — едва ли не лучшая вещь въ книгѣ. Тамъ, гдѣ Квитка оставляетъ желанье смѣшить во что бы то ни стало и остается простымъ и естественнымъ, — у него являются прекрасныя реалистическія картинки, вродѣ описанья этой шерстяной ярмарки, съ ея продавцами-помѣщиками, сборищами въ лавкахъ, въ театрѣ, въ собраніи, вывозимыми на показъ дочками-невѣстами и офицерами-женихами. Картина этой убогой «общественности» былаго времени, нарисованная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, является теперь поистинѣ исторической. «Основанье Харькова» — семейное преданіе. Предокъ Квитокъ былъ, будто бы, сыномъ московскаго боярина, бѣ-

жавшаго отъ Іоанна Грознаго въ Литву или къ нѣмцамъ. Послѣ какой то трагедіи, случившейся на чужбинѣ, старый слуга привозитъ мальчика въ Кіевъ, гдѣ онъ попадаетъ сначала къ одному изъ горожанъ, а потомъ къ воеводѣ поляку. Выросши, онъ бѣжитъ съ дочерью воеводы въ степи и поселяется близъ нынѣшняго Харькова. По его вызову въ тотъ край явились колонисты изъ Украины и положили начало и Харькову, гдѣ первый храмъ освященъ былъ въ 1646 г. «Укажу боярамъ на здѣшній край, передамъ имъ мысли мои, что благого можно устроить здѣсь и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь привелъ меня». Эти слова, которыя Квитка вкладываетъ въ уста своему предку, необыкновенно шли бы какъ надпись на памятникѣ ему самому, если бъ таковой поставленъ былъ когда либо благодарнымъ Харьковомъ, которому онъ послужилъ въ своей жизни такъ много.

Покуда Харьковъ едва собрался на изданіе его сочиненій, да и то, хотя хорошо редактируемое, выходитъ съ убійственною медленностью. Издателемъ является уѣздное земство, имѣющее, безъ сомнѣнія, и безъ того много расходовъ и дѣлъ. Въ городѣ, ворочающемъ милліонами, какъ Харьковъ, не находится ни одного богатаго и просвѣщеннаго издателя, чтобъ поддержать и ускорить это дѣло, хотя бы изъ того соображенія, что культурный интересъ и ореолъ даютъ извѣстному мѣсту именно только такія, связанныя съ почвой явленія творческаго порядка, какъ напр. Квитка.

Къ повѣстямъ въ этомъ томѣ присоединены историческія замѣтки: «О слободскихъ полкахъ», «Украинцы», «Городъ Харьковъ» и «Исторія театра въ Харьковѣ».

Н. Леопардовъ и Н Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. II. Кіевъ, 1891. VIII табл.+17 стр. текста.

Второй выпускъ по содержанію гораздо разнообразнѣе перваго. Здѣсь, кромѣ снимковъ съ крестовъ и образковъ, которыми исключительно былъ наполненъ первый выпускъ, находится также таблица монетъ и таблица съ изображеніемъ стариннаго ларца. Изъ восьми таблицъ первыя шесть заняты крестами и образками. На *первой* пять энколпіоновъ, два серебряные болѣе новые и два (№ 5 и № 9), которые можно отнесть къ типу переходному отъ энколпіоновъ къ позднѣйшимъ двустороннимъ крестамъ и намъ кажется, что ихъ

нельзя отнести къ XII—XIII в., какъ это сдѣлано въ объясненіи къ таблицамъ. *Вторая* таблица, оборотныя изображенія предметовъ, помѣщенныхъ на первой. *Третья* заключаетъ три энколпіона и три образка. Одиннадцать крестовъ, принадлежащихъ г. Бѣляшевскому, составляютъ *четвертую* таблицу. Выдѣляется между крестами по своей величинѣ энколпіонъ № 6, помѣщенный по срединѣ. И въ этомъ случаѣ нельзя согласиться съ опредѣленіемъ времени нѣкоторыхъ крестовъ; такъ напр. № 4 по формѣ и работѣ не можетъ относиться къ IX—X в., а относится ко времени гораздо позднѣйшему, тоже самое въ особенности нужно сказать и по отношенію къ кресту № 11, пріуроченному въ объясненіи къ IV—V вѣку. Преувеличена также, по нашему мнѣнію, и древность кипариснаго рѣзнаго креста, помѣщеннаго на таб. *5-ой* и относимаго къ XII — XIII в. На этой же таблицѣ находимъ и другой кипарисный крестъ въ металлической оправѣ, названный уніатскимъ (?), а также два небольшихъ крестика и свинцовый крестъ, служившій для помазанія мvромъ. *Таблица* шестая—обороты крестовъ. На 7-ой табл. даны изображенія пяти серебряныхъ и шести мѣдныхъ монетъ, или до сихъ поръ еще не изданныхъ или отличающихся большой рѣдкостью. Очень рельефно вышли въ фототипіи серебряныя монеты. Между ними отмѣтимъ алтынъ 1710 г. и рубль имп. Елизаветы 1758 г. съ буквами подъ орломъ С--ю. Есть также интересныя и между мѣдными, какъ напр. двухфранковикъ и пятифранковикъ, битые въ Парижѣ въ 1814 г. съ вензелемъ Александра I, и интересные тѣмъ, что они чеканены не на серебрѣ, а на мѣди. На послѣдней *восьмой* табл. снятъ сверху и сбоку небольшой ларецъ, украшенный эмалью на мѣди; хотя въ верхнемъ медальонѣ и значится титулъ Алексѣя Михайловича, но все таки трудно предположить, чтобы этотъ ларецъ служилъ объектомъ царскаго подарка, какъ это высказано въ объясненіи.

Текстъ, принадлежащій Н. Леонардову, состоитъ изъ двухъ частей. Первая—это объясненіе таблицъ, вторая—«О сходствѣ изображеній на нѣкоторыхъ херсонскихъ монетахъ съ изображеніями на Дрогичинскихъ свинцовыхъ знакахъ (пломбахъ)»,—въ статьѣ находится сравнительная таблица монетъ и знаковъ, гдѣ дѣйствительно сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно, жаль только что таблица сдѣлана небрежно. Въ видѣ приложенія помѣщена въ концѣ статья «О значеніи для Россіи константинопольскаго патріарха Фотія». Мотивомъ помѣщенія въ Сборникѣ этой статьи послужило то, что выходъ этого

выпуска Сборника совпалъ съ временемъ празднованія у насъ тысячелѣтія со дня смерти этого патріарха.

Нужно признать, что и второй выпускъ внесъ свою долю въ дѣло разработки русской археологіи.

Третій выпускъ обѣщаетъ быть также интереснымъ, такъ какъ тамъ предполагается помѣстить снимки съ неизданныхъ еще древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ въ этомъ краѣ.

Н. Б.

В. Щегловъ. Историческая справка о полѣ полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. 46 стр.

Въ настоящее время на полѣ полтавской битвы существуютъ три «памятника»: могильный холмъ, возлѣ холма церковь и здѣсь же церковно-приходская школа, основанная въ 1889 году. Объ этихъ то памятникахъ и дѣлаетъ «справку» г. Щегловъ.

Самымъ древнимъ и реальнымъ изъ нихъ является, несомнѣнно, могила, насыпанная на другой день послѣ битвы. Долгое время она оставалась въ первобытномъ состояніи [1]) и только въ 1856 году приведена въ настоящій искусственный видъ (стр. 15), который, по нашему мнѣнію, не является улучшеніемъ памятника, такъ какъ послѣдній въ значительной степени перестаетъ быть современнымъ событію.

Въ 1857 г. возлѣ могилы построена церковь на деньги, пожертвованныя въ началѣ текущаго столѣтія О. С. Судьенкомъ. Сначала думали устроить монастырь, желая такимъ образомъ осуществить волю Петра [2]); но позже ограничились церковью (стр. 26). Часть денегъ изъ капитала Судьенка, оставшаяся за удовлетвореніемъ расходовъ по постройкѣ церкви и по другимъ затратамъ

---

[1]) Видъ шведской могилы въ началѣ текущаго столѣтія помѣщенъ у *Брикнера* Ист. Петра Великаго, т. 2, стр. 450.

[2]) Указъ Петра о постройкѣ Петропавловскаго монастыря на мѣстѣ полтавской битвы былъ изданъ въ іюлѣ 1709 года, но приведенъ въ исполненіе не былъ. Причину этого скорѣй, по нашему мнѣнію, нужно искать въ нерасположеніи Петра къ монахамъ во вторую половину его царствованія (П. С. З. № 4151 и 4183, *Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XVIII (1-е изданіе) стр. 200—

(стр. 28 — 30), хранилась до послѣдняго времени въ казначействѣ, а 27 января 1890 года передана въ распоряженіе Св. Синода. Капитала этого добивались разныя учрежденія, между прочимъ и полтавское земство, желавшее обратить его «на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ» (стр. 34). Но капиталъ остался за духовнымъ вѣдомствомъ, которое распорядилось одну часть капитала употребить на расширеніе и ремонтировку церкви и на содержаніе при ней причта, а другую — на устройство церковно-приходской школы.

Шведская могила лежитъ верстахъ въ 5 отъ Полтавы, вдали отъ всякаго жилья, среди равнины, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по словамъ г. Щеглова, въ зимнее время «въ теченіи цѣлыхъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ не встрѣчалось здѣсь ни одной посторонней живой души; только жалобный стонъ пустыннаго вѣтра да сердитыя завыванія зимней вьюги слетались сюда, какъ бы для того, чтобы вмѣстѣ спѣть скорбную пѣснь нѣкогда носившейся здѣсь страшной смерти» (стр. 32). Потому-то намъ и кажется страннымъ существованіе тамъ школы, до которой зимой не всегда, вѣроятно, и добраться можно. Несерьезными кажутся намъ разсужденія г. Щеглова, увѣряющаго, что «болѣе подходящаго мѣста для школы истинно-православнаго патріотическаго духа трудно и отыскать» (стр. 38—39).

Вообще, нужно сказать, чтеніе брошюры г. Щеглова оставляетъ нелестное для автора впечатлѣніе. Если бы авторъ ограничился одной только исторической частью, отбросилъ всѣ свои разсужденія, написалъ бы не 46, а страницъ 10—15, да написалъ бы притомъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, а не какимъ то особымъ, къ которому читатель совсѣмъ не привыкъ—его оставалось бы только поблагодарить.

Мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ касаться разсужденій г. Щеглова, тѣмъ болѣе, что они состоятъ преимущественно изъ общихъ мѣстъ (стр. 38—39, 42—43). Отмѣтимъ только слѣдующую фразу автора при оцѣнкѣ значенія полтавской битвы: «здѣсь додѣлывалось,

---

204), чѣмъ въ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, будто бы помѣшавшихъ Петру привесть въ исполненіе свое намѣреніе (Щегловъ, стр. 17). Въ 1723 г. Петръ хотѣлъ ограничиться постройкой одной только каменной пирамиды.

говоритъ онъ, историческое окно въ Европу, съ которою Россія послѣ этого вступаетъ въ болѣе живыя и тѣсныя сношенія, пріобщаясь постепенно тѣхъ плодовъ цивилизаціи, *надъ которыми уже столько вѣковъ работало въ ней много сильныхъ и искреннихъ умовъ»* (?!) (стр. 7). Къ сожалѣнію г. Щегловъ не называетъ ни одного изъ этихъ именъ...

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 2.—Русская Мысль № 2.—Русскій Вѣстникъ № 2.—Сѣверный Вѣстникъ № 2.—Русское Обозрѣніе № 2.—Наблюдатель № 2.—Русская Старина № 2.—Русскій Архивъ № 2.—Историческій Вѣстникъ № 2.

Вѣстникъ Европы. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—подробная рецензія о «Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. новороссійскомъ университетѣ. I», гдѣ помѣщены: Успенскаго «Воспоминанія о Григоровичѣ» и Мочульскаго: «Описаніе рукописей Григоровича» — бывшаго профессора новороссійскаго университета, слависта, извѣстнаго своими работами по изученію южно-славянской и русской письменности (стр. 896—902). *Н. В. С—жевъ.* «Исторіографія и Компиляція». Подробный разборъ третьяго тома «Исторіи Россіи» Иловайскаго, обнимающей XVI стол. (стр. 914—929).

Русскій Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Новости литературы» похвальный отзывъ объ «Исторіи Россія» Иловайскаго, т. III (стр. 342—346).

Сѣверный Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Литературныя замѣтки» Волынскаго—краткая замѣтка по поводу напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьи г. Розанова, въ которой Гоголь подвергнутъ жестокому бичеванію (стр. 160—162).

Русское Обозрѣніе. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи статья П. В. Безобразова: «Еще объ «Исторіи» Д. И. Иловайскаго», пред-

ставляющая продолженіе спора этихъ двухъ историковъ, въ которомъ г. Безобразовъ доказываетъ, что исторія г. Иловайскаго (томъ III) не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только компиляція (стр. 932—940).

Русская Старина. II. 1891 г. *Ремезовъ. «Ник. Ив. Костомаровъ»*. Приведенъ автобіографическій очеркъ жизни и трудовъ Костомарова, написанный имъ для редакціи «Русскаго художественнаго листка» въ 1860 г. и переданный редакціей въ Императ. публич. библ. (стр. 483—490). Въ замѣткахъ— приведено письмо И. С. Тургенева къ издателю журнала «Народное Чтеніе» Оболонскому (1859—1860 гг.), извѣщающее о томъ, что комитетъ литературнаго фонда озабоченъ улучшеніемъ положенія родственниковъ Т. Г. Шевченко (стр. 406).

Историческій Вѣстникъ. II. 1891 г. *П. Н. Полевой. Историкъ-идеалистъ.* Авторъ на основаніи разбора біографіи Н. И. Костомарова и своего личнаго съ нимъ знакомства старается доказать, что какъ общественный дѣятель, а еще больше какъ ученый Костомаровъ былъ большимъ мечтателемъ и фантазеромъ, неспособнымъ къ критическому и зрѣлому изученію и обсужденію историческихъ фактовъ (стр. 501—520).

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. (Отвѣтъ на замѣтку г. Сумцова, напечатанную въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1891 г., стр. 316—317). Затерянная въ 1880 году редакціей «Русской Мысли» рукопись Н. И. Костомарова, заключавшая въ себѣ начало второй главы изслѣдованія «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» — *«А) Хмельнищина»*, отыскана въ бумагахъ той же редакціи и напечатана въ «Русской Мысли» въ 1883 году (кн. VII, 269—307 и кн. VIII, стр. 107—143) подъ общимъ главнымъ названіемъ изслѣдованія и со вторымъ, произвольно редакціей измѣненнымъ: «Борьба козаковъ съ поляками» вмѣсто: «Борьба южно-русскаго народа съ Польшею».

Подробныя указанія по этому предмету находятся въ «Библіографическомъ указателѣ сочиненій Н. И. Костомарова», помѣщенномъ въ сборникѣ его неизданныхъ произведеній «Литературное Наслѣдіе». 1890 г. (См. страницы сборника 515—516, № 241 указателя и стр. 519, въ замѣткѣ, слѣдующей за № 290 указателя).

Издат. „Литературнаго Наслѣдія“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica: 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа“ въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ **50к.**, съ перес. **60** к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к.; 1/2 стран.—4 р. 50 к.; 1/4 стран.—2 р. 50 к.; 1/8 стран.—1 р. 50 к

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., д. № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные компдекты „Библіографа" за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1. Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 к. 2. Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Мееодіи. Ц 40 коп. 3. Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографическій указатель произведеній Сѣрова. II. Библіографическій указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за вып. 4. Библіографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

3—3 Редакторъ *Н. М. Лисовскій.*

Открыта подписка на 1891 г. на издающійся безъ предварительной цензуры ежемѣсячный журналъ

„ВОСХОДЪ"

И ГАЗЕТУ

„НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА".

Въ 1891 году журналъ „Восходъ" и газета „Недѣльная Хроника Восхода" вступаютъ въ одиннадцатый годъ своего существованія.

Десятилѣтняя дѣятельность „Восхода", надѣемся, настолько выяснила его цѣли и задачи, равно какъ и способы ихъ осуществленія, что едва ли теперь предстоитъ надобность въ болѣе обстоятельномъ ихъ разъясненіи.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драмы, разсказы, очерки, стихотворенія, оригинальные и переводные; статьи историческія, статьи по общест-

веннымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографіи, критика и библіографія.

Газета посвящена текущимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ, и въ ней по прежнему будутъ помѣщаться:

I. Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. — II. Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ.—III. Отголоски печати.—IV. Оффиціальныя извѣстія.—V. Петербургская лѣтопись.—VI. Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи.—VII. Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ.—VIII. Замѣтки литературныя, библіографическія, художественныя и т. д.—IX. Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки.—X. Объявленія.

Въ „Восходѣ" и „Недѣльной хроникѣ" принимали участіе:

Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (профессоръ), Бердяева Елена, Берхинъ I., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами, Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К., Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (проф.), Грузенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ѳ., Кайзерлингъ д-ръ, Канторъ Л. О., Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Лифшицъ Г. Г. (Гершонъ-б.-Гершонъ), Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мордовцевъ Д. Л., Мышъ М. И., Мандельштаммъ I. Е., Мережковскій Д., Никитинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), Позняковъ Н. И., г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Д. (Н. Н. Фирсовъ), Русскій (псевдонимъ), Сементковскій Р. И., Скрипицынъ В. А., Станиславскій С. М., Фругъ, С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ" и газеты „Недѣльная хроника Восхода" 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ 2—слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ. Площадь Большого Театра, 3 и 2 а, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3 Редакторъ-издатель **А. Ландау.**

Открыта подписка на 1891 г. на

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную, Экономическую и Коммерческую газету.

Вступая въ 65-й годъ своего существованія, „Одесскій Вѣстникъ и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ — быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русск. края

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" ежедневно помѣщаются:

1. Телеграммы общія.
2. Телеграммы коммерческія.

3. Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4. Газетное обозрѣніе.
5. Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6. Внутреннія извѣстія.
7. Иностранныя извѣстія.
8. Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9. Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10. Искусство и Литература.
11. Судебная хроника (общихъ и военн. судовъ).
12. Отголоски (летучія замѣтки по разн. предметамъ).
13. Смѣсь и Разныя извѣстія.
14. Фельетонъ (литературн., научный, беллетристическій и др.).
15. Торговыя свѣдѣнія.
16. Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" печатаются *портреты* и *рисунки*, относящіеся къ событіямъ дня.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „ 30 „

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника" на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ и всѣ нумера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

3—3

Подписка на 1891 годъ на

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ

XVI-й годъ изданія

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы областные и, занимаясь по мѣрѣ силъ и возможности разработкой вопросовъ мѣстныхъ, газета тѣмъ не менѣе

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться спеціалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч.

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцевъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

3—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хороманскій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

ЗАРЯ, которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука“, еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари“ будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука“, какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря", которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостиныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря" имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари" обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука" за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря" будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари", кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю" будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ,** (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ" съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

прилагают къ подписной цѣнѣ 2 р. Желающіе получить двѣ, три и болѣе масляныхъ картинъ доплачиваютъ за первую картину 2 р., за слѣдующія по 3 руб.

Годовые подписчики могутъ получить, въ качествѣ художественной преміи, вмѣсто писанной картины, большую олеографію на выборъ изъ слѣдующихъ семи картинъ: 1) **СѢНОКОСЪ**, худ. Сергѣева, 2) **НА ПАСТБИЩѢ**, худ. Сергѣева, 3) **ОБИЛЬНЫЙ УРОЖАЙ** (крестный ходъ), худ. Мещерскаго, 4) **ТРОЙКА**, худ. Сверчкова, 5) **ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ**, худ. бар. Клодта, 6) **ВЕЧЕРЪ НА ХУТОРѢ**, худ. Сергѣева и 7) **ПОѢЗДЪ СТОИТЪ 3 МИНУТЫ**, худ. Сергѣева. За картину-олеографію доплачивается къ подписной цѣнѣ 1 р.; лица, желающія получить нѣсколько такихъ картинъ, доплачиваютъ за первую 1 рубль, за слѣдующія по 2 рубля.

Всѣ требованія адресуются: въ главную контору газеты „Заря“,— Москва, Петровка, д. Кред. Общ., при типографіи И. И. Родзевича.

3—3

Открыта подписка на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возроставшій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдетъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью—служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространенію, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Подписка принимается:

Въ Одессѣ: въ главной конторѣ—Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ), собственный домъ.
Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., д. № 11.
Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.
Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, д. № 37.

Отдѣленія наши находятся:

Въ Херсонѣ — магазинъ А. Медвѣдовскаго, Суворовская улица, домъ Финкельштейна.
Въ Кременчугѣ—у Александра Давидовича Клейфа.
Въ Полтавѣ—книжный и писчебумажный магазинъ С. М. Шилянскаго.
Въ Харьковѣ—въ редакціи „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей,—у В. С. Лапидуса.
Въ Николаевѣ—контора Фефербойма.
Въ Кишиневѣ—книжный магазинъ Шаха.
Въ Аккерманѣ—магазинъ Д. М. Асвадурова, Николаевская улица.
Въ Екатеринославѣ—книжный магазинъ Шафермана, Екатерининскій проспектъ.
Въ Елисаветградѣ—у г. Розенберга, Большая улица, домъ Канона.
Въ Балтѣ—магазинъ И. Барскаго, уголъ Соборной и Тюремной.
Въ Бендерахъ—магазинъ Бота.
Въ Вознесенскѣ—Купеческая ул., д. Ф. Ланцмана, кв. В. Айзикевичъ.
Въ Винницѣ—магазинъ Л. Красносельскаго, по Почтовой улицѣ.
Въ Могилевѣ-Подольскомъ—топографія Б. Г. Кваши, Владимірская ул.
Въ Александріи—у г. Бруднаго
Въ Бердянскѣ—у А. Е. Цвибака, Воронцовская улица, домъ Никитина.
Въ Тираспольѣ—у г. Гриншпона.
Въ Измаилѣ—въ агентствѣ страховаго общества „Надежда“, у г. Гамшіевича.
Въ Керчи—кв. Н. Н. Мазуренко, Строгоновская ул., домъ Головина.
Въ Ялтѣ—магазинъ Синани.
Въ Севастополѣ—магазнъ Шишмана.
Въ Симферополѣ—у г. Бродскаго.
Въ Маріуполѣ—у М. Н Фалькевича.
Въ Житомірѣ—у М. С. Грановскаго.
Въ Проскуровѣ—у г. Гершенцвита.
Въ Умани—у г. Грановскаго.
Въ Липовцѣ (кіевской губ.)—у г. Очеретянскаго.

Редакторъ Е. Попандопуло. Редакторъ-Издатель А. Старковъ.

3—3

РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

10-й ВЫПУСКЪ

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

слова отъ Барменъ“ до Беза) 12 портретовъ (Барнай, Баррасъ, Бартоломео, Бартъ, Барятинскій, Батюшковъ, Бахъ, Бебутовъ и др.) 17 рисунк. въ текстѣ. Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 30 и 40 к., смотря по разбору бумаги. Подписка продолжается: за 14 выпусковъ съ пересылкой и доставкой на домъ, на лучшей бумагѣ—5 р. 80 к., на обыкновенной—4 р. 40 к., исключительно въ главной конторѣ Словаря. Москва, Тверская, Гнѣздниковскій пер., д. Мартыновой. Выписывающіе выпуски отдѣльно, прилагаютъ по 10 к за пересылку на каждый выпускъ, почтовыми марками.

Дозволено ценз. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXII, 1891 г. Январь, Февраль и Мартъ.

		стр.
I.	Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго**	1—18
II.	Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. 3. Превелебный сватъ. **Ор. И. Левицкаго.** 19—39.	269—280
III.	Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши) 40—72, 255—268	463—477
IV.	Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. (Окончаніе) **Ив. В. Теличенка.** 73—97	232—254
V.	Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. III. **Г. В. Есипова.** 98—118, 215—231,	402—421
VI.	Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій (1696—1720 гг.) **Н. В. Стороженка.**	119—153
VII.	Памятникъ украинской литературы конца XVII вѣка. **Н. В.**	154—161
VIII.	Два письма Т. Г. Шевченка (1640 и 1847 гг.) . .	209—214
IX.	Галицко-русскій «savoir vivre»	281—299

стр.

X. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. **В. А. Мякотина** . . . . 300—314

XI. Турбаевская катастрофа. **А. Я. Ефименко** 733--401

XII. «Онъ присягалъ». **Д. В. Марковича**. . . . . 422—432

XIII. Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ. **Ник. Ѳ. Бѣляшевскаго** . . . . 433—444

XIV. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. **Хр. П. Ящуржинскаго** . . . . 445—462

XV. Реформы въ Малороссіи при графѣ Румянцевѣ **Н. В. Стороженко**. . . . . 478—493

XVI. Документы, извѣстія и замѣтки. Письмо Петра I о полтавской побѣдѣ. **Ор. И. Левицкаго**. Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII вѣка. **И. М. Каманина**. Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. **А. Л.** Письмо графа П. А. Румянцева-Задунайскаго къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому о награжденіи малороссіянъ чинами. **Сообщ. Н. В. Стороженко**. Четыре письма жены полковаго обознаго Евдокіи Сахновской къ мужу. 1743—44 гг. **А. Л.** Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни. Г. П. Данилевскій. Премія имени Г. Ѳ. Карпова. Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. **Сообщ. Л. И. Мацѣевичъ.** О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. **Н. Ѳ. Сумцова**. Указъ кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. **Н. В.** Отрывки изъ фамильныхъ архивовъ. **Н. В. Стороженка.** Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ. **А. Л.** Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. **Сообщ. Д. И. Багалѣй**. Къ исторіи попытокъ сокращенія

стр.

праздниковъ. **Н. С.** Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. **Сообщ. И. В. Лучицкій.** Новые альбомы д ра де-ля-Флиза. **Н. Б.** Изображеніе галернаго раба XVIII вѣка. **Н. С.** Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 году. 162—185, 315—336 . . 494—513

XVII. Максимъ Илляшенко, полковникъ лубенскій. 1677—1687. **А. Л.** . . . . 186—189

XVII. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ полтавской губерніи. **А. В. Стороженка** . . . 337—351

XVIII. Библіографія. С. Т. Аксаковъ: Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. **А. І. Степовича.** Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. **В. Я.** Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. **Н. В.** Лѣтопись историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ. **А. М.** Księga smierci albo krzyż Chrystusow. Przez Lazarza Baranowicza, archiepiskopa Czernihowskiego. **М. М.** Д. И. Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. **В. Н. Ястребова.** Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. **Н. В.** Полницкій А. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. **А. І. Степовича.** Пинчуки, этнографическій очеркъ. **А. І. Степовича.** Памятная книжка конотопскаго земства 1865—1891 гг. **Н. В.** Новороссійскій календарь на 1891 годъ. **В. Н. Ястребова.** Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). **Н. В.** И. Каманинъ. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ (Архивъ юго-западной Россіи, часть V, томъ II.). **Н. М.** В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. **Н. Н. Любовича.** Сочиненія Гоголя, изданныя подъ редакціей Тихонравова, V т. **Г.** Повѣсти и разсказы Грицька Основьяненка. Т. IV.

стр.

Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. В. П. **Н. Б.** В. Щегловъ. Историческая справка о полѣ полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. **Н. В.** Обозрѣніе журналовъ. 190—208, 352—371. . . . . 512—544

XIX. Объявленія.

Приложенія: 1) Портретъ Максима Илляшенка.
2) Михайловская церковь въ г. Переяславѣ.
3) Письмо Т. Г. Шевченка.
4) Покровская церковь г. Переяславѣ.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коливщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.